

A whimsical, colorful illustration depicting a chaotic Christmas scene. In the upper right, a large grey elephant with yellow tusks is running, carrying a man in a yellow robe and a conical hat on its back. To the left, a man in a green tunic and red cape stands next to a large, dark, decorated Christmas tree. The tree is adorned with various ornaments, including a red star on top, a yellow bell, and a red and white striped cone. In the upper left, a man in a brown hat and coat carries a large wooden crate. In the center, a group of men are walking; one is holding a small yellow lantern, and another is holding a red bag. To the right, a man in a green coat and red belt is walking, carrying a red bag and a long staff. In the lower left, a man in a blue suit is riding a brown reindeer. Next to him, a man in a green hat and coat is walking. In the lower center, a man in a blue suit is kneeling, holding a large, colorful snake. To the right of the snake, a man in a red hat and coat is walking. In the lower right, a man in a green coat and red belt is walking, carrying a red bag and a long staff. In the bottom left, a man in a blue suit is walking. In the bottom center, a man in a green hat and coat is walking. In the bottom right, a man in a red hat and coat is walking. Various other animals are scattered throughout the scene, including a small green frog, a small brown turtle, a small orange fox, and a small black cat. The background is a plain, light-colored surface.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

Друзья! Часы двенадцать бьют.
Трубит под елкой Робин Гуд.
Мы всех зовем сегодня
На праздник новогодний.

Летят на зов, катят на зов
Герои сказок и стихов —
Все те, о ком в журнале
Вы за год прочитали.

Они спешат со всех сторон...
И вот под елку прямо
Бежит могучий друг наш Слон
Из дальнего Вьетнама.

О нем вы помните рассказ?...
Он щурит хитрый, добрый глаз
И тянется неловко
За вкусно морковкой.

Летят, катят издалека
Герои «Пионера» —
От Урожая-толстяка
До Мальчика в сомбреро.

Стремится к небу вертолет,
Вот Анаконда — та ползет.
Хотя она звезда кино,
Ей пресмыкаться суждено.

А Черепаха, слыша рог,
Волочит спину жесткую.
У Черепахи путь далек:
Она галапагосская...

Скользить по снегу хорошо!
Луна крупнее блюда.
Несутся Юлия, Пешо...
Следы их остаются...

А дальше — Звездный Человек!
А дальше — лыжников пробег!
Гляди, Морские Волки
На лыжах мчатся к елке!..
Вот Колька — удалой премьер —
Друзей смешит на свой манер,
Показывая трюки
Циркаческой науки.

А вслед за ним — опять, опять,
Зверята, куклы, конники...

На пленку всех спешит заснять
Герой из «Кинохроники»:

Тех, кто кивает головой
С обложки первой и второй,
И тех, кто по оплошке
Не вышел на обложке.

Толпа ребят, котов, мышат
Кружится хороводом.
Они поздравить вас спешат:
Ребята, с Новым годом!..

Двенадцать бьет! Двенадцать бьет!
Вот-вот наступит Новый год.
Спешите к нам сегодня
На праздник новогодний!

Ю. Новикова

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

В этом номере:

Оленкина вина.— Рассказ А. Девяткина. Рисунки П. Кирпичева	2
Рассказы японских школьников. Рисунки В. Цельмера	8
Вертолет-рекордсмен.— Фото Е. Умнова	15
Обучение коня.— Стихи Цэрена Бадмаева. Перевод Николая Глазкова. Рисунок В. Трофимова	16
Небо стало ближе.— Очерк К. Кочеткова. Фото Вл. Минковича и Ю. Мигача	17
Звездный человек.— Научно-фантастический роман (продолжение). А. Полещук. Рисунки Ф. Лемкули	22
В поисках анаконды. (Из записок путешественников)— Рольф Вломберг. Перевод Л. Жданова. Фотографии автора. Рисунки О. Зотова	36
Сказка о том, как правда все-таки победила.— Стихи Джанни Родари. Перевод Вл. Файнберга. Рисунки А. Брея	44
Они угрожают нашим лесам и садам.— П. Смолин	46
Б поморье. Сеть.— Стихи Ю. Коринца. Рисунки автора	49
Дикие гуси.— Рассказ С. Ларионова. Рисунки Б. Виногурова	50
Таежная ферма.— А. Тараданкин. Фото Е. Кнорре и О. Семенова-Тян-Шанского	57
Пионерские новости	60
Две карачаевские сказочки.— А. Гарф. Рисунки А. Брея	64
Почему и отчего	66
В мире книг	68
Море в пустыне.— А. Осипов. Фото А. Полякова	71
Тшеславная трубка. Почему ревет осел.— Короткие сказки Джанни Родари. Перевод Ю. Ильина	72
Телевизор на локомотиве.— Ю. Моралевич	73
Весело на коньках.— М. Черевков	74
На нашем дворе.— Слова Н. Малышева, музыка В. Кручинина	75
Страничка коллекционера	76
В часы досуга	78
Содержание журнала «Пионер» за 1957 год	79

На обложке:
рисунок Е. Ведерникова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Оленкина вина

РАССКАЗ

А. ДЕВЯТКИН

Рисунки П. Кирпичева.

Рыбаки любят свет и простор. Избы у них нетесные, чисто прибраны и никогда не бывают на запоре. Окна высокие, широкие, смотрят на Медведь-озеро.

Из Оленкиного окна хорошо виден большой прибрежный камень, поросший мхом — золотисто-зеленым сверху и бурым по бокам, у воды.

И этот валун, и блещущая водная ширь, и бухта подковой с избами колхоза «Озерный», и сосны, уходящие макушками в самое поднебесье, взглянешь — голова закружится, и песчаный кособок так милы Оленкиному сердцу, что не раз она пробовала нарисовать все это. Да получалось непохоже: повсюду так много разных красок, а на бумаге выходило не то — не по-правдашнему.

Теперь-то уж можно бы цветными карандашами раскрасить. Да не так-то просто оказалось подобрать нужный цвет. Озеро не бывает одним и тем же: то оно зеленоватое, а то синее-синее, прозрачное, и тогда на дне разглядишь ракушки, беленькие камешки, юркие стайки пугливой плотвы. А иной раз оно так заблещет своей гладью — даже глазам больно. То озеро не шелохнется, будто зеркало в зеленой оправе берегов лежит. А то взбаламутится, седой гривой затрясет и погонит волну за волной... Пока собираешься подходящим цветом раскрашивать, озеро переменялось. Недаром рыбаки говорят: с причудами оно.

Да что с того, что озеро с высокими воротцами радуги, рыбаки, тянущие сети с трепещущей серебристой рыбой, мальчишки, девчонки раскрашены в разные цвета! Бывало, раньше простым карандашом нарисуеть, вырежешь и наклеишь на оконце смешных человечков, Шамаханскую царицу у шатра, работника Балду с чертенком, а ребята соберутся под окно, разглядывают, смеются, хвалят, кланчат: «Оленка, подари!..» А теперь и рисунки никому не подаришь и рисовать-то приходится украдкой. Никакой радости...

Оттопырив нижнюю губу, Олена выдохнула воздух, чтобы откинуть свесившуюся на глаза прядку белых, как лен, тонких волос.

И тут она услышала на высоком крыльце разговор.

— Заходите, заходите! — приглашала кого-то мать.

Олена торопливо собрала карандаши, поставила к стене табурет, влезла и засунула их за самодельную березовую рамку с увеличенной фотографией отца, которого совсем не помнила, и матери, улыбки которой, круглолицей, с ясными, задорными глазами, так не похожей на теперешнюю.

Тоненько пропела дверь. Заскрипели половицы сеней.

— Ай, наслежу!.. — послышался голос.

Олена узнала его: «Учительница!» И шмыгнула за ситцевый полог. «Наверно, Мокша ей все рассказал!» От этой мысли бросило в жар.

Мария Сергеевна потопталась на половике, чтобы вытереть туфли, вошла в комнату, присела на стул возле дверей.

— ...да и некогда. Такая незадача! — сокрушалась она. — Учебные пособия завезли в Рыбацкое, а полуторка ушла в район, и неизвестно, когда вернется. Не вовремя я прихворнула.

— И чего вам кружить тридцать километ-

ров, грязь месить! Езжайте через озеро, напрямик... — посоветовала мать.

— Я уж старика Мокшина просила перевезти. На баркасе...

— И что?

— Отказывается. «Медведь», — говорит, — с виду спокоен, а вот-вот взиграет, натуру его знаю.

«Все они, Мокшины, такие: жадны да боязливы», — проворчала про себя Олена.

— Ничего он не боится, день субботний — попариться хочет... Как бы вам пособить? — сочувствовала мать. С виду спокойная, она всегда близко принимала к сердцу чужую беду. — Сама бы вас перевезла, да печь топится, вон квашня поставлена...

Женщины замолчали. Оленка мысленно представила учительницу: она была такая маленькая, худенькая среди крупных и бойких рыбацек поселка.

И опять чувство стыда и страха, какое Олена испытывала с весны, завладело, заставило притаиться за цветастой занавеской. И воспоминания, будто клубный киномеханик прокручивал старую ленту, замелькали со знакомыми подробностями.

Егору Мокшину тетка прислала из города коробку цветных карандашей «Радуга».

Увидела Олена красные, синие, желтые, зеленые карандаши — и уж не могла глаз отвести от них.

Однажды в перемену она подсела к Егору.

— Мокша! Одолжи карандашики!

— Вот еще! Они у меня новенькие, не отточенные.

— Дай, Мокша! На минуточку!..

Егор насупился. Оленка достала из «Родной речи» разрисованный листок бумаги.

— Видишь: озеро... радуга... только раскрасить. Дай!

Егор удивился: и озеро, и избы, и лодки, и сети. Здорово!.. Дать или не дать?

— Не дам... Ты меня нарисовала, в окне огольцам показывала, и все смеялись...

В последний день перед летними каникулами, когда Егорка на школьном дворе носился с мальчишками, Олена взяла из его

парты коробку карандашей. Они по-прежнему были не заточены. И тут как раз вбежал запыхавшийся, взъерошенный Мокшин. Олена едва успела сунуть карандаши в свою сумку.

Егор хватился и объявил ребятам, что Островнова украла карандаши...

Он даже частушку придумал и однажды

пропел ее самым ехидным образом. Подкараулил, когда на деревенской улице собрались ребята, вскочил петухом на изгородь и загорланил, чтоб все слышали:

Островнова один раз
Своровала карандаш...

От неожиданности Олена опешила, комок подкатил к горлу. Ее синие глаза застлались пеленой, ноздри широкого носа раздулись. Хотела что-то сказать, не смогла и убежала.

Весь день она просидела на темном чердаке, где пахло березовыми вениками, моченой моршочкой и брусничником. И только под вечер, когда на дороге послышалось мычание стада, Оленка, удрученная, сошла вниз.

Телка Нежка ждала ее на дворе. Девочка поставила перед ней тяжелый ушат. Телка с жадностью опустила морду, с шумом глотнула пойло и, обдав Олену теплым дыханием, потерлась о ее плечо. Влажные, темные, печальные Нежкины глаза смотрели понимающе, тревожно.

Оленке казалось, что они хотят заглянуть в душу, сочувствуют, знают, как трудно ей.

— Хорошая ты у меня, Нежка. Все-то понимаешь!..

И чуть не расплакалась от жалости к себе.
— Ну, пей, пей!..

Телка продолжала грустно смотреть на маленькую хозяйку, не притрагиваясь к пойлу.

— Да я ж тебе соли не положила! — спохватилась Оленка и побежала в избу за берестяным лукошком.

За ужином она спросила мать:

— Вот если человек что-нибудь дурное делает, почему он долго думает об этом?

— Значит, совесть не дает ему покоя. Совесть без зубов, а загрызет...

— А без совести можно жить?

— Может, и живут, да я таким не завидаю. У нас в деревне так говорят: деньги потеряешь, можно нажить, а совесть потеряешь, беду узнаешь... А ты, доча, к чему разговор такой завела?

Ночью Оленка плохо спала, ворочалась с боку на бок, ей снились тяжелые, тревожные сны, снился Мокша. Приплясывая, он кукарекал:

Островнова один раз
Своровала карандаш...

Олене стало невмоготу от воспоминаний, она решительно вышла из укрытия...

— Здравствуйте, Мария Сергеевна!

— Здравствуй.

«И не улыбнулась, — горестно заметила девочка, — значит, знает». А ей так хотелось, чтобы все позабыли о коробке «Радуги» и все стало по-прежнему!

— Мария Сергеевна!.. Мы привезем пособия.

— Кто мы?

— Мы. Ребята то есть... Я Сему кликну.

— А что! Дайте им уверенность, до непогоды и обернутся, всего километра два, — подержала мать. — Она у меня бедовая, сорви-голова. Нынче только не узнать, присмирела, из дома не выгнать, а то на озере дневала и ночевала.

«И чего хвалит! Знала бы, так...» — Олена беспокойно взглянула на Марию Сергеевну. Но учительница думала о другом. Отпустить одних ребят нельзя, а сама она воды побаивалась: в детстве тонула. Да и поместится ли ящик в лодке?

Но выбора не было, не ехать в Рыбачье нельзя.

И вскоре Оленка в распахнутой душегрейке сидела на корме, в охотку орудуя рулевым веслом, всю горланила песню. Она всегда пела на озере. Пятнадцатилетний Сема, ее двоюродный брат, сидел на веслах.

С озера деревня, облитая золотым закатом, казалась меньше, милее, как на картинке. И эта же картинка — избы, сосны, валуны — отражалась в воде. Отсветы воды — «зайчики» — бегали по борту смоленной лодки.

Поплыли назад избы, клуб с выгоревшим на солнце флагом, бани, построенные на сваях. По случаю субботы у труб курчавились дымки.

— Ого-го-го-о! — донеслось с косогора.

— Погоди, егоза! — Сема перестал грести. — Никак кличут...

В стоявших на откосе Олена узнала Марию Сергеевну и сутулого, как коряга, большого деду Мокшина. Заметив, что на лодке услышали, они стали спускаться к берегу — учительница бегом, вприпрыжку, а дед позади, размахивая руками-клевнями.

«Испугались! Вернуть хотят!» — осердилась Олена, а вслух крикнула:

— Чего остановился?

И начала грести коротким веслом.

Семен затабанил. Лодку развернуло.

— Не балуй! Может, что нужно...

Олена нахохлилась: «Сам, что ли, дед надумал ехать? Меня прогонит?..» В мелководье берега она увидела босые ноги Марии Сергеевны, а позади широко расставленные высокие резиновые сапоги старого Мокшина. Неприязнь, какую Оленка питала к Егорке, она переносила на его деда.

На дно лодки смаху шлепнулись туфли, а вслед за ними, чуть накренив борт, влезла Мария Сергеевна. Мокшинские бахилы не сдвинулись с места.

— Смотри, Сергеевна, — гудел дед, — не задул бы шалоник¹... Шалоник — на воде разбойник.

Олена чуть подняла глаза и увидела, что лоб учительницы пересекла прямая, строгая складка.

— Ехать необходимо, Василий Поликарпович. В понедельник первое сентября.

— Ну что ж, одному страшно, а оравушке все нипочем, — согласился старый рыбак. — Только не мешкайте! — Сильно оттолкнул лодку и зашлепал к берегу.

— Мы, Василий Поликарпович, по-быстро-му! — вдогонку ему весело крикнул Сема и поплевал на ладони. Он всю старался перед учительницей: греб сильно, красиво. Широкие лопасти весел взлетали над водой, как крылья птицы.

Лодка обогнула прибрежный валун.

Сема придержал весла и кивнул в его сторону:

— А верно, Мария Сергеевна, издали буд-то медведь?

— Похоже. Очень.

— По самую хребтинку вошел, словно воды испить, — робко отозвалась с кормы Олена. Она опустила в озеро руку и тихо добавила: — А бабка Манефа говорила, что когда-то тут вокруг леса были — темные, страшные, непроходимые, и медведей видимо-невидимо. Поводился один бурый к озеру ходить, воду мутить, лапой рыбу ловить...

— Бабка Манефа ска-а-жет, — снисходительно ухмыльнулся Сема.

— Ну-ну, продолжай, Олена, — подержала учительница. — У вас тут чудесные сказки сохранились. С осени начнем собирать их, записывать.

— ...Лапой рыбу ловить, — повторила девочка, обрадованная вниманием Марии Сергеевны. — Осерчал подводный царь Озер Озерович, что его покой тревожат. Околдовал мишу, когда тот в воду полез, и превратил косяка в мертвый камень... Не ве-

ришь, Сем? А почему тогда прозвали Медведь-озеро, а?

— Тебя хлебом не корми, дай только сказки, — не ответив на вопрос, неодобрительно, по-взрослому сказал Сема. С недавних пор он стал говорить медленно, баском, делал все не торопясь, степенно, подражая старым рыбакам. — Любишь неправду...

Оленка смолкла. И все замолчали, думая о своем.

«Любишь неправду... — мысленно повторила Оленка Семакины слова, по-своему истолковав их смысл. — Худо я сделала».

И краска залила лицо, даже уши и шею.

...— Эй, ты! Зазевалась! Рыбу считаешь? Куда правишь?

Лодка с шумом врезалась в камыши. С весел свисали водоросли — кувшинки, борода, плюшник.

Это была заводь, а левее, за тальником, на пригорке, виднелось Рыбацкое.

Олена осталась ждать в лодке, покамест учительница с Семой сходят в сельсовет. Она вытащила веслом белые и желтые сочные кувшинки и принялась мастерить из них бу-сы, плести венки.

Завечерело. В избах стали зажигать огни.

«За ужин, поди, садятся», — подумала Оленка и проглотила слюну, представив себе, как ставят на столы горячие ржаные ватрушки с творогом, ее любимые рассыпчатые колобы из овсяной муки, запеченных в тесте с-го-гов.

Наконец вернулись Мария Сергеевна и Семен. Они с трудом тащили ящик из-под папирос с наклейкой «Север», полный книг, тетрадей. Ящик едва уместился на дне лодки, и она погрузилась по самый борт.

Семен опять сел за весла, Олена — на корму, а учительница — посредине, у ящика. Она была довольна:

— Теперь мы богаты. Все есть! Учебники, тетради, карандаши...

Олена отвела взгляд от смеющихся светлых глаз Марии Сергеевны, ту же повязала пестрый полушалок на голове и глубоко вздохнула: без радости думала она о первом дне занятий в школе.

Ребята за лето могут и позабыть о мокшинской коробке, но Егорка не таков. Он обязательно в первый же день расскажет обо всем Марии Сергеевне. Вся школа узнает. И не примут Островнову в пионерский отряд. И не сможет она прямо посмотреть в глаза подружкам. И мать не скоро простит ее и не свяжет обещанные красные чулки.

Накрапывал дождь.

Семен торопился, с опаской поглядывая на

¹ Шалоником в северных областях называют юго-западный ветер.

небо: на юго-западе оно затянулось темно-лиловой мутью. Он накинул на сестренку широченный плащ. От него шли привычные запахи рыбы, воды и тины. На жестком брезенте кое-где прилипла чешуя. Под ним было тепло. Олена опустила капюшон, и стало уютнее.

Но только они вышли на озерный простор, со стороны косы, словно из засады, налетел шалоник. Неожиданный толчок волны о борт чуть не скинул Олену с узенькой кормы. Шквалистый ветер накренил тяжелую лодку, еще немного — и она зачерпнула бы воду.

— Помогай рулем! — крикнул Сема.

Олена откинула капюшон и удивилась: проплыли немного, а так быстро стемнело. Мгла сгустилась над озером, вода почернела.

— Отгребай! Сильней!

Рулить было неудобно. Заскорузлый брезент топорщился, давил на плечи. Олена поддвинулась на самый краешек кормы, ногами уперлась в борта.

Лодку то поднимало вверх, то резко опускало вниз...

Хлынул косой дождь.

Волной лодку вздыбило, потом наклонило набок.

— Ах! — от неожиданности вырвалось у Марии Сергеевны. Она вцепилась в края ящика. Вода шлепнулась на фанерную крышку. Учительница стащила с себя дождевик и прикрыла ящик.

Олена струхнула, оглянулась: «Вернуться

бы!» Но и позади громоздились такие же буйные волны.

Озеро расшумелось.

Дождь хлестал по лицу, по рукам. Лодка плохо слушалась рулевого.

Семен понял опасность.

— Носом! Носом держи на волну!

Валы невысокие, но частые с рокотом катились один за другим, и развернуть лодку было трудно.

— Крепче держи руль! Не упусти! — Строгий окрик Семы ободрял.

Ветер крепчал. В его порывах маленькой рыбачке слышался скрипучий голос деда Мокшина: «Шалоник — на воде разбойник».

Оленка устала. Руки одеревенели, от напряжения болели мускулы живота и ног.

«Хоть бы звездочка малюсенькая посветила!» — с мольбой думала она. — Мама моя, родненькая! — шептали пересохшие губы.

— Так и держи! Молодчина! — похвалил Семен, когда наконец удалось повернуть лодку носом на встречные волны.

— А ведь мы, ребята, не туда плывем, — забеспокоилась Мария Сергеевна, вглядываясь в едва заметные очертания берегов. — Нас отнесло. Давайте идти по волне. И силы бережете...

— Верно, — согласился Семен. — Рули назад!

Вместе с набежавшей волной лодка сильно скользнула кормой вперед. Все дело было сейчас в Оленке — в ее сноровке, ловкости и храбрости. Семен настороженно оглядывался, поджидая нападения волны. А когда она настигала, греб изо всех сил, чтобы вал не накрыл носовую часть.

Из-за туч неожиданно выглянула луна. Ее спокойный и ясный лик как бы говорил: «Ну вот, стоило мне уйти, как этот шалоник созорничал».

— Берег! — обрадованно вскрикнула Мария Сергеевна.

Но то был лишь островок у входа в бухту.

В тальники что-то зашумело, и на отмель выскочило чудище — мохнатое, все в длинных клочьях шерсти, бородатое, круторогое. Оно неторопливо забило копытами по воде и вдруг заблело.

— Еремка! — закричала Оленка и от радости чуть не уронила весло.

— Ммэ-э-э! — жалобно, мотая бородищей, отозвался козел, сосланный колхозниками на островок за непомерное буянство и грабеж на огородах. — Ммэ-э!..

И трое в лодке от такой неожиданности громко рассмеялись.

Олена скорее чувствовала, нежели видела, что Мария Сергеевна уже давно все смотрела и смотрела на нее. И теперь маленькая рыбацка не боялась встретиться с пронизательными глазами учительницы. Стал непонятен и недавний страх перед Егором Мокшиным. Чего бояться? Мокша и рта не успеет раскрыть, как она уже во всем признается.

Несколькими взмахами весел Семен обогнул островок. Вошли в залив. Но что это? Множество огней, то сходясь, то расходясь, дрожащими иглами отражалось в зыбкой поверхности бухты. Красный огонек, как глаз маяка, светился и на косогоре. Случалось, рыбаки поздно тянули сети. Но в такую непогоду?! Сема все же решил попридержаться лодку.

С берега что-то кричали. Ветер относил слова. Олена прислушалась:

— Велят идти к берегу.

— А ну, нажмем! — И Семен по-боцмански с каждым взмахом весел командовал сам себе: — Р-р-раз!.. Р-р-раз!..

На берегу их обступили люди. Многие держали фонари. Мать обняла Олену.

— Уж не знали, что и думать! Лодки собирались посылать...

— Чего ж в Рыбацком не заночевали?

— Отчаянные головы! — не то осуждая, не то хваля, сказал председатель колхоза.

Мария Сергеевна, смеясь, махнула рукой:

— Признаться, Яков Парамонович, напугал меня этот шалоник! Правда, Оленушка? Ведь не поедешь больше?

— Поеду... если надо... — Олене было так хорошо чувствовать на своей голове материнскую руку — шершавую и ласковую.

— Храбра-а-а!.. — протянул дед Мокшин. Все одобрительно рассмеялись.

— Тогда за храбрость... — Мария Сергеевна приоткрыла крышку ящика, пошарила там и вытащила коробку карандашей. — Получай! Я знаю, ты любишь рисовать.

Олена протянула было руку, но тотчас опустила ее, вся как-то съежилась и порывисто прижалась к матери. Глухие рыдания, как ни сдерживалась, вырвались из груди. Усталость снова вернулась к ней, и боль, и стыд.

— Что с ней?

— С устатка, — пожалел кто-то.

Олена сквозь горячие слезы, заикаясь, говорила:

— Я только радугу хотела раскрасить... и взяла! Больше никогда не буду... никогда!..

И девочка с трудом подняла глаза на обступивших ее людей.

— Она у меня карандаши украла, — ввернул Егорка, вертевшийся подле деда. — Ага! Призналась!

— Замри, плотица! — прикрикнул старый Мокшин на внука. — И малый стыд бывает сильнее большого горя!

Мария Сергеевна взяла притихшую Оленку за плечи и привлекла к себе:

— Вот так и в жизни бывает: не все солнышко светит, случается, и непогода настигнет и буря испытает тебя. Слабым, трусливым трудно приходится. А ты не бойся, иди навстречу. Переборешь, как тогда просветлеет на душе! Силу в себе почувствуешь!.. Утри слезы и будь всегда такой, как на озере!

...А озеро поутру было такое спокойное, такое яркое, сверкающее, что не верилось: да бушевало ли оно накануне?

Рассказы японских школьников

Московское радио в передаче для японских ребят объявило конкурс на лучшее сочинение о школьной жизни. Маленькие японцы прислали в Москву несколько сот рассказов. Только из одной школы города Фунабаси пришло сорок сочинений. Учитель этой школы Фурукава Такуми пишет: «Наша школа вот уже в течение двух лет переписывается с китайскими ребятами... Мы очень хотим получать письма и от советских школьников, хочется, чтобы развивалась и крепла дружба между нашими странами. Наш адрес: Япония, Префектура Тиба, г. Фунабаси, Нацуми, средняя школа, Фурукава Такуми».

Здесь мы печатаем несколько рассказов, отмеченных премиями Московского радио.

Первый из них, «Наша школа», написал девятилетний школьник Ногами Фу-сао из города Осака.

Три рассказа прислала на конкурс Янасава Нобуко, пятнадцатилетняя школьница из города Токио. Один из них — «Мой младший брат» — мы здесь печатаем.

Двенадцать коротких рассказов о всех временах года написала школьница Кога Мотоко из города Кумамото.

Наша школа

Долина Осака — это очень и очень широкое поле. В середине его есть небольшой круглый холмик, а посреди холмика — выемка, которая напоминает пупок. В этой выемке находятся длинные корпуса, крытые черепицей, и одно большое квадратное здание с ржавой железной крышей. Раньше здесь жило много солдат. Они делали здесь пушки и порох для ружей и пушек. Когда кончилась война, эти корпуса стали нашей школой.

Осенью вокруг школы расцветает много желтых цветов, называемых «тигровым хвостом». И тогда мне кажется, что здесь все еще остался запах пороха. Но мы собираем эти цветы, возлагаем перед статуей божка на вершине холма и просим:

— Милый божок, сохрани нас от новой войны!..

Но дома и в школе мы часто стали слышать страшные рассказы об атомной бомбе. А в лесу, рядом со школой, говорят, решили построить завод, который будет делать порох. Мы все очень испугались и ходили по городу, размахивая бумажными флажками, на которых было написано: «Мы против пороха!»

Наши мамы и учителя устраивали митинги и ездили в Токио к министру с просьбой «прекратить это дело». Наконец было решено, что пороховой завод не будут строить.

Некоторое время мы учились спокойно. Но недавно нам сказали, чтобы школа куда-нибудь переезжала...

Когда я услышал об этом от старшего брата, то очень испугался. В нашей школе учится пятьсот детей. Где мы найдем такой большой дом, чтобы поместить сразу столько детей? Наш город находится на холме, он очень тесный, и все дома расположены или на горе или на ее склоне. Я думаю, что можно построить маленький дом, но

нигде нет такого большого пустыря, где можно было бы выстроить большую школу. Что же нам делать?

Поэтому сейчас я часто прихожу к божку на холме и прошу:

— Милый божок, помоги нам и сделай так, чтобы наша школа никуда не переезжала!..

Ногами ФУСАО

ОТ РЕДАКЦИИ. Ногами Фусао не удалось узнать, что его рассказ получил на конкурсе первую премию. Мальчик заболел, врач сказал, что его надо немедленно положить в больницу, но в доме не было денег, и родные не смогли этого сделать. И вот недавно девятилетний Фусао умер.

О своем большом горе членам жюри конкурса написали старший брат и сестренка Фусао:

«Наш Фусао умер от радиоактивного дождя. Обратитесь, пожалуйста, ко всем странам мира с призывом прекратить страшные испытания атомных и водородных бомб, которые приносят этот дождь. Научите, пожалуйста, как устроить в нашей стране жизнь так, чтобы больше заботились о детях из бедных семей; чтобы больных можно было лечить в больницах».

«Я никак не могу забыть Фусао,— пишет его брат Тандзи,— как он стоял на пороге дома в наброшенном на плечи большом рваном плаще и, глядя на небо, говорил: «До чего же надоел дождь!» Я и сейчас где-то совсем рядом слышу топанье его ног, вижу промокшие тряпочные башмаки.

Во время летних каникул Фусао собирал железный лом. Он часто говорил: «Наберу триста пятьдесят иен и куплю себе зонтик». И вот однажды, когда он уже собрал эти триста пятьдесят иен, мама пожаловалась, что у нее совсем нет денег и не на что купить сою. Тогда Фусао сказал: «Мама, ведь можно истратить мои деньги»,— выбежал из дома и вскоре вернулся с большой бутылкой сои.

Потом как-то у нас в школе объявили, что все желающие могут принять участие в экскурсиях. Я выбрал себе маршрут на Удзигава, сестра Касуми очень хотела пойти на выставку кукол, Фусао решил совершить экскурсию в Киото. Но беда в том, что у отца не было работы, а следовательно, не было и денег. Тогда Фусао дал нам деньги из своей копилки. Я сказал ему: «Ведь эдак ты никогда не купишь себе зонтик». Фусао грустно улыбнулся и ответил мне: «Я теперь уже третьеклассник, буду работать разносчиком газет и через месяц смогу купить себе зонтик»...

Мой младший брат

Зима в этом году наступила так же, как и в другие годы. Отец наш кормит целых шесть человек, живем мы бедно. Однако в последнее время брат, который учится в первом классе неполной средней школы¹, устроился разносить газеты. Жить стало легче. Хотя брат и старшеклассник, ростом он совсем небольшой. Поэтому, когда я вижу его с газетами, на душе у меня становится очень и очень грустно. Встает он в четыре часа утра и разносит утреннюю почту по ста семидесяти восьми адресам. Сначала папа и мама думали, что он не справится, но вот прошел целый месяц его работы, и брат не жалуется. Как-то в дождливый день я ему сказала:

— Ну, сегодня ты можешь не ходить на работу. Идет такой дождь!

— Не приставай! Отработаю!..

А дождь шумел так монотонно! Брат же ничем не показал, как ему не хочется выходить из дому. В подвернутом отцовском плаще и в моих резиновых сапогах (ведь я не работаю) он был похож на беспризорника из парка Уэно.

— Ну, я пошел.

И он отправился в путь.

Теперь брат совсем привык к работе: поставит газеты на плечо и идет. Если дождь, сам промокнет до нитки, но почту разнесет точно в срок.

Янасава Нобуко,

Япония, г. Токио, Эдогава-ку, Хираи-мати,
квартал 2, 868.

¹ В Японии девятилетнее обучение: шесть классов начальной школы и три — неполной средней.

Двенадцать месяцев

Дорогие советские друзья! Я пятнадцатилетняя японская девочка, ученица неполной средней школы. Меня зовут Кога Мотоко. Мне очень хочется подружиться с вами. Я расскажу вам о жизни школьников южной части Японии, на острове Кюсю.

Мне кажется, что если вы прочитаете мой рассказ, то много узнаете о нашей жизни и сможете подружиться с нами. Рассказывать буду о каждом месяце...

ЯНВАРЬ Для нас, японских детей, январь — самый радостный месяц в году. По японскому обычаю, в январе к возрасту каждого человека прибавляется по одному году. И это тоже радостно. Правда?

Школьные каникулы начинаются двадцать пятого декабря и кончаются седьмого января.

Первое января у нас — народный праздник «Гантан», он празднуется в каждом доме.

Утром, как только встаем с постели, мы молимся, затем посещаем городские и сельские храмы, чтобы и в новом году все родные были здоровы. После этих церемоний вся семья садится за праздничный стол.

На Новый год пьют специальное праздничное вино, которое называется «отосо». Есть и другие традиционные новогодние блюда, например, «озони» — это суп, в котором варятся рисовые лепешки и разные овощи. Большие рисовые лепешки называют «кагами-мочи». Их кладут по две, одну на другую, и ставят в специальные ниши как новогоднее украшение.

На Новый год у нас почти все надевают красивые национальные костюмы. Мы называем японскую одежду, с длинными рукавами и красивым узором, «кимоно». Когда мы надеваем кимоно и подвязываемся красивым поясом «оби», то по-настоящему ощущаем радость праздника.

Любимая новогодняя игра у девочек — это «ханэцуки». К твердой плодовой косточке приделываются пестрые птичьи перья, а затем косточку подбрасывают красиво разрисованной деревянной ракеткой. Игра эта заключается в том, чтобы как можно большее количество раз подбросить в воздух «ханэ» (косточку) и не уронить ее. Можно играть и вдвоем, перебрасываясь ханэ, как в теннис. Проигрывает тот, кто уронит ханэ.

Мальчики играют в волчки или пускают змеев. Они всегда соревнуются, чей змей поднимется выше.

В комнате мы играем в лото.

Пятнадцатого января — «День становления взрослыми». В Японии, когда юноши и девушки достигают двадцатилетнего возраста, они получают право участия в выборах. Поэтому для них в этот день устраивается праздник.

Занятия в школе начинаются с восьмого января. Школьный год в Японии делится не на четверти, как у вас, а на трети. С января по март у нас последняя треть.

ФЕВРАЛЬ А теперь я расскажу вам о феврале. В Японии в феврале еще холодно, но на южном острове Кюсю уже цветут «умэ» — сливы. Цветы сливы бывают и белые и красные. Они хорошо пахнут, и японцы очень любят аромат этого цветка.

Посеянная в поле пшеница в феврале уже вырастает довольно большой и как бы говорит нам, что скоро-скоро придет весна.

Мальчишки уже расхаживают на бамбуковых ходулях. Эти ходули обычно бывают двухметровой длины, а большие мальчишки ходят и на трехметровых. Девочки тоже иногда ходят на бамбуковых ходулях. Но только над ними смеются, так как мальчишеское занятие говорит об отсутствии в них женственности. Тем не менее, я не могу удержаться от соблазна походить на ходулях моего брата...

МАРТ

В марте для девочек есть радостный праздник. Это праздник «Охинамацури».

Перед праздником девочки с помощью матерей и старших сестер украшают комнату традиционными куклами, которые называются «охинасама». Кукол расставляют на многоэтажной полочке, покрытой красным сукном. На самую верхнюю полку ставят двух кукол, изображающих принца и принцессу. На следующей полке — три фрейлины, на третьей — пять музыкантов с инструментами, на полочке под ними сидят старики-министры, а на самой нижней — три куклы-слуги. Перед принцем и принцессой расставляются разные угощения, а куклы-фрейлины держат посуду. На полках также ставятся причудливые горящие фонарики. Кроме всего этого, приготавливаются вкусные вещи, которые едим мы сами.

Говорят, что эти куклы изображают дворцовый быт и одежду примерно тысячелетней давности. На этот праздник девочки надевают свои кимоно и ходят в гости к подругам.

В марте кончается учебный год. На выпускном вечере ученики всей школы прощаются с выпускниками, а выпускники поют песню «Благородны и высоки заслуги учителя» и прощаются с учителями.

АПРЕЛЬ

Слышали ли вы когда-нибудь песенку, которая называется «Сакура, сакура»? Это старинная японская песенка о цветке «сакура», то есть вишни, которую очень любят японцы и считают своим национальным цветком.

В апреле в Японии уже тепло и повсюду пышно расцветает сакура. В эти дни по всей стране устраиваются «оханами» — пикники, во время которых любят цветы вишни. За город и в парки едут целыми семьями.

А в школах в апреле начинается новый учебный год. В это время очень часто школы организуют экскурсии по стране.

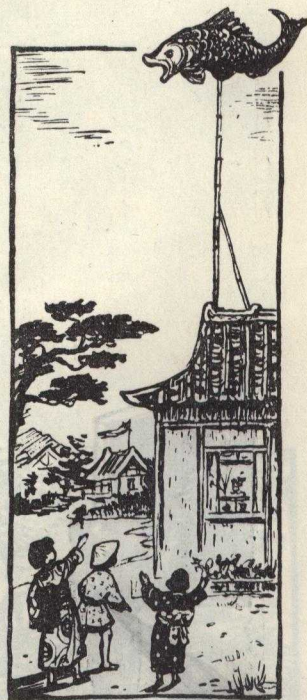
МАЙ

В мае есть «Праздник детей». С особым нетерпением его ждут мальчишки. В этот день в домах, где в этом году родился мальчик, вывешивается длинный флаг. Кроме того, из бумаги или материи делают большой, около пяти метров, макет рыбы — карпа, привязывают его к длинному бамбуковому шесту и ставят над крышей. У карпа черные или красные чешуйки и огромная пасть. Рыба-чудовище развешивается на шесте, и, если смотреть на нее издали, она кажется живой.

В домах в этот день выставляются игрушки, изображающие старинные японские военные доспехи, стрелы и луки. Это говорит о желании родителей, чтобы мальчишки росли здоровыми и мужественными.

По количеству флагов над городом или селом можно определить, сколько мальчиков родилось здесь. А если на флагах есть иероглифы, то можно узнать и имена этих мальчиков.

...С конца мая в Японии начинаются непрерывные дожди. Воздушные течения идут с южных морей и несут много влаги. Этот период, когда каждый день и целый месяц идут дожди, в Японии на-

зывают «цую». На ветвях сливовых деревьев к этому времени уже вырастают зеленые плоды.

У японских детей есть любимая песенка «Дождик». В ней рассказывается о маленьком мальчике, который отправился в школу и не захватил с собой зонтика. Вдруг пошел дождик. Но мама этого мальчика принесла ему зонтик прямо в школу. В этой же песенке поется и о том, как этот мальчик отдает свой зонтик товарищу, который тоже забыл взять с собой зонтик.

ИЮНЬ

В июне дожди все еще продолжают идти. Как только начинается дождливый период, крестьяне приступают к посадке рассады риса. Ее сажают в заливные поля. Рис — основная пища японцев.

Дожди льют почти весь месяц. Из-за них иногда возникают наводнения, которые смывают мосты и дома, убивают и человеческие жертвы. В июне 1953 года в нашем городе тоже было большое наводнение. Непрерывный дождь шел десять дней. Была разрушена плотина, и город погрузился в воду. За один этот день погибло около пятисот человек. Мой дом тоже был затоплен. Глубина воды достигала трех метров. В наш сад и в дом нанесло много глины. Вода унесла мебель и мои книги. Целых два месяца мы не могли жить в доме.

Дожди приносят много бедствий. Но не будь их в этот период года, нельзя было бы рассаживать рис. А если своевременно не рассадить рис, то японцы лишатся своей основной пищи.

В конце июня появляются светлячки. Если ночью выйти на полянку, то можно увидеть зеленовато-желтые лучи. Это летают светлячки. С криками «Хо, хо! Хотару кой!» мы гоняемся за ними, ловим и сажаем в корзиночки. А потом выпускаем на волю в парке. Бывает так, что выпускаем сразу десятки тысяч светлячков. Они кружатся в темных кустах парка и кажутся летающими звездочками.

Есть ли и в Советском Союзе светлячки? Что вы делаете с ними?

ИЮЛЬ

Июль и август в Японии — самые жаркие месяцы.

Седьмого июля мы отмечаем праздник звезд, который называется «Танабата»; для этого праздника нужно срезать ветку бамбука и привязать к ней разноцветные красивые бумажки. На бумажках пишут старинные песни или названия звезд. С наступлением ночи разукрашенные ветки бамбука преподносятся звездам. Говорят, что если старательно написать на этих бумажках иероглифы, то потом будешь очень красиво писать.

В июле цветет лунный цветок — «цукимисоо». Это ярко-желтый красивый цветок, который расцветает вечером в определенные часы, обычно к моменту восхода луны. Вероятно, поэтому его и называют лунным.

Бабочки появляются и в марте и в апреле, но больше всего их в июле и августе. Поэтому школьники в эти месяцы собирают самые интересные коллекции. Уже семь лет я с младшим братом изучаю энтомологию. У нас накопилось довольно много ящичков с образчиками насекомых.

Вот и сейчас, когда я пишу это сочинение, я думаю о том, какие бывают бабочки в Советском Союзе. В прошлом году в японских газетах была напечатана статья о японском мальчике, который обменялся с вашим школьником бабочками. Мне было очень завидно, когда я прочитала об этом.

В конце июля в школах начинаются летние каникулы.

АВГУСТ Август — это разгар летних каникул. Некоторые дети едут на море или в горы, в леса вместе со своими родными, некоторые едут со школой.

Пятнадцатого августа — буддийский праздник «Обон». Буддисты верят, что в этот день души покойных предков возвращаются домой. Праздники начинаются с тринадцатого числа. В каждом доме украшают цветами алтари и зажигают фонарики. Пятнадцатого августа провожают души предков обратно на небо. В некоторых местностях изготавливают специальные маленькие лодочки, на которые грузят разные овощи и фрукты, зажигают фонарики и спускают лодочки на реку или в море. Это тоже один из способов прощания с душами предков.

СЕНТЯБРЬ В сентябре начинаются школьные занятия. Я уже объясняла вам, что с апреля по июль у нас первая треть, с сентября по декабрь вторая и с января по март третья.

По дороге в школу мы рассказываем друг другу о каникулах, а мальчишки хвастаются, кто больше всех загорел.

Самое неприятное в сентябре — это сильные ветры, которые у нас называются тайфунами. Временами тайфун достигает скорости тридцати метров в секунду. На море поднимаются высокие волны, которые проглатывают корабли. Потоки воды смывают все, что есть на берегу, а на суше этот ветер ломает дома. Если такой ветер сопровождается дождем, то потери достигают невероятных размеров. В такое время рушатся даже большие школьные здания. И уж совсем страшно, если во время тайфуна где-нибудь возникнет пожар...

Примерно к этому времени года созревают рис и многие фрукты. При тайфуне рис прекращает свой рост, а фрукты падают с деревьев. Перед тайфунами мы очень внимательно слушаем прогнозы погоды по радио. В них рассказывается, где сейчас находится тайфун, в каком направлении и с какой скоростью он движется. Как только узнаем, что тайфун приближается к нашему городу, то начинаем готовиться к встрече.

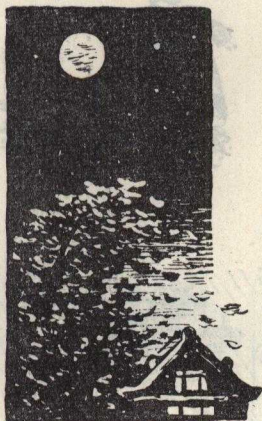
Мы, японцы, больше всего на свете боимся больших дождей и сильных тайфунов.

Пятнадцатого сентября у нас отмечается «День стариков». В этот день мы приглашаем их в театр или развлекаем песнями.

ОКТАБРЬ В октябре в Японии уже прохладно. К этому времени деревья покрываются ярко-красными или желтыми листьями, и когда смотришь на них издали, они выглядят очень красиво. Золотистые плоды мандаринов созревают тоже в этом месяце. К нам из Сибири перелетают дикие гуси.

Воздух чистый, и поэтому луна светит очень ярко. Когда смотришь на круглую, полную луну, то можно увидеть на ней черные

пятна, не правда ли? Японские дети думают, что эти черные пятна на луне обозначают зайчиков, приготовляющих новогодние лепешки. Не слышали ли и вы, советские друзья, какие-нибудь сказки про луну?

НОЯБРЬ Теперь расскажу вам про ноябрь.

Двадцать третьего ноября — «Праздник труда». Этот день считается народным праздником.

К этому времени крестьяне заканчивают уборку урожая риса. И вот в городах и в деревнях устраиваются праздники. Каждая местность празднует по-своему, но всюду бывает оживленно и очень весело.

В ноябре в Японии начинают цвести хризантемы. Хризантемы бывают и белые, и красные, и желтые, и фиолетовые, и простые, и махровые, и большие, и маленькие, и разные-разные. Японцы очень любят цветы вишни и хризантемы. Особенно хризантемы. Поэтому уже более тысячи лет они изучают способы выращивания всевозможных сортов этого цветка.

Очень часто в Японии устраиваются выставки хризантем. Хризантемы цветут во всех садах. Мне очень хочется, чтобы и вы, советские друзья, посмотрели на эти удивительно красивые цветы.

ДЕКАБРЬ Рассказывая вам о нашей жизни по порядку с января, я наконец добралась до последнего месяца года — до декабря.

В декабре в Японии уже зима и даже в южной части, где живем мы, бывает снег. Когда выпадает снег, мы делаем из него зайчиков и лошадок, а если его выпадает очень много, то делаем и снежных баб. Мальчики перебрасываются снежками, устраивая целые снежные бои.

На моей родине редко бывает большой снег, поэтому нам не приходится кататься на лыжах, но в северной части Японии очень увлекаются прогулками на лыжах. Говорят, что в Советском Союзе зимой много снега.

В декабре взрослые очень заняты: они начинают готовиться к тому, чтобы хорошо и радостно встретить Новый год. В этом месяце должны быть закончены все денежные расчеты. Чтобы Новый год был приятным, у нас вошло в обычай обязательно проделывать генеральную уборку квартиры.

В конце декабря уже готовят традиционные «мочи». Для этого парят рис, затем кладут его в большие деревянные ступки, бьют огромными деревянными молотками. Из этого теста и делают лепешки.

Приготовления к Новому году всегда оживляют нашу жизнь, и мы с большим удовольствием помогаем взрослым. Поэтому мы с огромным нетерпением ждем наступления Нового года.

«Новый год, скорей приди! Сколько еще дней нужно ждать до Нового года? Приди же, Новый год, скорей приходи!» — так поется в нашей любимой песенке.

На этом я заканчиваю свой рассказ. Я рассказала вам о жизни японских детей, о климате Японии, о цветах всех месяцев года, начиная с января и кончая декабрем. Интересно ли это было вам?

Давайте же дружить, милые друзья! Я хочу вам еще многое рассказать о Японии.

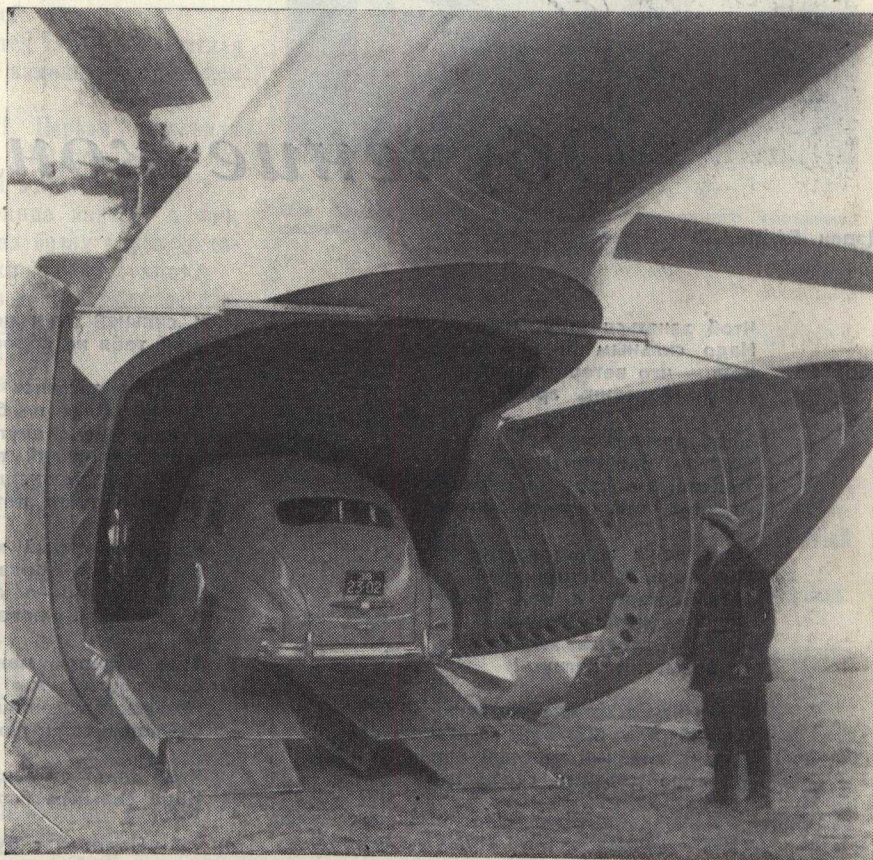
До свидания, советские друзья!

Кога Мотоко,
Япония, г. Кумамото, Мотояма-мачи, 16.

ВЕРТОЛЕТ-РЕКОРДСМЕН

Это новый советский вертолет «МИ-6», самый мощный вертолет в мире. Он перевозит тракторы, автомобили и другие машины, на нем могут лететь семьдесят — восемьдесят пассажиров. «МИ-6» превзошел мировой рекорд, установленный на американском вертолете, поднявшемся с грузом 6 010 килограммов на высоту две тысячи метров. Советские летчики поднялись на новом вертолете на четыреста метров выше американцев, с грузом вдвое больше. Для того, чтобы достичь этой высоты, вертолету понадобилось всего одиннадцать минут.

Обучение коня

Цэрен БАДМАЕВ

Рисунок В. Трофимова.

Чтоб заняться этим делом,
Надо сильным быть и смелым.
Конь — что ветер-ураган —
На коня накинь аркан.

Необузданная лошадь
Смотрит яростно и зло.
Должен ты коня стреножить,
Прежде чем надеть седло.

Если даже конь стреножен,
Не зевай, а осторожен
И внимателен с ним будь:
Необъезженная лошадь
Укусить зубами может
И копытами лягнуть!

Сбросить всадника пытаясь,
Всякий раз приходит в ярость
Дикий, сильный, рослый конь.
На коне держись свободней

И сильнее тяни поводья,
Чтоб тебя не сбросил конь!

На коне держись смелей;
Но по голове не бей
Никогда коня кнутом,
Чтоб обученный твой конь,
Если ты взмахнешь рукой,
Не шарахался потом.

Конь обученный хорош,
На коне не пропадешь,
Если хочешь, — остановишь,
А захочешь, — повернешь!

Ведь не даром между нами
Есть обычай: мы коней
Называем именами
Обучавших их людей!

Чтоб заняться этим делом,
Надо сильным быть и смелым!

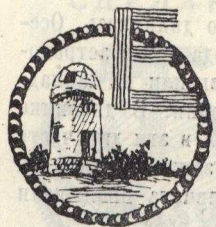
Перевел с бурят-монгольского
Николай Глазков.

НЕБО СТАЛО БЛИЖЕ

Очерк К. КОЧЕТКОВА

Фото Вл. Минкевича
и Ю. Мигача.

ТРУБА, НАЦЕЛЕННАЯ В НЕБО

Все издали всякий новый человек невольно обращает внимание на сверкающий купол, который величественно возвышается над тенистыми зарослями школьного сада. Среди низеньких украинских хат он выглядит особенно необычно.

Над входом в сад вывеска:

«Астрономическая обсерватория
Новопражской средней школы».

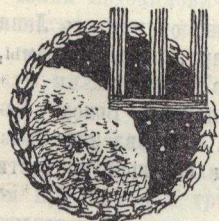
Там, в глубине сада, высится стройная круглая башня-красавица с высоким каменным крыльцом и узенькими оконцами.

Так вот она, обсерватория! Первая школьная астрономическая обсерватория в Кировоградской области, да, пожалуй, и на всей Украине.

Внутри башни крутая лестница наверх. А там, под куполом, как чудо, длинная белая труба, установленная на сложной подвижной конструкции.

Юные астрономы, гордые своей работой, сосредоточенно крутят какие-то колесики, переводят рычаги, и большая, тяжелая труба легко и послушно поворачивается в любом направлении, нацеливаясь в небо.

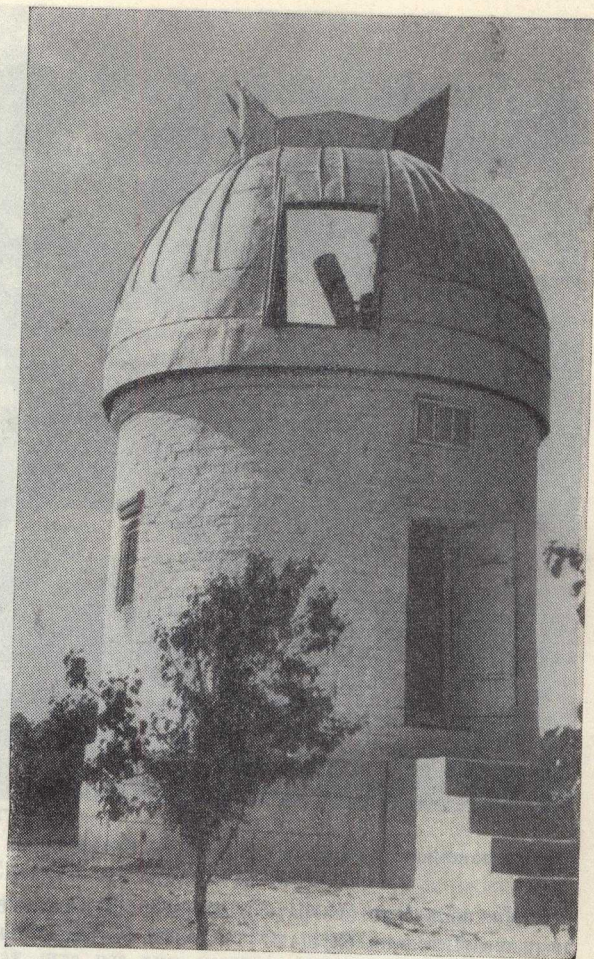
ТАК ВОТ ОНА, ВСЕЛЕННАЯ!

кольную астрономическую обсерваторию торжественно открыли 5 мая 1957 года. С тех пор она работает каждый день и до самой глубокой ночи. Здесь по очереди дежурят члены кружка юных астрономов: ведут наблюдения,

делают записи, принимают посетителей.

Телескоп наведен на Луну. К окуляру припадает глазом пожилой человек. Припал — и теперь его не оторвешь! А сзади нетерпеливая очередь.

Эта башня снизу доверху, до последнего гвоздика, построена руками ребят — любителей астрономии. Теперь у них своя обсерватория!

— Дядя Василь! Хватит! Дай нам посмотреть! Но оторваться от трубы нет сил. Перед тобой не та Луна, к которой привык, а невиданные горные цепи, резкие контуры кратеров, темные долины, черные неподвижные тени... Когда же труба повернута на звездные скопления, то дух захватывает: перед тобой раскрывается сверкающий мир, которому ни конца, ни края. И на сердце неожиданный холодок: так вот она, Вселенная!

Со всех сторон к дежурному пытливые вопросы:

— Далеко ли до Луны?

— А как сместили такое расстояние? Ведь никто же там не был...

— Сосчитаны ли все звезды, и сколько их?

— Есть ли где край у Вселенной?

Здесь уже побывало около двух тысяч посетителей. Поднимаясь наверх, туда, где властвует сложная астрономическая техника, люди становятся осторожными, учтивыми и любознательными. Хочется все потрогать руками, но рукам здесь воли

Ребята заканчивают кладку фундамента. Башня будет поставлена тут на века.

нет. Можно только смотреть и слушать. И взрослые люди уважительно слушают толковые разъяснения юных астрономов.

НА ДИВО ВСЕМ

ще не так давно обсерватория была для школы только мечтой. Первым начал мечтать о ней Юлий Евдокимович Мигач — учитель физики. Он создал в школе кружок юных астрономов. Ребята охотно занимались в кружке, но постепенно зарождалось недовольство. На картинках и фотографиях они с интересом рассматривали горы на Луне, кольца Сатурна или далекие спиральные туманности. Но когда после занятий выходили на улицу и смотрели в звездное небо, то не видели там ни колец, ни гор, ни спиралей.

И ребята тосковали:

— Эх, вот бы посмотреть на небо в трубу!

Так мечтой о своей обсерватории загорелись ребята, а потом и директор школы Ф. Ф. Оксанич.

Легко сказать: построить обсерваторию. А где

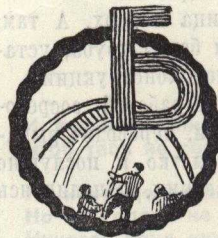
взять деньги на стройку, материалы, астрономические инструменты?

Но уж очень было велико желание! Директор школы заинтересовал будущей обсерваторией районных руководителей, и райисполком выделил на это дело десять тысяч рублей. Юлий Евдокимович поехал в Одессу, обратился там за помощью в обсерваторию. Ученые горячо откликнулись на просьбу школы и помогли составить чертежи телескопа и здания обсерватории, дали много полезных практических советов.

И вот дело двинулось. Осенью 1955 года юные астрономы дружно вышли на закладку обсерватории. В дневнике строительства в эти дни часто появлялись записи: «Сегодня хлопцы и дивчата працювали дуже гарно».

Через два месяца башня была готова.

ВЗЯЛИ СТРАСТЬЮ И УПОРСТВОМ

ашня готова. А купол? А телескоп? Кто знал тогда, что потребуется еще полтора года напряженного труда!

Настала зима. Через каждые два — три дня юные астрономы собирались вечерами в школьных мастерских. Одни делали модель купола, другие

вытачивали на токарных станках болты и разные детали, третьи аккуратно обрабатывали деревянные части.

На столярных работах особенно отличались Ленья Губенко и Ярошенко Вася. Двери, оконные рамы, столы для обсерватории — это их работа.

Диана Головенко, Рудый Илларион, Володя Каплиберда специализировались на изготовлении линз, самом тонком деле, требующем большой точности и великого терпения.

Володя Болтов и Валерий Оксанич оказались мастерами на все руки: они были и столярами, и слесарями, и токарями, и оптиками.

Для купола и телескопа понадобилось множество разных мелочей, без которых никак не обойтись.

Нужны были сотни разнообразных болтов, десятки всяких петель и крючков, хомуты для крепления телескопа, оправы для зеркал и линз, рычажки и ролики, цепи-крепители, уйма разных досок, планов и реек.

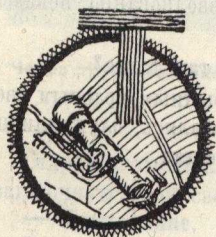
Каждый кружковец обязательно где-то что-то раздобывал и тащил в мастерскую. В дневнике кружка все аккуратно записывалось:

«Набойченко Наташа принесла настольное стекло и болты».

«Булич принес пинцет и железный лом, Оксанич — гайки и бурав, Стрелец — смолу».

В МТС выпрашивали старые детали тракторов, комбайнов и автомашин. В свалках лома находили кусочки меди, алюминия, проволоки. Из старых ящиков вытаскивали гвозди. Все шло в дело.

СДЕЛАНО ВСЕ НАВЕКИ

рубку телескопа сделали очень внушительную: длина ее — двести двадцать сантиметров, диаметр — двести пятьдесят миллиметров.

Достали большой лист сталистого железа толщиной в два с половиной миллиметра. Вырезали из бревна толстый чурбак и тщательно его обработали по размеру будущей трубы. Всем кружком гнули толстое, неподатливое железо вокруг чурбака, а потом, взвалив его на многие плечи, унесли в МТС и попросили там сварить шов.

Но вот беда: чурбак застрял в трубе. По очереди били по нему тяжелыми кувалдами, но он сидел прочно и непоколебимо. И тут кто-то придумал:

— Давайте его огнем!

Так и сделали. Разложили огромный костер, и скоро чурбак весь выгорел. Шов от сварки обработали напильниками так, что и следа не осталось, всю трубу тщательно выровняли и начистили до блеска. Труба вышла на славу!

А потом наступили долгие месяцы превращения ее в телескоп, в сложный астрономический инструмент, оснащенный многими приборами.

Юлий Евдокимович по чертежам сделал на трубе разметку: где и какие сделать вырезы и дырочки.

— Тут нельзя было ошибаться даже на десятую долю миллиметра. Точность! Ведь астрономический инструмент! — с гордостью рассказывают ребята.

И опять недели и месяцы упорной работы. Ребята сверлили, выпиливали, подшлифовывали, а потом прилаживали трубочки, хомуты, болты, устанавливали зеркала и окуляры, десятки раз проверяя точность работы.

Всего труднее пришлось с зеркалом телескопа. Зеркало ведь не простое, а вогнутое, и не просто вогнутое, а параболическое. И большое: диаметр

его двести пятнадцать миллиметров. Такое зеркало, отражая падающие на него лучи, собирает их в одну точку.

Но где достать толстое круглое стекло, чтоб сделать из него вогнутое зеркало? Одесская обсерватория посоветовала найти иллюминаторное стекло.

Из школы полетели письма в разные порты Черноморского побережья. Наконец получили долгожданную посылку из Поти.

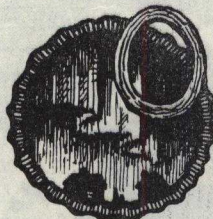
Юлий Евдокимович сам, не доверяя никому, долго шлифовал стекло, пока не сделал его вогнутым. Осталось только посеребрить зеркало. Но для этого нужны настоящее серебро и азотная кислота. Ребята раскопали дома старые серебряные монеты. Директор школы с великим трудом достал бутылку азотной кислоты. И вот зеркало заблестело серебром. Цены нет такому зеркалу! С величайшей точностью установили его. Ведь если поставить чуть вкось, оно будет собирать лучи не точно в середине трубы и ничего через телескоп не увидишь. Внутри трубы, в том месте, где собираются отраженные вогнутым зеркалом лучи, укрепили под углом в сорок пять градусов маленькое плоское зеркальце. Лучи от этого зеркальца отражаются в трубочку, вделанную сбоку телескопа, снабженную винтовой нарезкой и окуляром.

Окуляров два. Поставишь один — телескоп будет увеличивать в двести раз, поставишь другой — в четыреста.

С куполом тоже досталось. Ведь такая машина! Сначала из толстых досок выпилили и сколотили огромное кольцо, равное диаметру башни. В нем закрепили высокие стойки, выпиленные из дерева так, что все они сходятся вверху, образуя каркас сферического купола. Каркас обили досочками, покрыли железом и покрасили блестящей алюминиевой краской. Теперь он поражает всех легкостью и изяществом формы.

Сверху по стене башни укрепили очень точно по кругу толстую железную рейку, поставленную на ребро. По ней на роликах, как по рельсе, вращается вся эта громада купола, и трубу телескопа легко направить на любой участок неба, через окно, прорезанное в крыше.

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

слепительные лучи солнца ударяются в вогнутое зеркало телескопа и, пройдя внутри трубы сложный путь, через узенькую трубочку сбоку вырываются наружу. И вот на белом экране отчетливо вырисовывается большой светлый

диск Солнца. Пожалуйста! Можете рассматривать Солнце простым глазом.

Но что это? На ярком фоне солнечного диска

резко выделяются какие-то черные пятнышки. Вот одно, вот еще два!

Посетители теснятся ближе к экрану. Считают пятна:

— ...Три, четыре. А здесь еще два. Что это, Валерий?

Староста кружка юных астрономов Владимир Болотов не спеша уточняет наводку телескопа и охотно объясняет:

— Пятна — это сигналы о том, что на Солнце неспокойно.

— Как так неспокойно?

— А вот как...

И Валерий с увлечением рассказывает, что пятна — это огромные вихревые воронки на поверхности Солнца, которые то возникают и расширяются, то исчезают под влиянием чудовищной силы процессов, творящихся в недрах Солнца. На экране пятна выглядят крохотными, а в действительности в некоторых воронках мог бы уместиться весь земной шар. Когда пятен много, то неспокойно становится и у нас на Земле: магнитные стрелки начинают капризничать, резко нарушается радиосвязь, круто меняется погода.

В этом году Солнце как раз находится в стадии

усиленной активности, и пятна на нем появляются большими группами.

В один из сентябрьских дней юные астрономы наблюдали особенно много пятен.

Юлий Евдокимович вместе с ребятами внимательно изучал расположение пятен и пришел к выводу:

— Ну, скоро будем наблюдать интересное явление!

Когда пятен много, Солнце особенно сильно выбрасывает в мировое пространство мельчайшие частицы материи — корпускулы, несущие электрический заряд. Скорость полета корпускулов — до тысячи километров в секунду. Огромное расстояние от Солнца до Земли они пролетают примерно за двое суток и тут врезаются в верхние слои земной атмосферы.

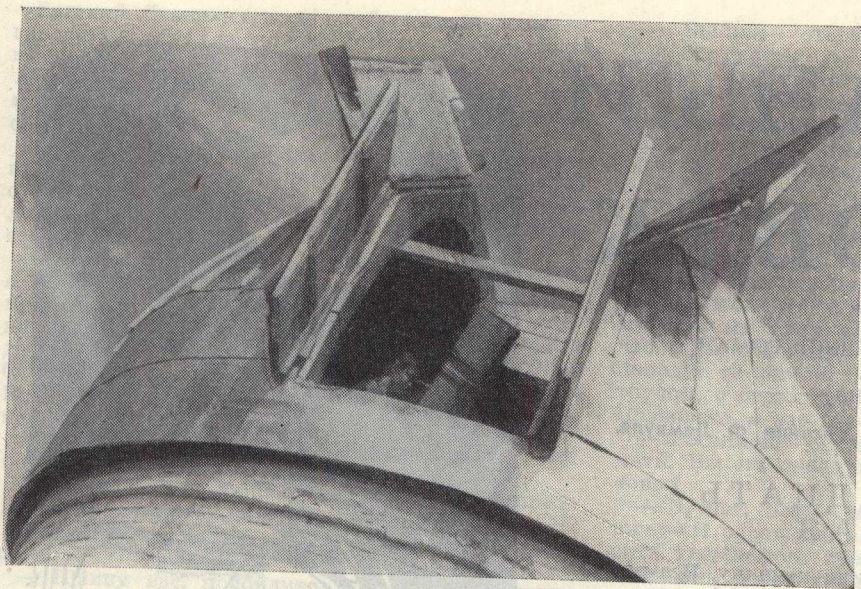
Спустя два дня, вечером, юные астрономы собрались у обсерватории. Туда же, никем не званные, спешили толпы людей. Все взволнованно показывали на север.

— Смотрите, смотрите! Что там такое?

Горизонт на севере рдел необычным красным светом. А выше вспыхивали, колебались, блуждали по небу высокие столбы бледного света.

Труба направлена на Солнце. Сбоку на экране виден светлый солнечный диск. Юные астрономы наблюдают за ним простым глазом.

Через трубу телескопа наблюдает за небом дежурный астроном Рая Курочка.

обсерваторией. Член-корреспондент Украинской Академии наук В. П. Цесевич пишет им:

«Очень был рад узнать, что вы так здорово работаете на пользу астрономии. Молодцы! Будем работать и дальше вместе. Надеюсь, что вы принесете много пользы науке. Больше самостоятельности, и дело пойдет».

Ученый прислал ребятам большую карту звездного неба и много ценных книг по астрономии. Он дал ребятам задание по наблюдению переменных звезд.

Их можно наблюдать простым глазом. Эти звезды время от времени меняют свой блеск: то тускнеют, то делаются ярче.

Изучая переменные звезды, ученые раскрывают тайны строения и развития звезд и всего звездного мира. По ним научились определять огромные расстояния во Вселенной. Поэтому постоянные наблюдения за периодами изменения блеска переменных звезд очень важны для науки.

Рая Курочка выбрала себе звезду в созвездии Цефея.

— Выхожу вечером на улицу, — говорит она, — и сразу ее отыскиваю. Вон она, моя звездочка!

Валерий Оксанич уже третий год наблюдает переменные звезды в созвездиях Кассиопеи и Лиры. О своих наблюдениях они регулярно сообщают Одесской обсерватории.

Не так давно ребята были встревожены радостной вестью: кружок юных астрономов Новопрасковийской средней школы зачислен коллективным членом Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ВАГО).

* * *

Все, кто приходит в обсерваторию, восхищаются ею. Не особенно довольны только сами хозяева.

Юные астрономы вместе со своим руководителем остро страдают от несовершенства своей обсерватории. Сколько еще надо сделать!

Нет трубы-искателя, которая облегчает точную наводку телескопа на светило. Очень нужны не самодельные, а настоящие астрономические окуляры. А до чего требуются сильные бинокли и еще один — малый — телескоп!

Но тому, у кого столько терпения и трудолюбия, не страшны такие трудности. И новопрасковийские юные астрономы уже строят большие планы на будущее.

Старик-колхозник, зачарованно смотревший на загадочную игру света, задумчиво молвил:

— Быть войне.

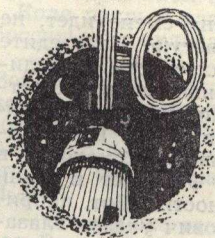
Юные астрономы тут же вмешались:

— Быть войне, говорите? Здорово придумано! А знаете, что это такое? Это отблески полярного сияния. Слыхали о них? На севере полярные сияния бывают много раз в году. По-вашему, выходит, там что ни год, то и война, да не одна, а много войн?! Ну и придумали!

Люди, поглядывая на север, с интересом слушали спор. И ребята рассказывали, что полярные сияния связаны с солнечными пятнами. Нынче пятен больше, потому и полярные сияния полыхают ярче и отблески их видны далеко на юге.

— Приходите сюда днем. Мы покажем вам, какие бывают пятна на Солнце.

К ВЫСОТАМ ЗНАНИЙ

ные астрономы пытливно овладевают знаниями. Читают книги по астрономии. По очереди делают на кружке доклады: кто о Солнечной системе, кто о Марсе, кто о загадочных туманностях, кто о затмениях. Звездными вечерами изучают на небе созвездия.

Ребята теперь смотрят в ночное небо, не просто любуясь звездочками, а наблюдают, записывают, стараются разгадать загадки далеких миров.

Юные астрономы поддерживают связь с Одесской

ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(Окончание)

А. ПОЛЕЩУК

Рисунки Ф. Лемкуля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Коліны экзамены подходили к концу. Все решала одна пятерка. Одна пятерка по физике — и он, Коля, в институте!

Ясное солнце заглядывало в аудиторию, освещая неизвестно почему попавший в институт совсем домашний графин. Все знали, что экзаменатор, молодой аспирант, любит мудреные вопросы о самых простых вещах и поставил предыдущую группу в тупик вопросом о том, какая папироса весит больше, зажженная или целая. Коля про себя отметил, что радужные блики на потолке и стенах аудитории могут пригодиться как пример разложения света в стекле графина.

Экзаменатор очинил карандаш и вызвал Колю, Виталия и еще двух ребят. Через минуту они с головой погрузились в вопросы. Коля еще обдумывал первый вопрос, а Виталий вышел к доске и, разделив ее на две части, стал готовиться к ответу.

Дверь заскрипела. Коля поднял голову и увидел человека небольшого роста в синем беретике. Он не поверил своим глазам. «Этого еще не хватало!» — пронеслось в голове. К столу экзаменатора подходил Евгений Леонович.

Экзаменатор вскочил и пошел ему навстречу.

— Здравствуйте, Евгений Леонович! — сказал он. — Вы что же, экзаменоваться?

Евгений Леонович рассмеялся.

— Прошло, прошло мое время! С удовольствием проэкзаменовался бы, с удовольствием. Разрешите послушать. Я очень интересуюсь сменной, очень.

Он присел к столу и стал перемешивать билеты. Он складывал из них домики, тасовал, и те, кто еще не получил билета, не могли оторваться от его толстеньких ручек и удивительно изогнутого большого пальца.

— У кого вы сейчас работаете? — спросил Евгений Леонович аспиранта.

Они перешли на шепот, но Коля, помимо своей воли, услышал обрывок разговора: «Как фамилия вашего племянника?» — спросил аспирант. «Как и моя, — ответил Евгений Леонович. — Способнейший хлопец, но, знаете, всякое бывает... И я пришел предупредить...» Слово «предупредить» Евгений Леонович сказал очень жестко, и Коля, бросив быстрый взгляд на аспиранта, увидел, что у того загорелись уши.

— Вы, вероятно, забросили сейчас исследова-

тельную работу? — говорил между тем Евгений Леонович.

— Да... здесь очень трудно, — сказал аспирант. — Ребята устали, у каждого за плечами по четыре сложных экзамена, очень напряженная атмосфера. Она и мне передается... Я девятую группу пропускаю, и, знаете, очень трудно иногда выбирать...

— Ну, это не так уж сложно. Я могу вам помочь, могу...

— Но ведь вы не за этим пришли... — тихо сказал аспирант.

— Я?... Нет, не только... Смена смене идет, не так ли? Вот что я вам посоветую. Переведите экзамен в несколько другую плоскость. Выведите опрос из плоскости формальных знаний. Смотрите на учащихся с точки зрения комплекса данных, данных будущего исследователя. Наблюдательность, осторожность в выводах, смелость в обобщениях и тому подобное. Это даст в ваши руки более обширные возможности... Вот, например, мальчик, — Евгений Леонович указал глазами на Виталия, — он совершенно не подходит, я нисколько не сомневаюсь. Обратите внимание, он решает задачу, но лоб его чист, никакая мысль его не волнует. Я вас понимаю, вы еще молодой экзаменатор, но такие детали говорят о многом, очень о многом...

Евгений Леонович налил себе стакан воды из графина и отпил несколько глотков. Коле страшно захотелось пить. Может быть, если бы не было Евгения Леоновича, он подошел бы к столу и попросил разрешения напиться, но Евгений Леонович, вероятно, узнал бы его.

Виталий начал отвечать. Он рассказал о законах электролиза, об опыте, который доказывал существование свободных электронов в металле, начертил схему телескопа, показал решение своей задачи.

Во время ответа Виталий повернулся к доске, а Евгений Леонович, не отрывая от него взгляд, протянул руку, нащупал графин и повернул его на сто восемьдесят градусов. Графин подставил другую свою сторону солнечному свету. Цветные блики, разбросанные его гранями, скользнули по Колиному лицу, и он подумал: «Зачем это он поворачивает графин и почему он не уходит?»

— Что ж, — сказал аспирант, — у меня нет больше вопросов...

— Позвольте, я применю свой метод, — предложил Евгений Леонович.

— Хорошо, — немного растерянно сказал аспирант.

— Прошу вас, подойдите к столу, — обратился Евгений Леонович к Виталию. — Вот посмотрите, пожалуйста, на графин. Предупреждаю, предупреждаю, — Евгений Леонович, забывшись, говорил теперь громко, — мой вопрос потребует у вас мобилизации всех ваших знаний: молекулярная физика, процессы лучепоглощения, все, все... Так вот, с точки зрения физики, какая сторона графина должна быть больше нагрета: та, которая обращена к Солнцу, или противоположная?

— Конечно, — ответил Виталий, не задумываясь, — конечно, та, что обращена к солнцу.

— Да?

— Мне кажется... ну, конечно же, та, что к Солнцу...

— Да?..

— А как же иначе? Стекло очень сильно поглощает тепловые, инфракрасные лучи, вода так же...

— Проще всего проверить...

Виталий прикоснулся к освещенной солнцем стороне графина, второй рукой — к противоположной стороне.

— Та сторона теплее... — прошептал он, и графин, вздрагивая в его руках, зазвенел непритертой пробкой.

— Так как же? Эксперимент опровергает ваши теоретические выводы? Горячей оказалась другая сторона, про-ти-во-по-лож-ная!

— Я не ожидал... Но тогда дело в том, — неуверенно начал Виталий, — что лучи собирались на противоположной стороне и там...

Коля закрыл глаза. Он был готов вскочить и броситься с кулаками на Евгения Леоновича.

— О нет, нет... — сказал Евгений Леонович. — Вот так, — обратился он к аспиранту, — все гладко, но нет твердости, нет уверенности, которая создавала мучеников науки, Галилея и так далее... А нужно было сказать: «Не может быть, чтобы сторона, обращенная к солнцу, была холоднее». И все!

— Но как же это могло случиться? — недоумевал Виталий.

— Достаточно, идите, — сказал аспирант. — Ну, а вы, Ростиков, идите отвечать. Вам нужна доска?

Коля подошел к столу, мягко взял графин, повернул его. Виталий все понял и вскрикнул.

— Зачем вы так? — сказал Коля.

— Вышли отвечать? — спросил аспирант. — Так отвечайте.

— А мне отвечать не хочется...

— Тогда кладите билет.

— Как вы не понимаете? Мы приходим сюда, как... мне даже сравнить не с чем. Мы вам верим. А вы? Устроили такой подвох... Я говорю о графине.

— Не понимаю, — развел руками Евгений Леонович, — не понимаю, что творится... Вы знаете, молодой человек, что я профессор, доктор наук! Я пришел на экзамен, на экзамен к вам пришел, чтоб... ммм... чтобы посмотреть на смену, да, смену! Мы все идем в небытие, и хочется знать, что ждет впереди... Хочется знать, в чьи руки попадут те знания, которые мы добыли с таким трудом, с огромным трудом, смею вас уверить!.. Позвольте, я вас где-то видел!

— Ростиков, — сказал аспирант, — идите отвечать. Вы на экзамене в конце концов. Вы готовы?

— Э, нет, нет! — воскликнул Евгений Леонович. — Я задет, да, задет! Я позволю себе спросить уважаемого абитуриента (так в мое время называли поступающих в высшее учебное заведение), я хочу спросить у вас, товарищ...

— Ростиков, — подсказал аспирант.

— Ростиков?.. Не знаю, не знаю, не помню... Да, так как вы намерены сдавать экзамены? По программе? Этак всякий сможет сдать экзамены. Ну, ладно, спросим вас так, без «подвохов». Вы позволите? — обратился он к аспиранту.

Тот кивнул, но взгляд его, как показалось Коле, был ободряющим.

— Итак, — сказал Евгений Леонович, — итак, вопрос должен быть простым, как пареная репа, как шар, как Солнце... Ну, вот вам Солнце. Это понятно всем. Светит и греет... Ну, вот вы, как будущий физик, и расскажите нам, что оно собой представляет... Как у него задача? — спросил Евгений Леонович у аспиранта.

— Решена, — кивнул головой аспирант, проматывая Колины записи, — да и другие вопросы у него в порядке, во всяком случае, написано правильно.

— Ну, Солнце — большой шар... — начал Коля. — Очень большой и очень горячий... Там происходят термоядерные реакции, реакции, идущие при очень высокой температуре...

— А что за реакции идут на Солнце? — спросил Евгений Леонович. — Простите, вас пока не раздражают мои вопросы?

— Нет, не раздражают, — серьезно ответил Коля, — а реакции там примерно те же, что и в водородной бомбе. Четыре протона соединяются в ядро гелия, два из них теряют заряды и превращаются в нейтроны. Эта реакция идет с выделением огромных количеств энергии... Вот если бы вы были на Юпитере, — вызываясь, сказал Коля. Надежда, что он сдаст экзамен, оставила его.

— А вы были? На Юпитере? — обрадованно сказал Евгений Леонович.

— Да, был. Там океаны аммиака и метана, веществ, состоящих из водорода, азота и углерода, тех самых элементов, которые находятся в атмосфере Солнца. А его моря... Кажется, что вы погружены в кипящий красный сок, а Солнце там видно совсем маленьким, не больше горошинки...

— Минуточку, — сказал аспирант, — не увлекайтесь!

— Нет, нет, не перебивайте! — сказал Евгений

Леонович. — Я узнал вас! Вы тот самый, тогда в клинике проводили эксперименты с газоструйным генератором... Но почему другие планеты окружены другими газами?

— Они образовались в другое время, при других условиях. Но и в атмосфере Земли больше трех четвертей азота.

— При других условиях? При каких же?

— Планеты возникают, когда на Солнце происходит взрыв, взрыв в глубине Солнца.

— Итак, по-вашему, все планеты вырвались из Солнца? Вначале, по-видимому, Меркурий, потом...

— Нет, не Меркурий... Меркурий не планета.

— Ну, знаете ли, Меркурий не планета? Меркурий обращается вокруг Солнца, период его обращения равен... ммм...

— Восьмидесяти восьми суткам, я помню, — сказал Коля. — Меркурий был спутником Венеры, таким же, как сейчас Луна у Земли.

— Вот как?

— Да, Меркурий был выброшен Венерой, но вблизи было Солнце, и оно, обладая в сотни раз большей массой, чем Венера, отобрало у нее Меркурий...

— Вы базируетесь на том, что Меркурий так же отражает солнечный свет, как и наша Луна? — задумчиво проговорил Евгений Леонович. — Нет, здесь не просто фантазия! Видимо, мой приятель Михантьев напичкал его своими бреднями. Вы, вероятно, знаете Михантьева, — обратился он к аспиранту, — того самого, что сейчас работает по изотопическому составу метеоритов. Оригинальный страшный...

— Я знаю его, — сказал аспирант.

— Вот, можете полюбоваться на его работу. — Евгений Леонович указал на Колю. — Мне совсем недавно звонил один очень уважаемый человек, руководитель одного института, и говорил, что группа авторов, которыми верховодит Михантьев, донимает его проектом бессмертия человека. Вы только подумайте, бессмертия! Просто этак пара ядерных реакций — и можно закрывать похоронные бюро! Вот его очередная жертва, этот бедный мальчик... Так вы утверждаете, что у Меркурия такое же происхождение, как и у Луны? И на нем, вероятно, также есть кратеры?

— Возможно...

— Ах, на Меркурии вы не были! Представьте, и я, и я там не был. Кстати, что касается кратеров на поверхности Луны, у вас, наверно, тоже своя точка зрения на их происхождение?

Коля задумался на мгновение, потом махнул рукой. «А, все равно!..»

— Видели вы, — сказал он, — как кипит манная каша, когда она загустевает? Точно такие же кольца, как лунные кратеры и цирки, образуются, и с выступом посередине.

Евгений Леонович улыбнулся, а аспирант ожил и сказал:

— Совершенно верно, и мне приходила эта мысль в голову. Образуются кольца и потом каша...

— Потом, потом каша начинает плеваться! — взорвался Евгений Леонович. — Все ясно, все ясно! Это известная теория, анекдотическая теория! Автор этой странной теории, конечно, не обладал, мягко выражаясь, эрудицией нашего абитуриента и нигде, нигде не писал, что речь идет о манной каше. Он просто говорил о том, что, по его мнению, Луна обладала тестообразной оболочкой и кипела. Давно-давно забытые бредни!!!

— Но почему, — спросил аспирант, — почему

вы так решительно отвергаете? Уж очень похоже на модель...

— Ну, знаете ли, батенька, и вы туда же! Да как же можно проводить аналогии между кастрюлей с манной кашей и Луной! Масштабы не те, масштабы!

— А почему, — сказал Коля, — почему Солнце сравнивают с водородной бомбой длительного действия? А? То же соотношение в массах, что у Луны и кастрюли с кашей...

— Каша! У вас в голове каша! Ступайте! — крикнул Евгений Леонович неожиданно высоким голосом, и Коля вышел из аудитории, кляня свою несдержанность. «Не больше тройки, — говорил он себе, — а ведь нужно было пять, только пять...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Выйдя из института, в котором работал Аркадий Владимирович, Дмитрий Дмитриевич и Человек всю дорогу молчали. Каждый думал о своем. Дмитрий Дмитриевич проводил Человека домой и, сказав, что его ждут в лаборатории, уехал.

Анализ изотопического состава материала, из которого был сделан оранжевый прут Человека, окончательно подтвердил его «звездное» происхождение. Прут был сделан из сложного сплава на литевой основе, однако все элементы были представлены в ином изотопическом составе, чем тот состав, в котором они встречаются на Земле.

Вернувшись поздно вечером домой, Дмитрий Дмитриевич не сразу нашел Человека. Ни в кабинете, ни в комнате, служившей Дмитрию Дмитриевичу спальней, его не было. Человек оказался на кухне. Он сидел, скрестив на груди руки, и, казалось, о чем-то размышлял. Говорить было не о чем, и оба они обрадовались звонку.

Дмитрий Дмитриевич отворил дверь и впустил Колю.

— Дмитрий Дмитриевич, я пришел с Леной, ничего?

— Конечно, конечно, входите, Лена! — сказал Дмитрий Дмитриевич. — А как у тебя экзамен? Ты же вчера сдавал.

— Труба, Дмитрий Дмитриевич, провалился... — грустно сказал Коля.

— Вы с ним поговорите, Дмитрий Дмитриевич, а то он совсем раскис...

Дмитрий Дмитриевич помог Лене снять плащ. Человек тоже вышел в переднюю.

— Ты огорчен, Коля, — сказал Человек, — что не можешь получить свое, земное знание, так я понял причину твоего плохого настроения... Я решил подарить тебе наше знание, все то, что знаю я...

Человек прошел в кабинет и что-то осторожно поставил на письменный стол.

— Это царский подарок, — заметил Дмитрий Дмитриевич, заглянув через его плечо.

На столе, среди бумаг, проводов и книг, стоял уже знакомый Коле и Дмитрию Дмитриевичу прозрачный кубик.

— Но это на чужом языке, на вашем языке? — спросил Коля.

— Я сделал перевод давно, когда еще лежал в больнице. Я узнал почти все ваши слова, во всяком случае, те, что были в том словаре русского языка, который мне принес Борис Федорович... И эти слова хранятся в кубике в виде

электрических импульсов очень несложной формы...

— Что-нибудь в виде азбуки Морзе, — точка — тире? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Да, немного сложнее, но смысл тот же. Ты, Коля, положишь руку вот сюда... Что, больно?

— Нет, щекотно...

— Ты должен потерпеть... Я потом научу тебя, как давать кубику задания... Каждое слово будет сопровождаться картинкой, цветной и объемной, и звуком вашей речи, потом картинки начнут чередоваться, иногда повторяясь, пока твоя рука не научится читать.

— Рука?

— Да, рука, ведь каждому слову будет соответствовать определенный набор импульсов тока... Ты прикоснешься к кубику, и полетит мысль, нужные тебе сведения, а скорость... — Человек взмахнул рукой. — Не сразу, конечно, но ты сможешь довести ее до двух — трех тысяч слов в минуту.

— Немного странная система, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — слова превращаются в импульсы...

— Вы всегда непоследовательны! — резко ответил Человек. — У вас на столе телефон, радиоприемник. Разве по проводу телефона или антенне приемника не идут слова, превращенные в импульсы электрического тока? Мой кубик — только дальнейшее развитие этих идей.

— А это верно, правда, Лена? Если мы можем чувствовать электрический ток, то почему это не использовать?

— Ну, Коля, садись, положи руку вот сюда. Не больно? Я еще уменьшу величину импульса... — Человек прикоснулся к контактам, и над столом засверкала буква «А», ее сменила буква «Б», потом снова «А»...

— Я ощущаю разницу! Не очень ясно, но чувствую! Когда «А» — щекотно и немного покалывает...

— Нам нужно о многом поговорить, — вдруг сказал Дмитрий Дмитриевич Человеку, — пойдемте...

Они ушли на кухню, тщательно прикрыв за собой дверь, а Лена спросила:

— Тебе еще не надоело?

— Ты все готова осмеять, — сказал Коля. — А ведь мы сейчас имеем дело с искусственным мозгом, и если Человек сказал правду, то в этом кубике хранятся сотни миллионов книг и картин.

— Но как отыскать нужное, этого он тебе не скажет...

— Ты видела, что Человек прикоснулся к этим контактам и кубик заработал?.. Знаешь что, я присоединю к ним батарею...

— Но ты можешь испортить что-нибудь.

— А я слабую подсоединю, здесь у Дмитрия Дмитриевича есть совсем севшие батареи.

Коля залез под стол и вытащил батарею сухих элементов. Он зачистил два проводника и соединил ее с рождками контактов кубика... Раздался монотонный громкий треск, и цветные тени заметались по стенам.

— Я все испортил, — упавшим голосом сказал Коля.

— А ну, дай мне!.. — Лена несколько раз прикоснулась проволочками батареи к кубику. Каждый раз картины менялись. Вот над кубиком вырос шар, и чей-то деревянный голос быстро затараторил: «Шар, шар, шар...»

— Все в порядке, — сказала Лена. — А действительно, кубик управляется током...

— Но откуда его берет Человек? Хотя есть же биотоки...

Коля пустился было в объяснения, но вдруг зазвонил телефон.

— Вам Дмитрия Дмитриевича? — спросил Коля. Чей-то по-военному четкий голос сказал:

— Товарища Михантьева...

Коля выбежал в коридор и остановился: разговор в кухне шел о нем.

— Коля мне нравится, — говорил Человек, — я возлагаю на него большие надежды... Пять — шесть тысяч таких, как он, но только без излишнего любопытства, и я сделал бы многое...

— А что вы сделаете с остальными? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Мне нужны люди, — уклончиво ответил Человек, — правда, не столько, сколько живет их на вашей планете.

— Дмитрий Дмитриевич, — приоткрыв дверь, сказал Коля, — там вас к телефону зовут.

— Спроси, что нужно, и не мешай нам, у нас занятый разговор...

— Что передать Михантьеву? — спросил Коля, снова взяв трубку.

— Примите телефонограмму, — ответил тот же голос.

— Лена, дай скорее бумагу и карандаш, я телефонограмму принимаю. Да брось ты кубик, потом займемся!

Лена отсоединила батарейку и протянула Коле лист бумаги.

— Я, кажется, начинаю понимать, как управлять этим кубиком, — сказала она.

— Говорите! — крикнул в трубку Коля.

— Сообщаю координаты нового метеорита, зарегистрированного сегодня в пять часов тридцать минут...

Коля старательно записал ряд непонятных ему цифр.

— Кто принял телефонограмму?

— Ростиков! — по-военному ответил Коля.

Он схватил листок с записью и бросился на кухню. Дмитрий Дмитриевич стоял перед Человеком и что-то быстро и резко ему говорил.

— Погоди, — сказал он Коле, машинально взяв из его рук листок, и снова обернулся к Человеку. — Не для того я неделями не вылезал из танка и хоронил погибших друзей от Волги до Эльбы, чтобы...

— Так вы уверены в нереальности моего замысла? — спросил насмешливо Человек.

— В конечном итоге — да... Что там, Коля?

— Телефонограмма.

— Какая телефонограмма? Что??? Еще один? А цифры-то знакомые! — Дмитрий Дмитриевич вынул из кармана пиджака записную книжку и, переводя глаза с ее раскрытых страниц на листок с Колиной записью, закричал: — Еще один прилетел! То-то, я смотрю, вы сегодня осмелели! Все совпадает — и высота и время!.. Это хозяин! Хозяин прилетел!

В кухню вошла Лена и дернула Колю за рукав. — Идем в кабинет, быстро, — сказала она, — там сейчас такое делается...

Они вышли в коридор.

— Я без тебя несколько раз включала и выключала батарею, и вот... — быстро говорила Лена.

Коля уже хотел было переступить порог кабинета, да так и застыл с поднятой ногой: вместо привычной обстановки кабинета Дмитрия Дмитриевича перед его глазами была широкая площадь какого-то чужого, незнакомого города. Лю-

ди, одетые в пестрые одежды, спорили о чем-то, перебывая друг друга.

Вот появился огромный снаряд с длинным, похожим на меч острием. У основания снаряда была овальная площадка. К снаряду торпливо подошел Человек, и рука его быстро начертила на площадке какой-то знак. Он был похож не то на прописную букву «Д», не то на исковерканный скрипичный знак. Прошло мгновение, и овальное окно с треском раскрылось.

— Он бежал! — зазвучал чей-то голос. — Бежал! Он захватил несколько своих автоматов!..

Все неожиданно исчезло. Ни Коля, ни Лена не заметили, как в кабинет вошел Человек. Сейчас он держал погасший кубик в своих руках.

— Я забыл предупредить, — сказал он, — здесь хранятся сказки... Станные, страшные, не похожие на ваши... Их нельзя серьезно воспринимать... И потом там, на кухне, Дмитрию Дмитриевичу почему-то стало плохо...

Коля бросился на кухню: перед ним в неестественной позе стоял Дмитрий Дмитриевич. Он вытянул руки вперед, как будто неся что-то хрупкое... Коля дотронулся до его руки, и Дмитрий Дмитриевич рухнул перед ним лицом вниз. Какой-то темный прямоугольничек, шурша, метнулся из его руки. Когда Коля его поднял, Человек быстро спросил:

— Что там такое?

— Какая-то пленка, — ответил Коля.

Человек мягко взял ее из Колиных рук и, сжав в кулаке, смял. Пленка неожиданно вспыхнула. Человек не разжимал руки, пока огонь не погас.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Лена, Человек, помогите! — крикнул Коля, пытаясь поднять Дмитрия Дмитриевича.

Когда Дмитрия Дмитриевича уложили на диван, Коля быстро набрал номер «неотложки» и торопливо заговорил:

— Упал, понимаете, упал, и глаза открыты... А? Что? Адрес? Петровка, там, где каток «Динамо», со двора... я выйду, встречу...

Лена открыла окно, в комнату ворвался шум дождя.

— Вы к Михантьеву? Да, да! Я не знаю, что с ним, — говорил Коля поднимавшимся по лестнице санитарам; сзади шел врач.

Врач пощупал пульс, выслушал сердце.

— Камфару, — бросил он сестре. — Как это с ним произошло? — обратился он к Коле.

— Как? Мы были вот в этой комнате, а Человек разговаривал с Дмитрием Дмитриевичем на кухне, потом...

— Он совсем неожиданно вскрикнул и упал, — вмешался Человек.

— Нет, нет, — сказала Лена. — Он упал потом, когда Коля к нему прикоснулся.

— Случай сложный, больного нужно положить в клинику, — сосредоточенно говорил врач, помогая санитарам и сестре, укладывающим Дмитрия Дмитриевича на носилки.

Носилки вынесли из квартиры. Коля побежал вслед за санитарями. Лена бросилась вслед за ним, но Человек резко захлопнул перед нею дверь.

Когда носилки уже были в машине, врач сказал, протягивая Коле полоску бумаги:

— Вот, позвоните завтра по этому телефону.

Коля медленно поднялся вверх по лестнице и припал мокрым от дождя лбом к обитой клееной двери, его рука нащупала звонок.

«Что же это случилось с Дмитрием Дмитриевичем? — думал он, вслушиваясь в протяжный звонок. К двери никто не подходил. — Может быть, это Человек что-то сделал с Дмитрием Дмитриевичем, ведь мы его толком не знаем, — прорвалась наружу давно родившаяся смутная догадка. — У них был такой резкий разговор... — Коля позвонил еще раз, но опять никто не открыл ему.

Коля позвонил в третий раз. Он был почти уверен, что Человек и на этот раз не откроет дверь. «Но что с Леной? Что делать? Нужно сейчас же открыть, во что бы то ни стало. Взломать дверь? Не выйдет!.. А если попробовать с черного хода?..»

Коля, сдерживая дрожь в ногах, вышел во двор, обогнул дом и вошел в дверь черного хода. Влажный ветер гулял над выщербленными ступенями, свободно проникая сквозь распахнутые настежь окна. Свет еще не зажгли, и на лестнице было почти темно. Держась за перила, Коля поднимался все выше и выше. Отыскав нужную дверь, он осторожно просунул в щель лезвие ножа и сбросил крючок. Вот она, знакомая кухня.

Он бесшумно прошел по коридору к кабинету и прислушался. Из кабинета доносился голос Лены.

— И мне все ясно, — говорила она. — Мне ясно, что Дмитрий Дмитриевич — это ваших рук дело!..

— Вы говорите об ответственности? — насмешливо сказал Человек. — Я обижен вами... Ведь я лучше, много лучше, чем то, с чем вы знакомы, что принимаете за меня... Я — это не я. Я только вчера прилетел на Землю, только вчера... Это только оболочка...

— Вы другой?.. Внутри?.. — спросила Лена, и по ее голосу Коля понял, что она мучительно пытается понять смысл последних слов Человека.

— Нет, вы меня не поняли... Я весь другой, а то, что перед вами, Лена, только гонец, разведчик, или, как вы часто говорите, заместитель... У меня в венах живая кровь... Я был обижен... Мои соплеменники не смогли понять всей грандиозности моего замысла...

— Вы удрали?

— Нет, у вас есть слово более приятное, я бежал... Но к вам, я вижу, я прилетел слишком поздно. Я вам почти не нужен, и вы не в состоянии оценить моих даров... Я уже сейчас послал своих разведчиков к ближайшим звездам и скоро покину Землю... Не скрою, Лена, что расположен к Коле и к вам... Только это избавляет вас от очень больших неприятностей...

Лена закричала, и Коля, не помня себя, распахнул дверь в кабинет и бросился к ней.

В кабинете еще звучал негромкий смех Человека, но его самого нигде не было.

— Он исчез, — говорила Лена. — Исчез! Он только что здесь стоял, вот здесь, возле стола!.. И вдруг задрожал, задрожал и исчез... Вот, вот здесь он стоял... Какой-то камень...

— А ну дай мне посмотреть, — глухо сказал Коля. Он нагнулся, поднял с пола тяжелый и такой знакомый камень... Да это же мой камень, — закричал Коля, — тот самый, что я нашел в лесу! Здесь должна быть надпись, должна быть! Вот она!

— Я ничего не вижу... — Лена тоже наклонилась над камнем, — не вижу... Есть... Есть! Здесь чернильным карандашом что-то написано... «Откр какой-то...»

— Здесь написано: «Откр № 1», — сказал Коля. — «Открытие номер один!» Но как он сюда попал?!

В коридоре раздался резкий звонок.

Коля открыл дверь. На пороге стоял начальник милиции.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Камень лежал на столе рядом с исписанным листком протокола.

— Я просил держать меня в курсе дела, — сказал начальник милиции, — и когда стало известно, что в квартире Михантьева произошел несчастный случай, немедленно выехал сюда... Он помолчал и, прикоснувшись к камню, добавил: — Вы очень рисковали, товарищ Ростиков.

— Этот камень, — сказал Коля, — нужно уничтожить. Его нужно разрезать, расплющить, бросить в печь, да, в доменную печь! С ним нужно что-нибудь сделать.

— Пока я запру его в своем сейфе, — сказал на-

чальник милиции. — Вы свободны, молодые люди. Квартира будет сейчас опечатана.

Коля проводил Лену и добрался домой далеко за полночь. Анфиса Тимофеевна спала, и Коля не стал ее будить, осторожно разделся и лег.

Коля проснулся оттого, что ему стало трудно дышать, он громко чихнул и присел на кровати. Было еще рано, но Анфиса Тимофеевна уже встала и возилась за перегородкой.

— Простудился, так я и знала, — сказала она. — Еще бы, под таким дождем разгуливать. Горло, небось, дерет?

После чая Коле стало легче, но Анфиса Тимофеевна накапала несколько капель йода в чашку с водой, всыпала горсть соли и отправила его во двор полоскать горло. Коля запрокинул, как гусак, голову и, щурясь от яркого солнца, слушал, как клокочет в горле отвратительная горько-соленая жидкость.

— Ну как, счастлив, коллега? — услышал он голос Виталия.

— Почему? — спросил Коля и набрал в рот новую порцию «снадобья», с удовлетворением отметив, что полоскания в чашке осталось на один глоток.

— Еще спрашиваешь? — Виталий уселся на жердь, отделявшую владения Анфисы Тимофеевны от остального мира. — Хоть студенческий билет показал бы... Я вчера был в институте, а там на доске: Ростиков принят на первый курс.

— Как! — крикнул Коля и затрясся от кашля. Виталий соскочил с забора и стукнул его ладонью по спине.

— Я же не знал, Виталька! Ты сам читал? Ты сам видел? Может быть, это ошибка? А ты-то принят? Это уж точно?

— Принят, принят! Не удалось тому, с графином, засыпать! А вот племянник его провалился.

Коля вбежал в дом, схватил пиджак.

— Тетя Фиса! Я, говорят, студент, честное слово!

— Но тебе ж сказали?..

— Ничего мне не сказали, я сам подумал, что не сдал... Конечно, им со стороны виднее было, как я отвечал.

— Надевай, — сказала Анфиса Тимофеевна и протянула Коле голубую рубашу, — надевай, студент, это я тебе приготовила...

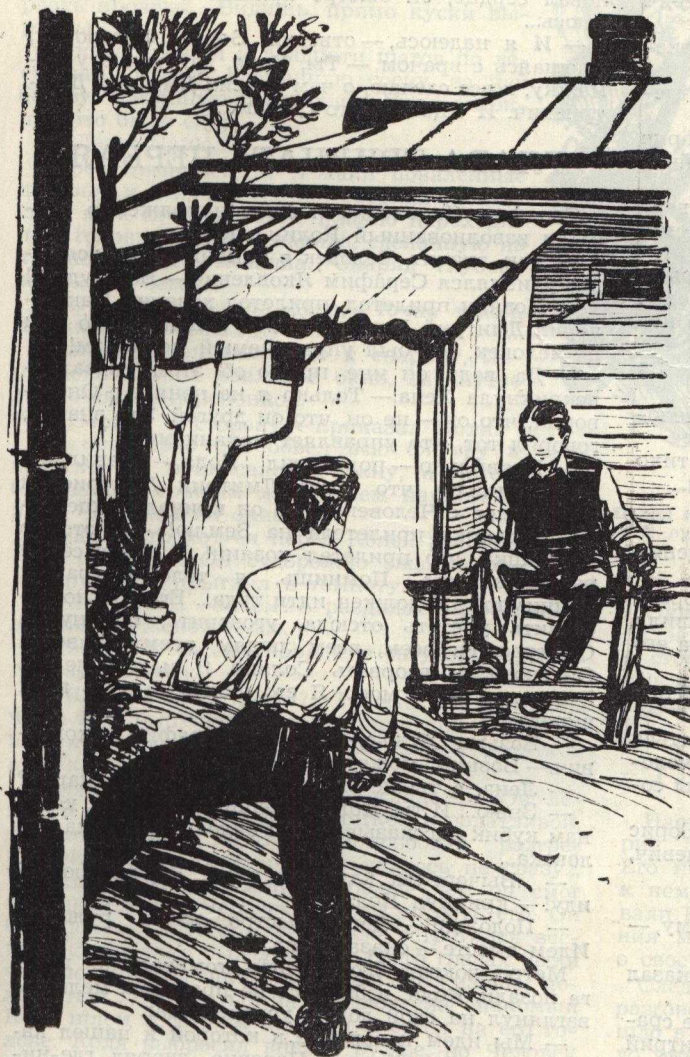
Влезая в рубашу и осматривая себя в зеркальце, Коля думал:

«Люди-то какие все хорошие! Анфиса Тимофеевна... А аспирант! Не посмотрел на Евгения Леоновича! И Лена и Виталька — все, все хорошие. И Дмитрий Дмитриевич... Дмитрий Дмитриевич! — Непонятные и тяжелые события вчерашнего дня встали перед ним во весь рост. — Нужно ехать, сейчас же! Сначала в институт, потом к Дмитрию Дмитриевичу...»

Не без труда Коля отыскал свою фамилию на щите в вестибюле института. Он прошел в деканат, где ему вручили студенческий билет.

Билет выдал тот самый аспирант, который принимал экзамен по физике.

— Поздравляю вас, Ростиков, желаю вам успешно окончить институт! — сказал он.

— Хоть студенческий билет показал бы...

Счастливым, Коля шел по институтским коридорам, принохивался к их особенным, загадочным запахам. Теперь это был его, Колин, институт. Перед парадной дверью он вытасил студенческий билет и показал его вахтерше.

— Ну, слава богу! — сказала она. — Все хорошо! «Да, хорошо, — подумал Коля. — А Дмитрий Дмитриевич!..»

Он отыскал будочку телефона-автомата и позвонил.

— Больной пришел в себя.. Приедете в клинику, попросите врача Богашкова, — сказали ему.

— Вы родственник Михантьева? — спросила сестра, когда Коля пришел в клинику.

— Я не родственник... Я ученик его, — ответил Коля.

— Тогда не знаю... А что, родственников у больного нет?

— Я точно не знаю, — сказал Коля, — кажется, нет...

— Ты опять здесь?! — услышал Коля знакомый голос и машинально отпрыгнул в сторону. Он не заметил, что к столику, за которым сидела сестра, подошел Борис Федорович.

— Борис Федорович, ведь Дмитрий Дмитриевич здесь у вас лежит, а меня не пускают...

— У меня? Нет, у меня нет Дмитрия Дмитриевича...

— Больной Михантьев в терапевтическом отделении, — сказала сестра.

— Кто у него лечащий врач? — спросил Борис Федорович. — Богашков? Подожди меня, я сейчас все выясню.

— Бери халат, — сказал Борис Федорович, вернувшись через несколько минут. — Идем к нему, быстро!

Коля едва поспевал за Борисом Федоровичем. Какая-то особенная тишина окружила Колю, мягкий ковер заглушал шум шагов. В конце коридора их ждал совсем еще молодой врач.

— Родственник? — спросил он, указывая на Колю.

— Не родственник, но близкий больному человеку.

— Больной в очень тяжелом состоянии, — тихо говорил врач. — И картина не совсем ясная...

— Но что вы предполагаете?

— Поражение током.

— Током? Вы обнаружили место вхождения тока?

— Да, очень странно расположенное и формы необычной. Я сразу же, как только доставили больного, обратил внимание на пять точек на его спине.

— На спине? — Борис Федорович удивленно уставился на врача.

— Да, да, на спине. Потом стало появляться покраснение и, представьте, в форме руки, человеческой руки. Такое впечатление, что искры соскользнули с кончиков пальцев...

— Я, кажется, знаю эту руку! — сказал Борис Федорович. — С кем был Дмитрий Дмитриевич, когда это с ним случилось?

— Он был с Человеком и...

— Ах, с Человеком!.. Пройдемте к больному, — предложил Борис Федорович.

— Я должен вас предупредить, — сказал врач, — никаких разговоров и недолго...

Шторы в палате были спущены, и Коля не сразу разглядел койку, на которой лежал Дмитрий Дмитриевич. Глаза его были открыты, бледные руки бессильно покоились поверх простыни.

— Что с вами случилось? — спросил Коля. — Вы узнаете меня?

— Коля... запиши...

— Вот бумага, — тихо сказал врач.

— Найдешь профессора Семочкина... Аркадия... Владимировича, да, Владимировича... Не забудь, Владимировича... Да, зачем он мне был нужен?... Пусть возьмет мои книги... Там в столе работа... «Масс-анализ и происхождение метеоритов»... Аркадий пусть отредактирует... Если найдет сносной, пусть напечатает... Нет, не то... Что-то еще... Да, хозяин прилетел... Но к чему это?.. Не помню...

— Неужели? — прошептал Борис Федорович.

Врач приоткрыл простыню, Борис Федорович нагнулся. По ногам Дмитрия Дмитриевича тянулся какой-то, похожий на тонкую веточку след, он встал на колена и уходил к пальцам ноги.

— Напряжение огромное... — сказал врач. — Это не осветительная сеть... Идемте, он закрыл глаза, хочет отдохнуть.

Они вышли из палаты.

— Я, Борис Федорович, сделаю все, что смогу, все, — сказал врач. — Мне кажется, что ток миновал сердце, он быстро пришел в себя, я надеюсь...

— И я надеюсь, — ответил Борис Федорович, прощаясь с врачом. — Ты, Коля, дай мне эту бумажку, я все сделаю, о чем просил Дмитрий Дмитриевич. И еще кое-что сделаю...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Серафим Яковлевич и Лена напряженно слушали взволнованный Колин рассказ.

— Так, значит, Человек в камень обратился? — все удивлялся Серафим Яковлевич. — Вот чудеса!

— Хозяин прилетел, прилетел хозяин... Так говорил Дмитрий Дмитриевич. И я понял! Это был не человек, это был управляемый механизм!

— Да ведь он мне прямо об этом сказал! — вскрикнула Лена. — Только я не поняла... Он говорил, что он — не он, что он другой. Это значит, говорил тот, кто управляет механизмом.

— Правильно, — подхватил Коля, — правильно! Я вспоминаю, что когда Дмитрий Дмитриевич поссорился с Человеком, то он кричал: «Еще одна пустышка прилетела на Землю!» — а это не пустышка, это прилетел хозяин! И его засекли радиолокаторы. Помнишь, я телефонограмму принимал?... Я должен идти туда... Его нужно заставить улететь отсюда, уговорить, обмануть... Он страшен всем, всем людям, всему живому. Он грозился взорвать Солнце. Я иду к нему... Это — мое дело, мое... Я его нашел, и я во всем виноват.

— Возьми ружье, — сказал Серафим Яковлевич. — Возьми, может, пригодится...

— Лена, а ты не знаешь, как войти в снаряд?

— Знаю... И ты, Коля, знаешь... Помнишь, когда нам кубик рассказывал, мы видели, как рука Человека...

— ...Вычертила какой-то знак! Да, помню... Я иду! — крикнул Коля.

— Подожди! — Лена быстро взяла ружье. — Идем вместе, — сказала она.

Метро, вокзал, бесконечная, томительная дорога позади. Коля, взбираясь на пригорок, мельком взглянул на свой дом и ускорил шаг.

— Мы идем к воронке, в которой я нашел камень, — сказал Коля. — Наверно, снаряд где-нибудь рядом с ней.

Вот и воронка, наполненная дождевой водой. Сухие березки кто-то убрал.

— Ничего здесь нет, ничего, — удивленно протянул Коля.

Они обошли воронку вокруг и вышли на широкую просеку. Над ними гудели от ветра провода высокого напряжения, ряды мачт на широких бетонных основаниях уходили вдаль. Группа людей стояла под одной из них. В вышине, подвешенный в люльке, работал человек. Коля подошел ближе.

— Провода сращиваете? — спросил он. — Ветер порвал?

Ему не ответили, только паренек сверху крикнул:

— Какой там ветер! По шести метров вырваны куски, Степан Фомич.

Внизу рассмеялись.

— Это он тебя за бригадира принял, — сказали Коле. — Он тоже маленького роста, и кепка черная... Сверху-то не видно.

Коля задумался.

— Лена! Ведь это снаряд мог так вырвать провода... Видишь, прямо куски вырваны...

Они не прошли и двадцати шагов по лесу, как увидели сломанную сосну, за ней березу, срезанную посередине. Коля закричал что было сил:

— Лена! Нашел!

Перед ними веером лежали поваленные деревья, и в лучах солнца сверкал гигантский меч. Его основание плавно переходило в головную часть снаряда, сделанную из красно-желтого металла. Снаряд глубоко зарылся в землю.

— Это он, — сказала Лена, — точно такой, как нам показывал кубик.

Коля подошел вплотную к снаряду, Лена показала на овальное окно, затянутое темно-синей перепонкой.

— Отойди в сторону, — приказал Коля.

Он несколько раз обвел всю фигуру в воздухе, не прикасаясь к окну, а потом быстрым и точным движением нарисовал знак Человека на окне.

Раздался грохот — и перед Колей раскрылась пропасть. Он судорожно сжал в руках ружье и прыгнул в темноту...

— Это ты?.. Зачем? — раздался необычайно звонкий мужской голос.

В верхней части снаряда в жгутах паутины плавал Человек.

— Как ты сюда попал?.. Ты что же, думаешь, что я тебя выпущу? — насмешливо спросил Человек, и снаряд озарился ярким светом десятков выпуклых фонарей.

Коля, не выпуская ружья, огляделся. Он лежал в какой-то бесконечно мягкой и податливой, полупрозрачной паутине. Попробовал, разгребая ее, подняться вверх, это удалось не сразу... Прошло несколько минут, прежде чем он смог приблизиться к Человеку и рассмотреть его. Он был похож на того, с кем Коля встретился весной, но все-таки был другим... В его глазах были черные точки-зрачки, лицо дышало жизнью, молодостью... Сдвинутый на затылок уже знакомый Коле шлем с острым шпилем блестел на его голове. Коля выбросил вперед ружье, но Человек дернул к себе нити, и ружье вырвалось из Колиных рук и скользнуло вниз...

Перед Колей и Леной лежали поваленные деревья, и в лучах солнца сверкал гигантский меч.

Окно бесшумно закрылось, и в глубине снаряда зарокотали моторы. Лена в ужасе отбежала в сторону. Сияющая струя каких-то газов возникла на том месте, где был снаряд. Он уходил стрелой все выше и выше в голубое небо...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Наступил день, когда состояние здоровья Дмитрия Дмитриевича уже не вызывало опасений. Его перевели в отдельную палату и допустили к нему следователя. При разговоре присутствовали Борис Федорович и начальник того отделения милиции, в котором Человек рассказывал о своем мире.

Следователь попросил сообщить о последнем разговоре с Человеком, так как все, что произошло в институте у Аркадия Владимировича, было уже известно.

— Я не мог больше молчать, — говорил Дмитрий Дмитриевич, — и решил вызвать Человека на

откровенность... Показал результат анализа одного из его инструментов, по которому было установлено его неземное происхождение... Впрочем, он и сам этого не скрывал. Человек был предельно «чистосердечен» и серьезен... Я был потрясен этим, ведь я не знал, что, начав рассказывать о себе, он заранее решил мою участь...

«Первое, что я почувствовал на Земле,— сказал мне Человек,— было ощущение нестерпимого, невероятного жара, совершенно неожиданного для меня... Как потом выяснилось, в этом была виновата Анфиса Тимофеевна, которая по причинам, мне неизвестным, довела мою температуру до шестистопятидесяти градусов по вашей шкале температур. Потом я оказался в водном растворе целого ряда солей очень сложного состава и, раскрывшись, увидел вокруг себя ваш мир.

Мой организм не был еще в достаточной степени отрегулирован, и я, сделав первый шаг, перевернул деревянный сосуд с водой, в котором я находился. Все поражало меня... Вы даже не можете представить, какое любопытство вызывала во мне каждая деталь вашего существования. Я увидел металлические бесконечные ленты, идущие по насыпи. Первой и наиболее правильной догадкой было то, что они предназначаются для перевозки по ним грузов и людей... Меня в первую очередь интересовали люди...

Я не стану рассказывать о том, что побудило меня отправиться к вам, это не так интересно... Я бежал от своих... Основное, что вызвало неприязнь ко мне, была моя попытка захватить власть над моим миром, над каждым из живых существ... Я давно наблюдал за вашим Солнцем, и когда вспомогательные ракеты истратили свое горючее и вернуться назад я уже не мог, не раздумывая, выбрал между вашим Солнцем и двойной звездой, расположенной ближе всего к вам. Я выбросил своих разведчиков-автоматов... Я забросил их на Юпитер, на один из астероидов, на Венеру, на вашу Землю... Наблюдая людей, жителей вашей планеты, я сделал своих слуг отчасти похожими на себя, отчасти на вас... Я долго лепил лица, так как ваши лица я видел недостаточно ясно».

«Но мимика, у вас же совершенно человеческая мимика!».

«Это оказалось совсем простым... Достаточно было мне увидеть Колю, с его очень живым лицом, Анфису Тимофеевну, вас, Бориса Федоровича, как я немедленно перенял ее, она, кстати, не очень уж отличается от нашей... Уже в полете я решил задачу получения искусственной мышцы... Вот, смотрите...— Человек взял себя за скулу и отделил от своего лица лоскут.— Вот искусственная мышца,— сказал он,— на кончиках моих пальцев может возникнуть самое различное напряжение... Мышца повинуется ему, повинуется немедленно и точно».

И Человек, сосредоточенно глядя на мышцу, заставил ее сжаться, и она стала походить на маленькое яблочко, потом растянулась в длину... Я,— говорил Дмитрий Дмитриевич,— не находил слов, я только смотрел на то место на

лице Человека, где была мышца: оно медленно заполнялось какой-то желтоватой массой... Я сказал Человеку все, что думал о его планах. Как раз в этот момент в кухню вошел Коля и протянул мне радиogramму... Человек не отрицал, что моя догадка правильна.

«Да,— сказал он,— да, только сегодня я прилетел на вашу Землю... А тот, с кем вы столько времени были знакомы и, нужно отдать вам должное, в конце концов догадались почти обо всем...»

Человек быстро скинул свой земной костюм и вышел на середину кухни...

«Вот кто я,— сказал он.— Я обещал вам, Дмитрий Дмитриевич, что вы это узнаете...»

Человек пробежал пальцами по своей странной одежде, и я вскрикнул: все вместе, все разом повернулись чешуйки, и то, что было перед моими глазами, нельзя ни с чем сравнить... Человек исчез... Остались только голова, кисти рук, ступни ног, все остальное стало прозрачным, пустым, пустым... Я видел отчетливо блестящие краны газовой плиты, которые за секунду до этого заслонял Человек. Сквозь грудную клетку был ви-

Кисть Человека протянулась к лицу и отбросила его.

ден металлический, собранный из шаров позвоночник. От него к растопыренным рукам отходили решетчатые рычаги...

«Только ради вас я приобрел именно такой вид,— сказал Человек.— Здесь мой мозг...» — Кисть Человека протянулась к его лицу и отбросила его в сторону...

Я сжал кулаки, чтобы не закричать: только сейчас я понял, что где-то в глубине моего сознания до сих пор жила мысль о том, что Человек в конце концов окажется живым, настоящим человеком... Там, где было лицо, все было заполнено таким же студенистым веществом, как то, из которого был сделан кубик... Из-под этого вещества выглядывало что-то необыкновенно знакомое, какая-то деталь... Я взгляделся и узнал.

«Я вижу ультразвуковой свисток»,— сказал я. «Кажется, нельзя, Дмитрий Дмитриевич, быть более открытым, чем я с вами...»

Человек кистями руки раздвинул чешуйки, и в глубине его груди вспыхнул шлем, тот самый шлем, который помог Коле увидеть столько интересного...

«Я все предусмотрел,— сказал Человек.— Я непобедим, вам нечего мне противопоставить... И если вы, Дмитрий Дмитриевич, обвиняли меня в том, что я что-то скрываю, то сейчас вы можете убедиться в том, что были неправы. Вот я весь... Мой мозг...— Человек прикоснулся к студенистой массе, заполнившей его череп.— Моя нервная система...—Я увидел тончайшую сеть ответвлений, пронизывающую грудь и руки Человека. Она на секунду засветилась ярко-красным светом и исчезла...— Мой позвоночник...— С этими словами Человек прикоснулся к металлическим шарообразным позвонкам.— Я могу быть таким, каким вы меня знаете, могу быть другим...»— Человек свернул свой позвоночник в кольцо и стал похожим на какого-то страшного, огромного паука...

Я бросился к двери, но меня остановил окрик Человека:

«Назад! Нет! Вы слишком много знаете!»

Ко мне метнулась тень вдруг необычайно удлинившейся руки, страшная боль пронзила все тело, и больше я ничего не помню...

— Итак,— сказал начальник милиции,— то, что у меня хранится в сейфе,— это свернутый скафандр, вещь, неодушевленный предмет... Сам преступник гуляет.

— Я думаю,— прервал его Борис Федорович,— что больному Михантьеву нужен отдых...

— Да, да,— затормозил следователь,— спасибо, вы нам очень помогли.

В палату вошла сестра и, открывая форточку, сказала:

— Вас там внизу ждут, товарищи.

Борис Федорович вышел вместе с начальником милиции в коридор и на прощание посоветовал привлечь к расследованию профессора Семочкина.

— Я много слышал от Дмитрия Дмитриевича о нем. Аркадий Владимирович, несомненно,— очень крупный специалист, и он был ближе всех к разгадке Человека...

В вестибюле клиники к начальнику милиции подошел старшина из его же отделения и тихо сказал:

— Товарищ начальник, вас срочно вызывают в отделение. С вашим сейфом что-то происходит. Непорядок, одним словом...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Состояние Дмитрия Дмитриевича быстро улучшалось. Он был бодр, голова его ясна, появился нормальный сон, потребность в еде. Единственное, что задерживало его в клинике, была болезнь ног. Он все еще был прикован к постели.

Теперь он лежал в другой палате, где было много людей и где разрешалось разговаривать, читать книги. Часто наведывались к нему сотрудники института.

А однажды навестил его и академик Коршунов. Дмитрий Дмитриевич никак не мог поверить, что этот молодой и необычайно энергичный человек и есть тот самый «Старик», дряхлость которого вошла в поговорку у сотрудников института.

— Поскорее выздоравливайте,— сказал академик Дмитрию Дмитриевичу,— как можно скорее, вы нам очень нужны. Проблемой бессмертия заинтересовались по-настоящему, и мы поставим ваш доклад на заседании комиссии по лечению старческих явлений.

Однако, щадя Дмитрия Дмитриевича, от него все еще скрывали трагическое исчезновение Коли.

— Почему Коля не приходит? — спрашивал Дмитрий Дмитриевич Бориса Федоровича.— Может быть, вы по старой памяти его не пропускаете? Помните, как мы к вам зайцами пробирались?

Борис Федорович продержал бы Дмитрия Дмитриевича еще дней десять, если бы не настойчивое требование Аркадия Владимировича.

— Ну, пусть будет не по-вашему, не по-нашему,— уступил Борис Федорович.— Я разрешу Дмитрию Дмитриевичу посетить вашу лабораторию, но вы его часа через два доставите обратно в клинику.

Аркадий Владимирович заехал за Дмитрием Дмитриевичем в клинику. По дороге в институт он рассказал о состоянии работ по исследованию скафандра.

— Но как он к тебе попал? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Я получил камень в отделении милиции... Мне позвонили прямо оттуда и попросили приехать, приехать немедленно. Начальник отделения залеп скафандр в сейф. Это было очень удачно, хотя сам начальник милиции сделал это только потому, что сейф, на его взгляд, должен был быть достаточно прочным, чтобы удерживать Человека. Как ты сам понимаешь, сейф представляет собой весьма совершенную экранную камеру, ведь сейф — металлический ящик почти без отверстий. Камень не подавал признаков жизни, и меня вызвали только тогда, когда внутри сейфа стали раздаваться неумолчный гул, какие-то частые удары. Когда я вошел в кабинет, где находился сейф, то увидел, что по полу комнаты плавают огромный стальной ящик. Именно плавают, так как удары внутри сейфа были настолько сильными и частыми, что, говоря языком физики, исчезло трение покоя, и сейф скользил по полу кабинета, как скользят песчинки на вибрирующем стекле. Внутри сейфа шла непрерывная работа, по-видимому, скафандр стремился раскрыться.

Я сразу увидел всю важность того, что сейф представлял собой экранную камеру, правда, незаземленную. Тут же я произвел небольшой опыт, который, по-видимому, сразу же устранил

все колебания у начальника милиции в том отношении, что он сомневался, отдавать ли мне сейф с его содержимым на наше усмотрение или попросту распахнуть дверцу сейфа и выяснить самому, что там происходит. Легко, представить, что из этого всего вышло бы. Я взял кусок провода, который мне принес один из милиционеров, и заземлил сейф. Один конец провода я прикрепил к отопительной батарее, а второй привязал к никелированной ручке сейфа.

Это была полумера, однако внутри сейфа все стихло.

Мы срочно переоборудовали свою экранную камеру, заменили сетку сплошными листами, и в тот же день к нам в институт доставили сейф. Во время перевозки в нем вновь началась возня, что необыкновенно напугало целую бригаду такелажников, которых мы вызвали для перевозки.

Ну, вот и институт. Скоро ты увидишь, чего мы достигли, а кое-чего достигли! Да, ты знаешь, что мы нашли кубик?

— Кубик?

— Да, да, этот Человек впопыхах о нем забыл. Он, по всей вероятности, все-таки уважал нашу земную технику, во всяком случае, настолько, чтобы поспешить с исчезновением. О кубике вспомнила Лена. Мы вскрыли твою квартиру и на письменном столе нашли погасший, запыленный кубик, он еще у меня в портфеле, так как я его возил к специалистам по полупроводникам.

В институте все было по-прежнему. Так же трещали искры в испытательном зале, и так же пахло трансформаторным маслом, растворителями, шеллаком. Однако лабораторию Аркадия Владимировича трудно было узнать. Аркадий Владимирович трижды позвонил у дверей лаборатории, и ему отворили изнутри.

Вся комната представляла собой одну экранную камеру. Посредине стоял большой стол, вокруг которого сгрудились сотрудники лаборатории и несколько незнакомых Дмитрию Дмитриевичу работников, по-видимому, приглашенных со стороны.

Дмитрия Дмитриевича немедленно усадили, так как по его побледневшему лицу было видно, что дорога очень утомила его.

— Знакомьтесь, товарищи,— сказал Аркадий Владимирович,— это тот самый Дмитрий Дмитриевич Михантьев, который пострадал вот из-за этого злополучного метеорита.

Аркадий Владимирович подошел к стоявшему в углу прибору, в котором Дмитрий Дмитриевич узнал генератор переменной частоты, и, сделав несколько переключений, сказал:

— Внимание! Разворачиваю скафандр.

На столе раздался шорох, и на глазах у Дмитрия Дмитриевича камень развернулся. Он выбросил руки, одну короче другой, показалась деформированная смятая голова. Еще щелчок, еще одно переключение — и на столе вытянулся во весь рост Человек.

— Вот что мы нашли: на частоте в 124 мегагерц, модулированной пилообразными колебаниями, камень раскрывается. Даю частоту, на которой он сворачивается.

Аркадий Владимирович вновь подошел к генератору, повернул несколько рукояток, и камень свернулся.

— И я думаю, что если нам разобраться в кубике,— сказал Аркадий Владимирович,— то... За-

кройте дверь, скорее закройте дверь! Робот оживает!

И действительно, неплотно прикрытая одним из инженеров дверь неслышно открылась, и на столе уже не лежал — сидел Человек. Аркадий Владимирович подбежал к двери и быстрым движением закрыл ее. В это же мгновение Человек вновь опрокинулся на спину.

— Может быть, рискнуть, а, товарищи? — сказал Аркадий Владимирович. — Я буду стоять у двери и, как только он сделает резкое движение, закрою дверь. Только все от стола. Помогите пересечь Дмитрию Дмитриевичу.

Аркадий Владимирович осторожно приоткрыл дверь, и тотчас же Человек вновь начал оживать. Вот его лицо повернулось к Аркадию Владимировичу. Потом его взгляд остановился на Дмитрии Дмитриевиче, и Человек, раскинув руки, соскользнул на пол.

Дмитрий Дмитриевич отшатнулся, вскочил, опрокинув стул, но ноги Человека, по-видимому, отказывались ему служить, и он упал на колени...

— Дмитрий Дмитриевич, родной! — загремел в лаборатории голос Человека. — Вы меня слышите? Дмитрий Дмитриевич кивнул.

— Слышите, ну, скажите, что слышите!

— Слышу! — крикнул Дмитрий Дмитриевич.

Какая-то рябь пробегала по лицу Человека.

— Где я? Где я сейчас? Я здесь никогда не был... Какая-то сетка, приборы...

— Вы здесь были,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Вы что-то говорите, а я не слышу... Да не пугайтесь меня, я не Человек, я Коля... Я не Человек, я Коля... Дмитрий Дмитриевич, понимаете? Я Коля... Вы меня слышите?... Черт, не могу управлять еще этим шлемом, здесь все как-то сложно включается... Я не сразу вас нашел... не сразу... Я было опять попал на Венеру, и когда там раскрылся, почувствовал, что меня колотят каменными молотками летающие люди... Потом вновь был на астероиде... Да, еще был на какой-то мне незнакомой планете... Над нею светились два Солнца... Ну, слушайте, Дмитрий Дмитриевич. Я тороплюсь... Лечу я с этим типом, что нашим Человеком управлял... Таких автоматов у него сколько угодно! Да, самое главное... Он очень на нас всех зол, даже Землю обещал уничтожить... Погашу Солнце, говорит... Но он врет! Он действительно кое-что открыл, но ему нужны помощники, много-много тысяч помощников. Он их искал у нас, да не нашел... А автоматы его наполовину ему подчиняются, наполовину самостоятельны... Только в неожиданных положениях они его запрашивают. Но вы не волнуйтесь... Я уже все решил, все продумал... Да, Дмитрий Дмитриевич, этот снаряд не боится никаких скоростей, даже в атмосфере... Он не боится огромных температур... Мне Человек рассказывал, как это делается, только я до конца не понял... Я сообщу вам подробности, если успею... У них такой материал придуман, который, когда нагревается, то в нем не свободные электро-

Художники Ю. Коровин и В. Тарасенко сделали серию рисунков, посвященных искусству артистов цирка. Здесь мы помещаем несколько рисунков из этой серии.

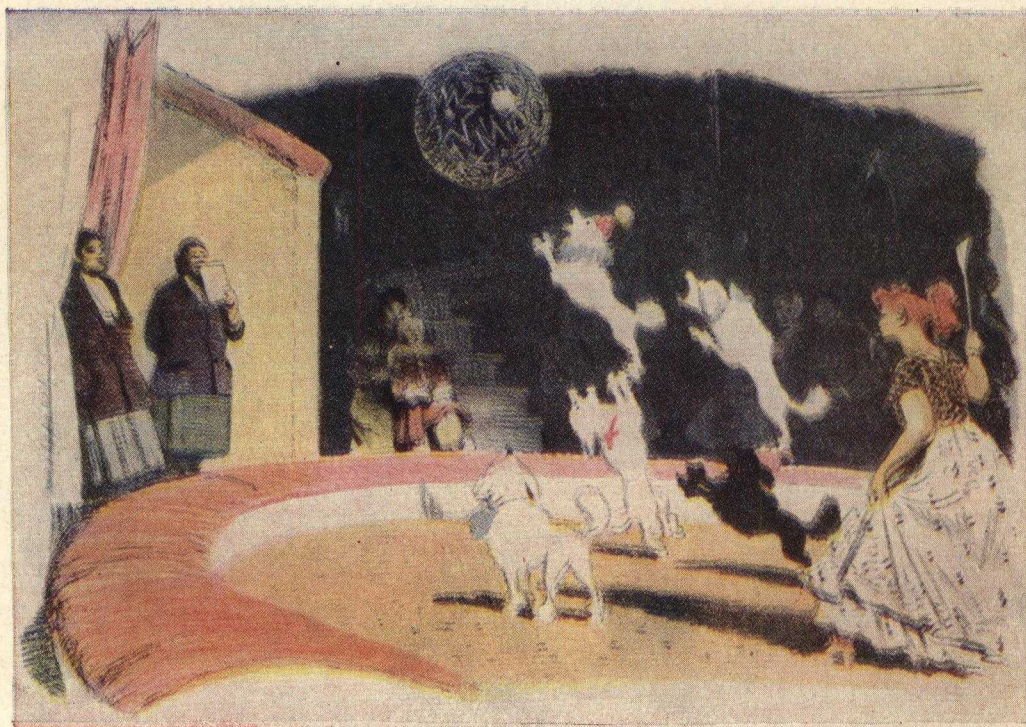
МЯЧ В ПУБЛИКЕ.

Ю. Коровин.

КИТАЙСКИЕ ЗОНТИКИ.

В. Тарасенко.

ПУДЕЛИ НА АРЕНЕ.

Ю. Коровин.

ЖОНГЛЕР НА ЛОШАДИ.

В. Тарасенко.

ны начинают быстрее двигаться, а нейтроны... Из этого материала сделаны стенки снаряда, это какой-то сплав, в котором есть литий... Это я точно запомнил, литий... Стоит нейтрону столкнуться с ядром лития, как получаются два ядра гелия... Один атом лития, превратившись в два атома гелия, забирает намного больше энергии, чем если бы литий просто улетучивался от нагревания... И никакая температура снаряду не страшна... Но самое главное... Человек все-таки не доверяет электрическим цепям... У него есть рычаг, которым он открывает и закрывает снаряд... Понимаете, такой закрученный рычаг... Он очень тяжелый, но я справлюсь... Если он попытается причинить вред Земле, я открою снаряд... Он проснулся, — закричал Коля, — прощайте!..

В лаборатории раздался короткий и резкий звук. Стоявший перед Дмитрием Дмитриевичем автомат быстро прижал руки к груди и через секунду превратился в грудку бесформенных чешуйчатых лоскутков.

— Коля, — прошептал Дмитрий Дмитриевич, — Коля...

— Я дорого бы дал, чтобы увидеть, что там сейчас происходит, — медленно проговорил Аркадий Владимирович.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круглые сутки над скафандром шла напряженнейшая работа. Всех, кто работал вместе с Аркадием Владимировичем, непрерывно подхлестывала мысль о чудовищных намерениях Человека, о которых рассказывал Коля. То, что Человек обладал значительной мощностью, требовало мобилизации всего лучшего в земной технике и науке, требовало неустанной, самоотверженной работы.

Робот был снова восстановлен. Аркадию Владимировичу и его товарищам удалось не только научиться управлять им, но и вынуть из его грудной клетки тот самый блестящий шлем с перчатками и башмаками, с помощью которого Коля связывался с роботами, находившимися на Венере, на Юпитере, на астероиде. В различных участках туловища и головы Человека были обнаружены многочисленные, очень портативные и необыкновенно мощные атомные батареи. Они были обнаружены после того, как весь скафандр был облеплен рентгеновской пленкой. После ее проявления были получены ценные снимки, помогающие понять устройство и работу скафандра. Стало ясно, что если, как сообщил Коля, внутри снаряда есть еще подобные роботы, то не исключена возможность управления ими с Земли. Поэтому в дальнейшем вся работа велась уже не над скафандром, а над шлемом. Шлем был соединен с приемно-передающим устройством, в конструировании которого приняла участие многочисленная группа ученых. Эта приемно-передающая установка вобрала в себя все лучшее, что было известно советской науке в области радиотехники и радиотехники.

И вот в один из ближайших дней в лаборатории раздался торжествующий возглас Аркадия Владимировича. Он стоял посередине лаборатории с шлемом на голове и тяжелыми металлическими перчатками на руках.

— Я вижу внутренность снаряда! — говорил он. — Вижу очень яркий свет... Где же Коля?..

Человек, вот он... Он действительно похож на того, что был здесь, на свой скафандр. Он возится возле каких-то приборов... Это, видимо, пульт управления снарядом... Масса приборов... Попробуйте усилить звук... Так... Вы слышите голос?... Это говорит Человек... Он что-то бормочет... Ах, вот где Коля, он висит спеленатый какими-то нитями, белесыми, тонкими, но, видимо, они очень прочны, эти нити... Коля жив, жив!..

Приглушенный голос Человека наполнил лабораторию.

— Я разочаровался в тебе, — говорил Человек, — ты мне не нужен!

— А вам что было нужно у нас, на Земле? — гневно спросил Коля.

— Мне? Место для жизни, немного понимания и несколько тысяч лучших из вас. Я принес вам бессмертие, искусственную память, луч, которым вы могли бы разрушить горы, и многое другое, что я даже не успел вам показать... И я надеялся... Но вы бесконечно испорчены, бесконечно... Мальчишка!.. Дрян! Нет, я не убью тебя... Нет, нет... Я дал тебе бессмертие, и я не заберу его назад... Один пулемет мог бы остановить полчища Чингиза, одна атомная бомба поставила бы на колени Наполеона, а у меня есть кое-что, чего вы не знаете...

— Нет у тебя ничего! — крикнул Коля. — Ничего! Ты вор, да, вор! Я знаю, я видел, через сколько страданий прошли твои предки, чтобы покорить и атомное ядро, и воздух, и звезды! Все, все украл, присвоил...

— Да что ты знаешь! — неистово закричал Человек. — Ты, мальчишка! Я почти открыл способ уничтожения звезд... Мне немного не хватило времени, совсем немного. Каких-нибудь два — три столетия и несколько тысяч исполнителей и помощников, и я послал бы своему миру подарочек... Я уже знаю, что нужно сделать, чтобы заставить звезду вспыхнуть так, что ее объем увеличится в миллиарды раз, и тогда исчезнет жизнь не только на ближайших к ней планетах, но и далеко вокруг... Нужно только забросить в глубину звезды один из таких цилиндров, вон, видишь, в хвостовой части снаряда их у меня с десяток, и звезда не сможет с ним справиться... Я уже сделал эти цилиндры, но не смогу глубоко, достаточно глубоко забросить их... К сожалению, мой снаряд не сможет выдержать больше десяти тысяч градусов, но я и сейчас в состоянии основательно испортить ваш климат, основательно... Дождь будет идти на вашей Земле там, где были пустыни... А над вашими полями небо будет годами безоблачно... Реки, горные реки вздуются и понесут миллионы тонн воды с растопленных снежных вершин... А с полюсов поползут языки льда... Но это, к сожалению, пока все, пока все... Это совсем не то, что мне нужно... Мне так немного осталось... Но я все-таки пошлю, пошлю моему миру подарочек! Они там расселились вокруг целой группы звезд, и представляешь их лица, когда одна из звезд неожиданно разбухнет так, что начнет глотать одну за другой их планеты, ослепительным светом, потоками заряженных частиц слизнет жизнь...

— Замолчите! — крикнул Коля. — Это чудовищно! Этого не будет! Это невероятно!

— А вот ты сейчас увидишь, насколько это невероятно...

Человек припал к пультам.

— Я вижу, — сказал Аркадий Владимирович, — я вижу, что стенки снаряда становятся прозрач-

ными... А сейчас... Какие-то бесконечные просторы огня...

— Что это? — спросил Коля...

— Не узнаешь? Это — ваше Солнце...

Поверхность Солнца жила, шевелилась. Горы огня и света выбрасывали навстречу снаряду необозримые хлопья пламени. Человек лихорадочно копошился у своих цилиндров. Он переводил на них стрелки каких-то приборов, и после его прикосновения каждый из цилиндров, лязгнув, отходил назад, а на его место выдвигался другой.

— Я попробую вмешаться, — сказал Аркадий Владимирович. Он выбросил вперед руки в перчатках и тотчас же прижал их к груди.

— Человек оглянулся! — сказал Аркадий Владимирович. — Он смотрит в мою сторону. То есть в сторону управляемого мною робота. Помогите мне надеть эти башмаки... Вот так... ужасно упругие эти жгуты... Теперь я сделаю еще движение... А, забеспокоился!

Аркадий Владимирович сделал несколько шагов по лаборатории, его руки что-то быстро перебирали в воздухе, со стороны казалось, что он что-то ткёт...

В лаборатории снова раздался Колин голос:

— Ожил один из роботов! Что ему нужно?! Рвет паутину... Освобождает меня... Это с Земли, с моей Земли им управляют!.. Эй, человек! Понимаешь? Я только не знаю, как это случилось... Но твой собственный робот на моей стороне! Так, руки свободны... Вперед, я знаю, как открыть этот снаряд...

— Брось, сейчас же брось рычаг! — кричал Человек.

— Он надевает шлем. Скорее, скорее, он перехватит управление роботами! Скорее сбейте шлем с его головы!.. Робот, милый!.. — говорил Коля.

Аркадий Владимирович пронесся через всю комнату и схватился с кем-то невидимым в углу...

— Ты этого не сделаешь, — звучал голос Человека, — не сделаешь! Я сохраню тебе жизнь!.. А уж со своим слугой я справлюсь, только ты не открывай снаряд! Не...

— Правильно, так! Шлем долой! — кричал Коля. — Молодец, не знаю, кто ты... Молодец, Земля!.. Держите его... А, ты по-другому заговорил!

— Но ведь и ты сгоришь! Остановись!

— Нечего мне заговаривать зубы! А я... еще переживал, когда вы были в больнице, то есть не вы, а ваш скафандр, но все равно... Да, вы сделали меня бессмертным, но разве моя жизнь не принадлежит мне? Конечно, там, на Земле, пойдут сейчас интересные дела... И вы это знаете! Там и пшеница с целины, и новые машины, и книги — все, что делается руками или мозгом, и если там родится бессмертие, то это будет наше бессмертие, человеческое, не дареное. А вы опять просчитались...

— Брось рычаг, Коля! Перед тобой бесконечная жизнь... Ты сможешь осуществить любой свой замысел...

— Да, мог бы, конечно, я даже принят в институт! Но разве я хотел стать физиком для себя? Я людям, понимаешь, человек, людям, хотел

— Брось рычаг!

принести что-то особенное, что-то свое... Вы хотели зашвырнуть ваши цилиндры в глубину Солнца, а они сгорят сейчас, и Солнце будет всегда светить над миром, над моим миром!

— Коля, Коля, не нужно! — кричал Аркадий Владимирович. — Мы уже победили, как ты не понимаешь?! Не спеши, мы повернем снаряд Человека к Земле! Коля!.. Не слышит...

Коля резким движением повернул рычаг. Огненный вихрь ворвался внутрь снаряда. Тысячи иголок вонзились в лицо, плечи, руки. С коротким хлопком вышел из снаряда воздух. Перед глазами Коли мелькнула Анфиса Тимофеевна, светлое здание института... Больше Коля уже ничего не мог чувствовать...

А из глубины Солнца, принявшего в свои огненные объятия раскрывшийся снаряд, вырвался необычайно большой протуберанец. Он был зарегистрирован многими обсерваториями, и в дальнейшем астрономы связывали с ним неожиданный снег в Нью-Йорке и общее похолодание в Европе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Роман окончен... Тот, кого все принимали за живого человека, оказался искусно созданным роботом, которым можно было управлять с очень большого расстояния. Этот робот принес на Землю целый ряд фантастических открытий и изобретений, сделанных на его родной планете.

В каждой фантазии должна быть какая-то доля истины. Есть ли она в этом романе?

Сейчас уже никого не нужно убеждать в том, что космические перелеты возможны. Завоевание космоса началось, и мы все будем современниками, а может быть, и участниками многих и многих побед и открытий. Никто не сомневается, что вокруг миллионов звезд существуют планетные системы, подобные нашей Солнечной системе, нет сомнения, что на многих таких планетах есть условия для возникновения жизни. Звездный Человек, возникший из камня в бочке Анфисы Тимофеевны, — это, конечно, выдумка, но те научные достижения, которые позволили бы создать такого робота, совсем не так уж недостижимы для наших ученых и инженеров. Вполне в наших силах создать прибор, который мог бы самостоятельно передвигаться, видеть и обходить препятствия на своем пути, отвечать на некоторые вопросы и даже решать математические задачи.

Такие приборы у нас есть. Есть механизмы, управляемые на расстоянии, механизмы, некоторое время действующие самостоятельно, есть электронные машины, которые так быстро решают математические задачи, что вполне могут заменить несколько тысяч математиков или бухгалтеров. Правда, эти машины довольно громоздки. Они иногда размещаются в нескольких комнатах. Однако уже сейчас ведутся работы, в результате которых вес и объем таких машин резко уменьшаются.

Все вы видели стеклянные или металлические радиолампы от приемника. Они имеют значительные размеры, их высота — шесть — десять сантиметров, но уже сейчас во многих приборах вместо электронных ламп употребляются так называемые полупроводниковые элементы.

Эти элементы весят немногим больше одного — двух граммов, а размерами они с десятикопеечную монетку. А на научных конгрессах и совещаниях уже обсуждается вопрос о том, как сделать полупроводниковые элементы химическим путем. Тогда они могли бы быть намного меньше булавочной головки.

Но нужны ли будут современной технике столь малые размеры электронной или полупроводниковой аппаратуры? Разве кому-нибудь понадобится телевизор или приемник величины со спичечную коробку?

Оказывается, что необходимость в такой портативной аппаратуре есть, и необходимость острая. Сейчас, когда советские ученые и инженеры осуществили запуск искусственных спутников, каждому ясно, что на таком спутнике должен быть на учете каждый кубический сантиметр объема, каждый грамм веса. Причем чем дальше должен быть запущен спутник, тем более портативную аппаратуру нужно размещать на нем. Дело в том, что каждый килограмм, который мы захотим забросить на Луну или Венеру, потребует увеличения запасов ракетного топлива на десятки, а то и сотни килограммов.

Но зачем, спросите вы, забрасывать какие-то там приборы на другие планеты? Ведь любой советский человек с радостью согласится полететь в ракете к далеким мирам, не побоится никаких препятствий, все там посмотрит, увидит, узнает и обо всем сообщит на Землю. Это правда, но правда также и то, что путь к нашим соседям по Солнечной системе — путь многих опасностей и что пока наша техника не будет в состоянии обеспечить почти полную безопасность для такого полета, ни одному, даже самому отчаянному, астронавту не будет разрешено покинуть Землю. Правда также и то, что техническая задача посылки на планеты Солнечной системы людей несравненно более сложна, чем задача посылки приборов, которые заменят живых посланцев Земли. Да ведь это понятно. Мало забросить шестьдесят, восемьдесят килограммов (вес человека), нужно снабдить человека всем необходимым, чтобы он смог лететь десятки, а то и сотни дней. Пища и вода, воздух для дыхания, возможно, специальные ванны, в которых астронавты будут находиться при взлете и посадке, — это все очень, очень много весит, а значит, ракета должна быть построена в виде огромного космического корабля. Другое дело автоматы, приборы. Сейчас разрабатываются проекты посылки на Луну и планеты специальных танкеток. Такие танкетки будут вооружены телевизионным «глазом» и микрофоном — «ушами». Длинные рычаги — «руки» будут откапывать и подносить к такому «глазу» куски породы или найденные минералы. А мы сможем их увидеть на экране земного телевизора. Внутри такой танкетки смогут находиться портативные лаборатории для анализа атмосферы и почвы, для изучения растений, если они там окажутся, а может быть, даже и животных. Конечно, такая танкетка не будет и отдаленно напоминать внешний вид человека, так как нам никого не нужно обманывать, но при ее конструировании, так же как и при создании спутников, каждый грамм будет на учете, а следовательно, потребуется портативная аппаратура.

Могут возникнуть вопросы и о «бессмертии». Достижимо ли оно, можно ли лечить старость? Конечно, о «бессмертии», о бесконечной жизни до сих пор говорилось только в сказках. Однако сейчас ведутся широким фронтом работы по изучению и лечению старческих явлений, работы по продлению человеческой жизни. В нашей стране, где жизнь и здоровье каждого гражданина охраняются государством, созданы все условия для решения этой благородной проблемы. Больших успехов в этом отношении добились также ученые в странах народной демократии.

Несколько слов и о «теории» происхождения Солнечной системы, которую излагают Звездный Человек и, с его слов, Коля.

Коля был неправ, когда упрямо заявлял, что Меркурий не планета. Это не соответствует современным знаниям о Солнечной системе. Но вопрос о происхождении планет действительно до сих пор еще не решен окончательно. Существуют самые различные теории, гипотезы, догадки, предположения, часто дополняющие друг друга, а часто взаимоисключающие.

Может быть, тот спор о происхождении планет, который ведут герои романа, заинтересует вас. И если кто-нибудь из вас, ребята, пронесет этот интерес через всю жизнь, цель автора будет достигнута.

В ПОИСКАХ АНАЖОНДЫ

(Окончание)

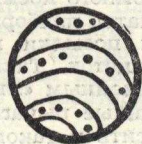
Рольф БЛОМБЕРГ.

Перевёл со шведского Л. Жданов.

Фото автора.

Рисунки О. Зотова.

ЖИЗНЬ ИНДЕЙЦЕВ

Мы прожили среди кофанов больше месяца. Погода стояла неблагоприятная, и съемки продлились дольше, чем мы рассчитывали. После праздника индейцев словно подменили. Сдержанность и недоверие к нам совершенно исчезли, кофаны стали приветливыми и общительными и охотно помогли в нашей работе. Мы чувствовали себя так, точно выдержали трудный экзамен.

Теперь можно было снимать сколько угодно, и как только выглядывало солнце, Курт вооружался съемочной камерой. Ему удалось запечатлеть много интересных сцен; всего он заснял пять тысяч метров пленки.

Мы стремились возможно полнее и правдивее отобразить жизнь индейцев, а для этого надо было хорошо изучить их быт. Поначалу нам никак не удавалось найти подход к кофанам и узнать что-либо. Зато теперь мы получили ответ на все наши вопросы и снимали все, что хотели. С помощью нашего переводчика — это был кофан, который жил одно время у монахов-капуцинов на реке Путумайо и прилично объяснялся по-испански, — я исписал не один блокнот сведениями о жизни и быте племени.

Кофаны — специалисты по изготовлению яда кураре. Мы сфотографировали, как они собирают лианы и затем добывают из них смертельный яд; получились очень ин-

Кофаны слушают музыку.

тересные кадры. Ходили мы также с индейцами на охоту, видели, как они с помощью духовых трубок и копий убивают тапиров, диких свиней, обезьян и другую дичь. Вот когда мы убедились в устрашающей силе кураре! Маленькой стрелы, смоченной в темно-коричневой жидкости, было достаточно, чтобы убить кабана!

Нас поразило искусство индейцев в обращении с духовыми трубками; меткость кофанов просто удивительная. Конечно, огнестрельное оружие — хорошая вещь, но духовая трубка для охоты лучше: она бесшумна. Если я, скажем, обнаружу стадо обезьян и подстрелю одну, то остальные разбегутся. А индеец может скосить их всех, одну за другой, прежде чем они сообразят, что происходит.

Однажды по деревне прошла весть, что поблизости появился ягуар. Кофаны все как один отправились на охоту. Мы тоже пошли с ними.

Ягуар не прочь полакомиться при случае охотничьими собаками, а иногда нападает и на людей, поэтому между кофанами и большой пятнистой кошкой идет непрекращающаяся война. Для того, чтобы выйти на поединок с ягуаром с копьем и духовой трубкой, требуется немалое мужество, но индейцы обладают им в полной мере. Один из наших новых знакомых убил тридцать ягуаров!

Из клыков хищника делают красивые ожерелья, которые надевают в торжественных случаях, как ордена за храбрость и отвагу. Подобно тому, как у нас знатный господин с интересом и завистью присматривается к ленточкам, украшающим фрак другого, кофаны внимательно изучают ожерелья друг друга.

Возвращаясь к нашей охоте, скажу сразу, что она не удалась. Не получились увлекательные кадры, о которых мы так мечтали... Ягуар ушел в горы вверх по реке, и там индейцы потеряли его след. Все же мы не вернулись совсем без дичи. Нам удалось добыть двух тапиров и несколько обезьян-ревунов: обезьянье мясо здесь очень ценится.

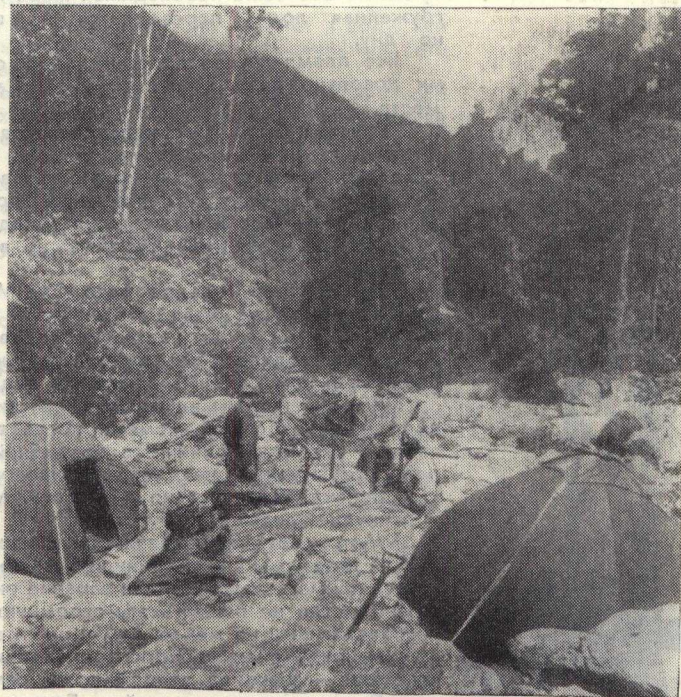
Случалось нам также ходить с индейцами на рыбную ловлю, и тут при всей их ловкости мы все-таки брали верх: у нас был динамит. Конечно, глушить рыбу динамитом запрещено даже на Амазонке, но мы получили «ради науки» разрешение властей прибегать к этому губительному способу, так как нам нужно было собрать возможно более полную коллекцию рыб. Правда, в коллекцию шла только небольшая часть улова. Остальную рыбу мы съедали вместе с индейцами. Мало мест на свете может сравниться по богатству рыбой с Амазонкой. Здесь насчитывают около двух тысяч различных видов.

В сборе зоологического материала большую помощь оказывали мне индейские ребята. Маленькие искусные ловцы приносили всевозможных животных — черепах, ящериц, лягушек, улиток, насекомых и прочих тварей — и получали взамен зеркальца, рыболовные крючки, ножи, стеклянные бусы.

Кофаны живут охотой и рыбной ловлей, но есть у них и небольшие поля, на которых растут чонта, бананы и кукуруза (чонта — пальма, дающая питательные плоды). С приездом нашего отряда в Санта Роса де Сукумбио с питанием стало трудновато, а так как и наш провиант был на исходе, мы решили отправить Хорхе на лодке с двумя индейцами в деревню Пуэрто-Оспина за пополнением. Хорхе обернулся в рекордный срок. Он вернулся уже через две недели. За это время он отпустил бороду и выглядел настоящим конкистадором. Хотя я сомневаюсь, чтобы среди испанских завоевателей нашелся хоть один, который бы решился на то, что совершил Хорхе: увидев по дороге анаконду, он вступил с ней в единоборство!

Поднявшись вверх по реке Сан-Мигель, Хорхе со своими спутниками разбил лагерь на острове. Верный своей привычке, он пошел перед сном побродить с ружьем и... обнаружил анаконду. Она лежала в большой луже — здоровенная, метров на пять, на шесть. Хорхе поспешил срезать длинный шест с рогаткой и смело пошел на змею. И началась пляска!

Хорхе удалось захватить шею анаконды рогаткой и прижать ее голову ко дну. Змея, в свою очередь, попыталась опутать хвостом его ноги. Хорхе плясал в грязи, подпрыгивал высоко в воздух, кричал что есть силы, чтобы дать знать индейцам. Но шест он держал крепко, как ни буйствовала анаконда.

На привале.

Минута проходила за минутой, а индейцы не появлялись. Опасная игра затягивалась. Пять минут... десять... пятнадцать... Змея стала ослабевать: ведь Хорхе не давал ей поднять голову над водой, и она задыхалась. Наконец анаконда созрела перестала биться. Кончилась сумасшедшая пляска Хорхе!

Теперь надо было не зевать. Хорхе рассчитал, что анаконда не сразу придет в себя, и побежал в лагерь за веревкой. Когда он примчался с двумя индейцами обратно, анаконда лежала все на том же месте. Хорхе удалось накинуть ей петлю на шею, но индейцы не решались помочь ему. Они насмерть перепугались и не хотели даже подойти поближе к анаконде. Кофаны, как и большинство индейцев, отважно бросаются на ягуара, а перед анакондой испытывают суеверный панический страх.

Тем временем стемнело. Что делать с опасной добычей? У Хорхе не было ни мешка, ни ящика. «Придумаю что-нибудь завтра», — решил он. Хорхе устал, его клонило в сон; он повесил свой гамак и привязал к нему змею, рассчитав, что если анаконда попытается улепетнуть, то поневоле разбудит его. И надо сказать, что змея не жалела сил, стараясь освободиться. В ту ночь Хорхе так и не пришлось уснуть, да и индейцы, хотя они улеглись в лодке, подальше от анаконды, тоже ни на минуту не сомкнули глаз от страха.

Когда рассвело, Хорхе изготовил с помощью индейцев прочную клетку. Они вбили в землю бамбуковые жерди, из бамбука же сделали стенки и крышу. Гвоздей у них, понятно, не было, и они скрепили бамбук лианами. С трудом удалось им поместить анаконду в клетку и развязать удерживавшую змею веревку. После этого Хорхе и его спутники продолжали путешествие вверх по реке.

Забегу вперед и расскажу о судьбе змеи. Девять дней спустя, возвращаясь к реке Путумайо, мы высадились на островке, где оставил свою анаконду Хорхе. Нас встретило ужасающее зловоние; мы сразу поняли, что змея погибла. А затем увидели и как это произошло. Земля вокруг клетки почернела от полчищ хищных муравьев. Муравьи убили анаконду! Страшная, мучительная смерть постигла пленницу Хорхе, не имевшую никакой возможности уйти от безжалостных хищников. Какая ужасная участь!

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Настал последний день нашего пребывания у кофанов.

Мы увозили с собой уникальные кадры и звукозапись, зоологические и этнографические коллекции. Все вещи, предназначенные для обмена, в том числе сотня финских ножей, кончились. Взамен мы получили замечательные образцы индейского оружия и украшений, предметов культа и домашнего обихода. Тщательно упаковав все в ящики и резиновые мешки, мы привязали наши коллекции к бальзовым бревнам. Это была необходимая мера предосторожности: теперь, даже если тяжело груженная лодка перевернется на порогах, наш драгоценный груз не пойдет ко дну.

Все племя вышло проводить наш отряд, а несколько кофанов спустились с нами довольно далеко вниз по реке Сан Мигель, помогая одолеть самые трудные места.

Грустно было расставаться с людьми, которые приняли нас так недоверчиво, а потом стали нашими друзьями. Мы познакомились со здоровым и гармоничным народом, жизнь которого можно назвать счастливой. Жизненный уклад кофанов отличается от нашего: они никуда не торопятся, ни за чем не гонятся, среди них нет никаких разногласий. Отношения между кофанами самые дружеские; мы ни разу не слышали, чтобы они ругались, не видели, чтобы индейцы наказывали своих ребяташек.

Мы мчались вниз по реке Сан Мигель с головокружительной быстротой; несколько раз лодка была на волосок от гибели. Затем река стала шире, и течение замедлилось; мы снова установили подвесной мотор. Однако горючего оставалось мало, и приходилось расходовать его экономно. В устье Сан Мигеля нас ждала бочка бензина, и нам хотелось добраться туда без особых физических усилий.

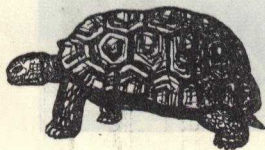
Все же, как мы ни изошрялись, километрах в двухстах от Путумайо наш мотор смолк — в тот самый момент, когда впереди показалась эквадорская пограничная застава. (Эквадор граничит с Колумбией по реке Сан Мигель.) Мы подгребли к берегу, чтобы узнать, не могут ли эквадорцы выделить нам несколько литров бензина.

Бензина у солдат не оказалось. Мы купили у них только три литра керосина и двинулись дальше.

Мотор нутужно кашлял от керосина, однако честно дотянул нас до устья.

А потом мы снова двинулись к Рио Каукая: ведь перед нами по-прежнему стояла задача поймать анаконду. Мы заранее окрестили наш фильм «Анаконда» и теперь просто не могли не поймать эту огромную змею. Правда, преувеличения размера змей распространены не менее, чем у любителей-рыболовов в отношении рыб. Однако Олго Лэнджу, очень добросовестному исследователю, однажды попалося небывалое чудовище — анаконда длиной почти семнадцать метров.

Своему спутнику-индейцу Лэнджу сказал, что дома, в Соединенных Штатах, никто ему не поверит.

Киносъемка с каноэ.

— И все-таки это правда, как видите,— ответил индеец.— Не то что ваши рассказы, будто у вас есть дома с тридцатью пятью, даже сорока этажами!

Лэнджу удалось подтвердить свою историю,— он привез кожу анаконды в Нью-Йорк.

АНАКОНДА ПОЙМАНА

Анаконда встретила нас, когда мы плыли вниз по реке Кагуан; она лежала на дереве, нависшем над водой. Несколько дней подряд лил холодный дождь, потом выглянуло солнышко, и змея выползла погреться. Она казалась гораздо больше, чем была на самом деле, вероятно, из-за своей толщины.

Как поймать анаконду? Положение было сложное. Если она прыгнет в воду, все пропало. Можно растянуть под деревом сеть (мы везли с собой специальные сети для ловли анаконды), да только как это сделать?

Осторожно подплываем на лодке к дереву. Змея не обращает на нас никакого внимания. У анаконд, во всяком случае таких огромных, нет опасных врагов, кроме разве крокодилов. Поэтому ее не испугало наше появление. Но тут-то она и просчиталась!

Мы подплыли к самому дереву и привязали лодку, чтобы ее не относило течением. Муньюс и Торгни навели на змею свои двустволки, а мы с Хорхе прыгнули в воду, добрались вплавь и вброд до берега и растянули сеть под самым деревом — между берегом и лодкой. Теперь предстояло самое трудное: набросить на страшилище петли.

Медленно приближаемся к анаконде с арканами в руках. Она по-прежнему неподвижна, только язык извивается во все стороны да внимательно наблюдают за нами холодные, жестокие глаза. Осторожно, очень осторожно надеваем петлю на заднюю часть змеиного тела и на ствол дерева. Конец аркана у меня в руках, я приготовился тянуть что есть силы, как только настанет подходящий момент. Хорхе берет в зубы финку и снова входит в воду: он должен набросить еще одну петлю. С берега он не может это сделать: мешают ветви и листья. Хорхе каменеет. Напряжение достигает предела, секунды кажутся минутами...

Но вот анаконда опускает голову, и Хорхе осторожно набрасывает веревку на тело змеи и ствол дерева, делает петлю-удавку и бросает конец веревки сидящему в лодке Торгни.

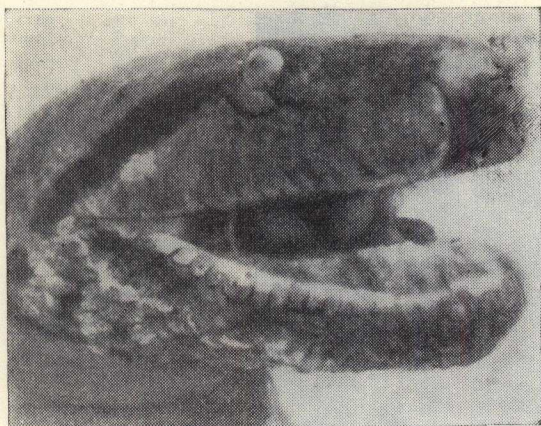
Теперь остается самое сложное: обвязать петлей голову змеи. Хорхе бросает веревку, но промахивается. И тут анаконда приподнимает голову и медленно скользит вперед.

Пора действовать!

— Тяните изо всех сил! — кричит Хорхе.

Мы затягиваем петли, тянем веревки так, что они врезаются в руки. Анаконда невероятно сильна. Я всем телом повис на своем аркане, и, несмотря на это, ей удается высвободить заднюю часть тела. Я хватаю змею за хвост руками и тяну изо всех сил, но в одно мгновение анаконда вырывается.

Голова анаконды.

Похоже, что анаконда уйдет! Она отчаянно бьется. Напрягает все тело, затем расслабляет его и таким образом сантиметр за сантиметром выбирается из петли. Шипящая разинутая пасть мечется из стороны в сторону, пытается схватить Хорхе, но не достает до него.

Мы все страшно возбуждены, особенно Торгни. Он орет:

— Накидывайте петлю на голову! На голову!

Но это не так-то легко сделать. Змея кидается во все стороны и не дает нам приблизиться.

И тут снова в атаку идет Хорхе. Он смело шагает к анаконде. Бросает аркан. Есть! Петля обвивает шею змеи! Хорхе изо всех сил дергает веревку, откинувшись назад. В ту же секунду анаконда вырывается из последней петли, прижимавшей ее тело к дереву, и плюхается в реку (сеть оказалась не на месте, ее отнесло течением). Положение становится опасным!

Хорхе не отпускает аркан. Я подбегаю к нему, хватаю веревку, и мы вместе тащим яростно сопротивляющуюся добычу к берегу. Анаконда извивается и сбивает воду в пену. Муньос и Торгни прыгают в воду и бегут к нам на помощь. Общими усилиями мы вытаскиваем ана-

конду на берег. Змея сворачивается в клубок, пряча голову в середину; видно, старается защитить ее от тугой петли...

Мы вытаскиваем сеть из реки, расстилаем на берегу, а потом набрасываем ее на клубок и «упаковываем» нашу анаконду. Теперь можно разрезать петлю.

Змея снова отчаянно бьется, стараясь вырваться из тюрьмы. Тщетно!

Мы стоим, мокрые, грязные, усталые, и смотрим на свою добычу.

Нашу первую анаконду мы называли сеньоритой Ана; она ехала с нами до самой Швеции. Нельзя, однако, сказать, чтобы она была в отличной форме, когда прибыла в мае в дом моих родителей в Стокюнде. Открыв ящик с анакондой, я обнаружил, что змея не проявляет никаких признаков жизни. Я потрогал ее, ущипнул — никакого впечатления! Неужели умерла? Нет, оказалось, змея «замерзла». Во время перелета Нью-Йорк — Стокгольм анаконду поместили в неотапливаемом отделении, а самолет шел временами на высоте трех — четырех тысяч метров. Впрочем, чтобы «оживить» ее, достаточно было теплой ванны. Просто поразительно, как быстро подействовала водная процедура. Мгновение — и длинное тело змеи забилось, она разинула шипящую пасть и бросилась на веник, которым я ее передвигал.

Несколько дней сеньорита Ана грелась на травке среди тюльпанов, потом ей пришлось покинуть Стокюнд и поселиться в гетеборгском «Аквариуме», где для нее оборудовали террариум с температурой плюс тридцать градусов. Пять месяцев она выдерживала голодовку, а затем принялась с большим аппетитом поедать крыс и морских свинок.

Поистине необычная судьба для жительницы джунглей Амазонки! А еще говорят, что каждый сам хозяин своей судьбы!

Многие спрашивали меня, насколько опасна анаконда. Отвечаю: вряд ли она так страшна, как ее малюют. Но и безобидной ее никак не назовешь!

В другой своей книге я рассказывал, как одна анаконда утащила купавшегося в Рио Напо метиса. Это абсолютно достоверный факт. Во время нашей киноэкспедиции я услышал еще об одном подобном случае и сам мог проверить правильность рассказа. Трагедия эта разыгралась в месте слияния Рио Ясуни с Напо, в Восточном Эквадоре.

Ребятишки купались у берега, и вдруг оказалось, что один из них, тринадцатилетний мальчуган, пропал. Решили, что он утонул. В это время на воде показались пузырьки воздуха, и другой мальчишка нырнул на поиски утонувшего. Он вынырнул, бледный от ужаса: пытаясь нащупать руками тело товарища, он задел громадную змею — анаконду. Мальчик слышал, что в реке живет змея-великан. Она уже проглотила двух людей, и он не сомневается, что эта же анаконда утащила и его товарища.

Отец погибшего решил отомстить и поклялся убить анаконду. После усиленных поисков ему удалось обнаружить змею. Она наполовину вылезла на берег и отгрызла проглоченного мальчика. Пятью выстрелами отец убил анаконду, на редкость здоровенную бестию.

Можно привести немало подобных и даже более ужасных историй о злодеяниях анаконд, но я ограничусь этими двумя, за достоверность которых могу поручиться. Поймать анаконду в воде на глубоком месте невозможно. В своей родной стихии она невероятно подвижна. Надо подстеречь, когда змея выползает на берег погреться на солнце или переварить пищу.

Как правило, у анаконды есть свои излюбленные места охоты, она держится в строго определенном районе. Если вы где-нибудь увидели анаконду, то почти наверняка вы встретите ее снова на том же месте. Мы старательно собирали сведения о том, где видели больших анаконд, и пришли к выводу, что их надо искать в верховьях Рио Каукая. Индейцы хитото, обитавшие на этой реке, подсказали

нам, где именно мы можем рассчитывать встретить десятиметровую анаконду. Узнав, что мы хотим поймать эту бестию живой, индейцы сочли нас сумасшедшими. Сами они испытывали панический ужас перед анакондой и тщательно обходили места ее обитания.

Итак, мы снова отправились на поиски. Заехали ненадолго в Пуэрто-Легизамо, чтобы запастись продовольствием, отправить домой киноленты, отослать отчеты и письма и получить почту, и двинулись вверх по Путумайо и дальше по сказочной Каукае.

Мы плыли на длинной лодке, время от времени отправляясь в разведку на лодчонке Вильямизара. Узкие, извилистые протоки, прегражденные буреломом, приводили нас к озеркам и болотам.

Мы совершали и долгие, утомительные пешие переходы по заболоченным джунглям. На каждом шагу нам попадались пресмыкающиеся, ядовитые и неядовитые, и ни одной анаконды, хотя следов ее было сколько угодно. Мы твердо решили не сдаваться, даже если бы пришлось проторчать в этом нездоровом месте месяца

Итак, представление окончено. Анаконда стала нашей.

и два. Мalaria, уже поразившая двоих участников экспедиции, не могла поколебать нашей решимости.

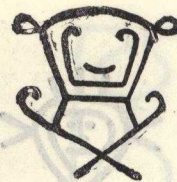
Однако было одно обстоятельство, которое не позволяло нам долго ждать: приближался сезон дождей, а с ними и конец всем нашим надеждам.

Мы усилили поиски, находились в движении с рассвета до сумерек, отменили все выходные дни. И, наконец, на одном из маленьких притоков Каукаи наши усилия увенчались успехом! Семиметровая анаконда, толщиной чуть ли не в телеграфный столб, имела неосторожность выбраться на сушу — тем самым судьба ее была решена.

Мы набросились на нее втятером, вооруженные жердями с рогатками на концах и арканами, а главное, твердой решимостью не дать змее уйти. Завязалась отчаянная борьба с акробатическими номерами. Мы тянули, дергали, катались по грязи, ругались, кричали, обливались потом. Анаконда шипела и кидалась во все стороны, пытаясь захватить кого-нибудь в свои объятия. В это время Курт метался вокруг нас и змеи в поисках точек для съемки. Он был вездесущ, забирался чуть ли не в самую пасть анаконде! Вот это оператор! А Олле Булин колдовал над магнитофоном, от волнения рвал на себе бороду и время от времени щелкал затвором фотоаппарата. Торгни махнул рукой на свои режиссерские обязанности. Вместе со всеми остальными он с упоением отдался схватке. Анаконда сама обеспечивала режиссуру!

Но вот представление окончено. Анаконда поймана, мы втапливаем ее в приготовленный для нее большой ящик. Все, в том числе анаконда, смертельно устали.

— Слава богу, — вздохнул Торгни, — теперь наше рабочее название «Анаконда» оправдано!

ПРОЩАЙ, АМАЗОНКА!

Нам удалось поймать еще двух анаконд: одну примерно такой же длины, как сеньорита Ана, вторую поменьше, длиной всего в полтора метра. Вместе с нашей семиметровой пленницей они после возвращения экспедиции в Пуэрто-Легизамо жили временно в ящиках в доме, который любезно предоставил нам доброжелательный начальник заставы.

Посещение пограничной заставы всегда было для нас чем-то вроде праздника. Мы неизменно встречали самое заботливое отношение, ели и пили вкусные вещи, спали на белых простынях. Поверьте, что это немало значило после похода в джунгли. Впрочем, нам действительно не вредно было отъесться. Когда отряд вернулся в Пуэрто-Легизамо от кофанов, то выяснилось, что мы не в меру похудели, потеряли самое малое девять килограммов каждый, а Олле — целых тринадцать. Со здоровьем тоже не ладилось. Курта мучила тяжелая форма дизентерии. Мы с Лино страдали от малярии. Кроме того, у меня было что-то с глазом. Это началось еще во время первой экспедиции; доктор прописал мне тогда абсолютный покой. Понятно, что мне не стало лучше от того, что я вскоре отправился в новое путешествие.

Добыв змей, мы снова направились вверх по Путумайо завершить кое-какие необходимые съемки до наступления дождей. Все эти дни стояла страшная жара, но нам приходилось трудиться без устали с утра до позднего вечера. Курт проявил настоящий героизм, работая с огромным напряжением вопреки своей болезни. Уж такой он человек: всегда впереди со своей фотокамерой, если даже приходится ползти по грязи, стоять по пояс в ледяной воде или балансировать на крутых скалах над пропастью. Дизентерия и жара не мешали ему трудиться двенадцать часов в день.

Редкие животные непременно должны были участвовать в нашем фильме, и мы посвятили им немало времени. Нам удалось запечатлеть тапиров, муравьедов, ленивцев, диких свиней и других млекопитающих Амазонки, а также и тварей поменьше. Насекомые производили сильное, подчас даже устрашающее впечатление, когда мы снимали их крупным планом.

Сотни метров пленки потратили мы на удивительных муравьев-листорезов — искуснейших агрономов. Эти красные муравьи питаются специальным видом грибов. Они сами их выращивают, причем настолько давно, что этот вид грибов, подобно нашим культурным растениям, уже не существует в диком состоянии. Свои подземные «плантации» муравьи удобряют листьями с определенных деревьев. В джунглях на каждом шагу попадаются прилежные муравьи, которые тащат домой зеленые кружочки, вырезанные из листьев, а навстречу им идут за новой порцией другие колонны. В муравейнике есть другие муравьи, поменьше, которые наводят чистоту и выносят из муравейника всевозможный мусор.

Листорезы страшно вредят плантациям и садам, и население относится к ним с острой ненавистью. Вообще на Амазонке муравьи являются врагами человека. Их можно встретить повсюду, в любое время дня и ночи, и большинство из них кусается очень чувствительно. Хуже всего самые крупные черные «конга», достигающие трех сантиметров в длину. Они очень ядовиты; кусают и жалят (наряду с мощными челюстями они оснащены здоровенным жалом, скрывающимся в брюшке) чрезвычайно больно, это мы с Торгни знаем по собственному горькому опыту.

В наш фильм попал и «конга» и волосатый ядовитый паук-птицелов ужасающих размеров. Паук получал от нас даже жалованье, как и положено статисту: тараканов и других насекомых. Он стал нашим домашним подопытным животным. Несколько месяцев мы возили с собой паука-птицелова в маленькой клетке. Он чувствовал себя превосходно и с большим аппетитом поедал все, что мы для него ловили.

Наши друзья, солдаты в Пуэрто-Легизамо, смотрели на нас как на настоящих героев, когда мы принялись снимать чигарромачако. Это своеобразная цикада, ее назвали светоноской из-за большого нароста на голове, напоминающего фонарь, хотя он ничуть не светится. Светоноска — совершенно безобидное насекомое, тем не менее на Амазонке ее считают смертельно ядовитой и боятся, как чумы. Когда мы поймали одну светоноску и стали обращаться с ней так, словно это безобиднейшее существо на свете, жители Пуэрто-Легизамо решили, что мы просто сошли с ума. Даже убедившись, что с нами ничего не случилось, они не хотели верить в ее безвредность.

Светоноска.

— Вам просто повезло: одного укуса этой твари достаточно, чтобы убить человека, — сказал нам один офицер, не первый год живший на Амазонке.

Но самое редкое зрелище мы наблюдали во время первой экспедиции на реке Кагуан: полет термитов. Это было нечто потрясающее. Три дня подряд с раннего утра до полудня над рекой словно повисал густой дым. Миллионы, если не миллиарды, термитов летели вверх по реке. Однажды прошел дождь, после него вся поверхность реки была усеяна муравьями. В другой раз они при яркой, солнечной погоде посыпались в воду, точно снег.

Позже я узнал причину этого перелета. Крылатые самцы и самки термитов выводятся только к началу дождливого периода. Когда в гнезде появляется избыток взрослых насекомых, они начинают, подобно муравьям, роиться и спариваться либо в воздухе, либо на земле после того, как сбросят крылья.

Во время этого же путешествия мы наблюдали другое явление, связанное с периодом дождей. Разбив лагерь на песчаном берегу, мы заметили как-то вечером крохотную симпатичную черепашку, потом еще и еще одну — огромное множество. Сначала мы не могли понять, откуда они взялись. Я обошел вокруг лагеря с фонариком и обнаружил, что малютки выползают из ямок в песке: очевидно, с наступлением дождей они вылупливаются из яиц. Выбравшись из норки, малыши направлялись напрямик к реке.

Вообще я нигде не видел такого количества речных черепах, как на Кагуане. Они попадались здесь целыми косяками, даже затрудняли плавание на лодке. Винт нашего мотора то и дело ломался о панцири черепах.

Богатство животного мира Амазонки поразительно, но одно дело — наблюдать и записывать, совсем другое — запечатлеть его представителей на пленке. Нам приходилось мириться с частыми неудачами. В гуще сумрачных дебрей или под проливным дождем трудно получить первоклассный кадр, и даже при безупречном освещении далеко не всегда удается поймать киноглазом животное. Звери пугливы, они не станут дожидаться, пока их снимут. И если мы все же смогли за относительно короткий срок заснять столько обитателей джунглей, то дело тут не только в искусстве оператора, но и просто в везении.

После четырех месяцев усердной работы пришло время возвращаться на родину. На этот раз наше возвращение не было позорным отступлением: мы засняли 17 тысяч метров пленки — 17 километров! Вполне достаточно для нашей полнометражной картины.

Мы не раз обсуждали, что делать с Лабаном, когда кончится экспедиция. Больше всего нам, конечно, хотелось бы взять его с собой, но это было невозможно. Ревуны очень нежны и чувствительны к перемене климата, везти Лабана с собой было бы убийством. Волей-неволей приходилось оставлять его здесь.

Проблема чуть не решилась сама собой, причем весьма трагическим образом.

В один из последних дней пребывания экспедиции на Амазонке — я был в это время в Боготе — мои товарищи разбили лагерь на берегу Путумайо в дневном переходе от Пуэрто-Легизамо. Вернувшись под вечер из экскурсии, они обнаружили, что Лабан пропал. Он оставался в лагере вместе с Лино, но Лино его не видел, он решил, что Лабан уехал на лодке с остальными...

Целые сутки они разыскивали Лабана, бродили по джунглям и звали его. Лабан исчез бесследно.

Свернули лагерь, поплыли в Пуэрто-Легизамо. Проплыв с десятков километров вниз по Путумайо, они причалили к берегу около индейской хижинки. И тут к лодке бросилась маленькая обезьянка...

Лабан! Как он попал сюда?!

— Отправился это я на днях на лодке ловить рыбу, — рассказал нам индеец. — И вижу — плывет по реке дерево, а на нем сидит вот эта обезьянка. Ну, я и подобрал ее.

Что же произошло? Вероятно, Лабан, увидев, что его «папы» уплывают на пироге, прыгнул следом за ними в воду. Ему ведь это было не впервой. Течение оказалось слишком сильным, маленький Лабан не справился с ним и спасся на проплывавшем мимо стволе. Он проехал на нем десять километров!

Свидание было очень радостным. Тем тяжелее было расставание... Впрочем, Лабан попал в хорошие руки. В Пуэрто-Легизамо нашелся среди солдат большой любитель животных, ему мы и вручили нашу обезьянку. Лабан явно почувствовал доброе сердце нового хозяина и сразу привязался к нему.

Нам не повезло с нашими змеями. Самая маленькая умерла сразу по прибытии в Боготу. Тогда мы поспешили отправить двух остальных в Кали, к Хорхе: он вызвался присмотреть за ними, пока мы не уладим вопрос об отправке анаконд в Швецию. В Кали царит тропический климат, и нашим пленницам там было бы неплохо. Увы! Грузовик, на котором они ехали, сломался высоко в Андах, и самая крупная анаконда не выдержала холода. В Кали она прибыла мертвая, и в том же ящике лежало двадцать восемь мертвых анаконд, которых она родила так не вовремя. Я невольно чувствовал себя детоубийцей.

Только одна из наших трех анаконд осталась в живых и добралась до Гетеборга.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПРАВДА ВСЕ-ТАКИ ПОБЕДИЛА

Джани РОДАРИ

Рисунки А. Брея.

Вот вам правдивая сказка! Она
про то, как была на свете страна,
где жили отъявленные лгуны —
граждане этой страны.

Лишь солнце скрывалось за небосклоном,
и холод ночной заставлял их дрожать,
они говорили:

— Ах, как тепло нам!

Они говорили:

— Ах, как светло нам

под солнцем, которого не видеть!

Если смеялся ты, — все сожалели:

— Бедняга, он болен, умрет он в постели!

Если ты плакал, — все утверждали:

— Смотрите, он весел! Не знает печали!

Там стул называли столом!

Вода называлась вином!!!

Вот как завралось все население!

Ты понял бы их едва ли.

Лгуны же, хоть лгали, но, тем не менее,
друг друга вполне понимали.

И вот в ту страну Человечек явился.
Послушал врунов. Сперва поразился —
Плечами пожал. Ну, а потом,
совсем не таясь, перед всеми воочью,
тотчас же день назвал он днем,
а ночь, представьте, ночью!
О, что началось тут! Важные лица
велели:—Схватить! Упрятать в больницу!

Но слухи пошли: — Появился дурак!
— Он слова без правды не скажет никак!
— Да что вы, таких дураков больше нету!

— Нет, есть. И я вам доложу по секрету,
я знаю, пари держать я готов,—
это редчайший клинический случай.
Из дальних мест спешат пятьсот
профессоров,
мозг дурака изучат!

— Пойдите! Не заключайте пари!
В газетах описана вся зараза:
Тот Человек, Что Правду Говорит,
за деньги был показан!

И хоть полиция, врачи и власти
те слухи пресекали что есть сил,—
больной тем временем (вот счастье!)
всех граждан перезаразил!..

Народ восстал. Тюрьмы разбил он двери
и президентом пленника избрал!
Ну, вот и все. А тот, кто мне не верит,
Тому я зря все это рассказал.

Перевел Владимир Файнберг.

Они угрожают нашим лесам и садам

П. СМОЛИН

ВРАГИ

В середине лета на улицах Москвы появилось множество буроватых бабочек, мечущихся из стороны в сторону. Те, кто имел отношение к лесному хозяйству и плодовым садам, не на шутку встревожились: в порхавших бабочках они сразу узнали опасных врагов лесов и садов — непарных шелкопрядов.

Гусеницы непарного шелкопряда легко пережили безморозную зиму этого года. Для них обычно бывают губительными весенние холода, так как гусеницы вылупляются из яичек ранней весной, но этой весной не было значительных холодов. А потом наступило не очень жаркое лето с часто перепадавшими дождями. У прожорливых гусениц было достаточно сытной еды. Все эти природные условия способствовали массовому размножению непарного шелкопряда.

Непарный шелкопряд плодовит: в кладке одной самки бывает 200—300, а иногда и 500—700 яичек. Гусеницы двух хорошо сохранившихся кладок способны полностью объесть все листья большого дерева. А в настоящее время почти на каждом дереве в лесу можно найти кладки этого вредителя. В одном из подмосковных лесопарков насчитали миллион таких кладок. Миллион кладок — это значит сотни миллионов гусениц!

Если не помешать размножению вредителей, миллиарды прожорливых гусениц уничтожат листья на громадных лесных площадях и оставят плодовые сады без урожая.

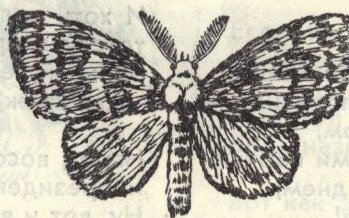
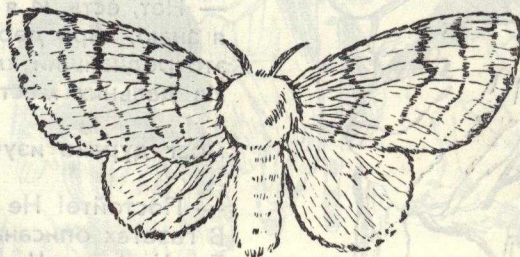
Можно ли допустить такое бедствие?

Нет! Советские люди, в том числе и ребята, не привыкли опускать руки перед надвигающейся опасностью. Вы, ребята, должны помочь агрономам и лесным работникам устранить угрозу, нависшую над нашими лесами и садами.

ЧТОБЫ ПОБОРОТЬ ВРАГА, НУЖНО ЕГО ЗНАТЬ

Непарного шелкопряда назвали так потому, что у этой бабочки самцы и самки непохожи друг на друга. Самец значительно меньше самки, у него довольно тонкое брюшко, окраска более темная, буроватая, а самый характерный его признак — бросающиеся в глаза пушистые усики. Самец очень подвижен, и именно его часто можно видеть летающим.

Самка много крупнее, ее брюшко, наполненное яичками, толстое, массивное; крылышки самки белые, слегка желтоватые, с тонким темным рисунком; усики тонкие, нитевидные; она малоподвижна, чаще сидит, а если летает, то медленно и тяжело. У бабочек непарного шелкопряда есть две замечательные особенности: во-первых, они за всю свою короткую жизнь ничего не едят. Рот и органы пищеварения у них недоразвиты. Бабочка живет за счет тех запасов питательных веществ, которые накопила гусеница в период своего развития. Во-вторых, у самцов этой бабочки удивительная способность находить самок. Пушистые усики самцов — это своего рода «радиоприемники»,

Вот эта вредная бабочка непарного шелкопряда в натуральную величину. Вверху — самка, внизу — самец с пушистыми усиками.

Кладка непарного шелкопряда.

которые позволяют им на громадных расстояниях обнаруживать самку. Молодая, только что вылупившаяся из куколки самка, подобно радиопередатчику, посылает в окружающее пространство какие-то, пока еще не изученные наукой сигналы, которые и улавливают самцы своими усиками.

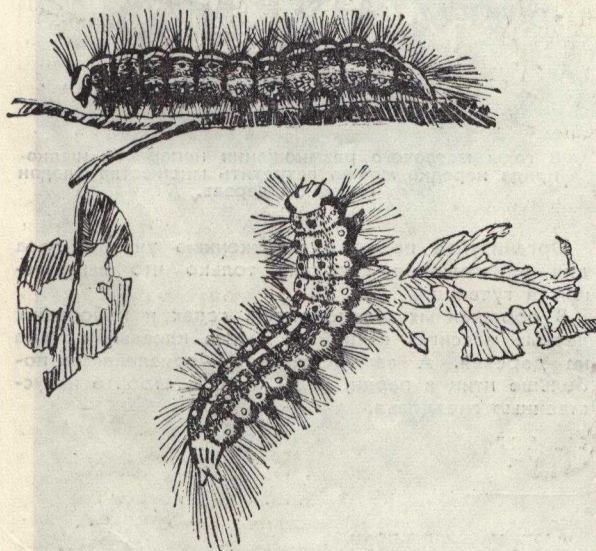
Самки вылупляются из куколок в июле, самцы — несколько раньше.

Самка откладывает яички на ствол какого-нибудь дерева, реже на забор или на траву и погибает. Самцы умирают еще раньше, чем самки. Обычно в середине августа уже не встретишь этих бабочек.

Кладка непарного шелкопряда — довольно хорошо заметный выпуклый продолговатый щиток размером с трех- или пятикопеечную монету. Откладывая яички, самки непарного шелкопряда покрывают их волосками из своего брюшка, от этого поверхность щитка шерстистая. Только что отложенная кладка светлая, беловатая, но одевающие яички волоски быстро буреют, и обычно щитки бывают бурого цвета.

Чаще всего кладки находят у основания стволов на высоте от пяти до тридцати сантиметров над землей. Во время сильного размножения шелкопряда на одном дереве может быть много десятков кладок. Охотнее всего самки непарного шелкопряда откладывают свои яички на стволах старых дубов.

Осенью, в августе—сентябре, в яичках развиваются гусенички, но вылупляются они не осенью, а

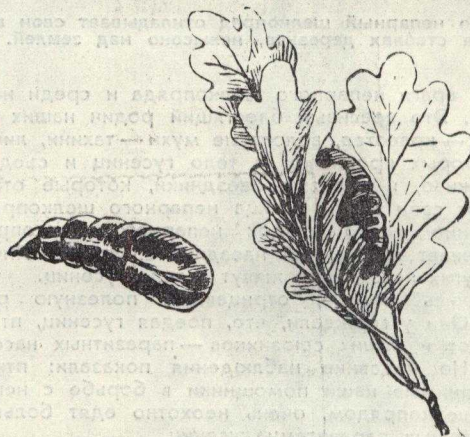
Гусеницы непарного шелкопряда.

ранней весной, когда снег уже сошел, а листья еще не распустились. Первое время гусенички держатся в кучке, «зеркальцем», но вскоре они расползаются.

Гусеницы непарного шелкопряда волосатые, а у маленькой гусенички волоски особенно длинные. Ветер подхватывает их, как пушинки, и иногда переносит на большие расстояния.

Взрослая гусеница бурая, на передней части спинки у нее пять пар красных бородавочек. На середине и на задней части спинки бородавочки синие. В конце своего развития к концу июня — началу июля гусеницы достигают шести сантиметров.

К сожалению, непарный шелкопряд не оправдывает своего второго названия: он не может вознаградить нас шелком за причиненный им вред. Настоящие шелкопряды, закукливаясь, выпускают шелковую нить длиной в сотни метров. Из этой

Куколка непарного шелкопряда шелковой ниточкой стягивает краешки дубового листа.

нити они ткнут плотный, закрытый со всех сторон кокон. У непарного шелкопряда нет такого «таланта». Его короткой шелковой ниточкой хватает только на то, чтобы стянуть краешки дубового листа и несколькими ниточками прикрепиться к своему зеленому убежищу. Иногда, впрочем, они закукливаются и в трещинах коры. Стадия куколки длится у непарного шелкопряда две — три недели.

НАШИ СОЮЗНИКИ

Если с непарным шелкопрядом не проводить никакой борьбы, его численность в течение трех — четырех лет из года в год увеличивается, а потом она начинает падать. Как говорят лесоводы, «очаг затухает», вредителей становится все меньше и меньше.

Почему это происходит? Потому, что бабочек безжалостно уничтожают хищные и паразитные насекомые и насекомоядные птицы.

В одном из лесничеств как-то огородили сеткой небольшой участок леса, зараженный шелкопрядом. На этот участок не залетали птицы, и гусениц становилось все больше и больше. А на соседних участках, куда птицы имели свободный доступ, число гусениц заметно уменьшилось.

Больше всего уничтожают гусениц скворец и большая синица, а также кукушка, иволга и пищуха. Не прочь полакомиться шелкопрядами или их гусеницами сороки, дрозды, мухоловки, пеструшки, домовые и полевые воробьи...

Обычно непарный шелкопряд откладывает свои яйца на стволах деревьев, невысоко над землей.

Есть враги непарного шелкопряда и среди насекомых. Это красивый блестящий родич наших жу-желиц — красотел, волосатые мухи — тахини, личинки которых проникают в тело гусениц и съедают их заживо, и паразиты-наездники, которые откладывают свои яички в яйца непарного шелкопряда. Особенно много кладок непарного шелкопряда уничтожает крошечный наездник анастатус. Личинки других наездников живут в теле гусениц.

Нашлись ученые, отрицавшие полезную роль птиц. Они утверждали, что, поедая гусениц, птицы съедают и наших союзников — паразитных насекомых. Но недавние наблюдения показали: птицы, незаменимые наши помощники в борьбе с непарным шелкопрядом, очень неохотно едят больных, пораженных паразитами гусениц.

Паразитные насекомые, как правило, уничтожают уже размножившегося непарного шелкопряда, а птицы, при определенных условиях, могут пресечь вспышку размножения вредителей.

КАК БОРЬБЫСЯ

Раньше с непарным шелкопрядом боролись только в плодовых садах и на соседних с садами участках леса. Считалось, что борьба с этим вредителем в больших лесных массивах настолько трудна, что не сможет себя окупить. В наше время борьба с непарным шелкопрядом проводится на всей пораженной им площади.

Как же борются с непарным шелкопрядом?

Лучший способ борьбы — уничтожение кладок. Их замазывают нефтью, мазутом или керосином, добавив в них для цвета деготь, сажу или отработанный автол, чтобы легче было различить, какие кладки уже смазаны. Когда под руками нет ничего для замазывания кладок, можно их соскабливать тупым ножом или скребком на бумагу или на материю. Соскобленные яички нужно сжигать или глубоко закапывать, следя за тем, чтобы ни одного яичка не осталось на дереве.

Уничтожать кладки лучше всего в конце лета, всю осень и в начале зимы до того, как основа-

ния стволов покроются снегом. Если за это время не удалось очистить от кладок все деревья, то следует продолжить эту работу в начале весны, до вылупления гусениц.

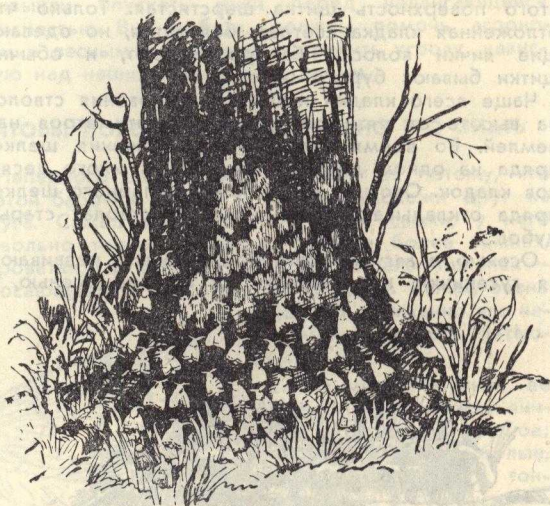
Можно уничтожать (раздавливать) и только что вылупившихся гусениц, когда они еще сидят кучкой, «зеркальцем». Кроме того, ранней весной следует на стволах деревьев сделать гусеничным клеем, дегтем или колесной мазью кольца шириной 30—35 сантиметров на высоте около метра.

Когда гусеницы уже расплозились и проникли к листьям, их труднее уничтожить. Тогда приходится опрыскивать деревья различными ядами: кремнефтористым натрием, арсенитом кальция, дустом — или снимать их руками.

Но самый дешевый и дающий наилучшие результаты способ борьбы с непарным шелкопрядом на больших территориях — это привлечение в пораженные участки леса полезных насекомоядных птиц. Для этого надо развесить в лесу скворечники и синичники, примерно по пятнадцать искусственных гнездовий на гектар.

Борьба ядами с применением сложной специальной аппаратуры — дело специалистов. Вы же, ребята, можете сделать многое другое.

Пока не выпал снег или пока снежный покров еще неглубок, уничтожайте кладки непарного шелкопряда, смазывайте или соскабливайте их. Если не успеете закончить эту работу зимой, продолжите ее ранней весной.

В годы массового размножения непарного шелкопряда нередко можно встретить множество кладок на одном дереве.

Организуйте поход в пораженные участки леса для уничтожения «зеркал» только что вылупившихся гусениц.

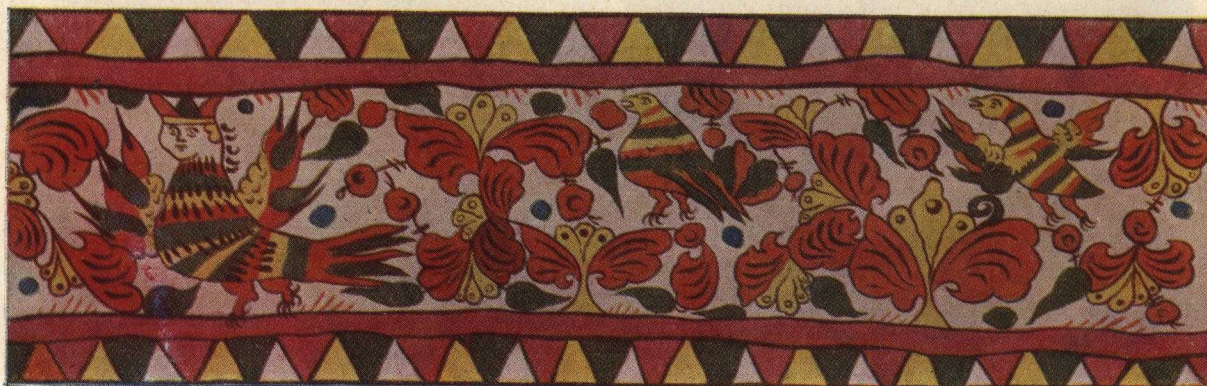
В пораженных шелкопрядом садах и небольших лесных массивах весной наложите клеевые кольца на деревья. А самое главное — привлекайте побольше птиц в парки, сады и леса, стройте искусственные гнездовья.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА.

С. Григорьев.

Русский Север славится резьбой и росписью по дереву. Безыменные мастера издавна расписывали различные предметы домашнего обихода (деревянные чашки, солонки, туески, ложки). Справа вы видите роспись верхней части прялки, а внизу рисунки на туеске.

В ПОМОРЬЕ

Ю. КОРИНЕЦ

Рисунки автора.

Живут у моря рыбаки.
Поднявшись на рассвете,
Уху готовят из трески,
Плетут и чинят сети.

На море невода трясут
И жирных рыб в избу несут.

В избе — жестяная посуда,
Ведро с водой, охапка дров.

Приемник на столе, как чудо,
Доносит шумы городов.

Над острой крышею избы
Седые тучи морщат лбы,

Верхушки сосен задевают
И важно мимо проплывают.

Гуляют волны по камням
И счет ведут ночам и дням,

То наступают в час прилива,
То вспять бредут неторопливо,
Ворочаются и ворчат...

И молча из воды торчат
Большие глыбы-валуны
И видят
Каменные
Сны.

СЕТЬ

Была она растением в поле
И нитью плотного клубка,
А станет сетью поневоле
В искусных пальцах рыбака.

Петля к петле,
Петля к петле
Он вяжет нить суровую

И вот однажды на земле
Раскинет сеть
Готовую.

Сеть попадет в морскую глыбу
И оживет, задышит,
Когда впервые стаю рыб
Внутри себя услышит!

Потом сушиться будет сеть.
Сеть будет в воздухе висеть

На длинных кольях, над землей,
Блестящая рыбой чешуей.

Порой в ней промелькнет звезда
Иль водорослей борода...

Но старятся и сети,
Как все на этом свете!

Вода морская сеть разьет,
В ней нити станут рваться,
И с глубиной подводных мест
Придется ей расстаться.

Всю сеть порежут на куски
И сделают
Половики.

И непривычная к теплу,
Задавленная горем,
Сеть будет сохнуть на полу
И долго пахнуть
Морем.

Д и к и е 1 у с и

С. ЛАРИОНОВ

Рисунки Б. Винокурова.

РАССКАЗ

Подпaska Андрейку разбудил надрывный кашель пастуха Ивки. В узенькое, грязное оконце просачивался холодный рассвет. Мальчик поднял русую голову от тряпья, испуганно спросил:

— Что, дядя Вася, опять эта вреднущая болезнь схватила?

Старый пастух лишь покачал лохматой головой: он задышался и не мог выговорить ни слова.

Андрейка вскочил с пола, где спал на растеленной соломе, торопливо зачерпнул из ведра ковш холодной воды и подал Ивке.

— Глотни, дядя Вася, может, пройдет.

Пастух принял деревянный ковш, но рука его, грудь, плечи так тряслись, что он не смог поднести его к губам. Бородатое лицо Ивки посинело, из глаз катились слезы. Андрейка быстро набил его деревянную трубку самосадам и сунул пастуху в рот.

— Попробуй дымом ее, дядя Вася, дымом!

Со двора открылась дверь, и в конюшонку, где ночевали пастухи, вошла Марфа, жена сельского лавочника Бурки, одетая в «щам» — длинную белую рубаху с мордовской вышивкой. Голову ее украшал яркий, цветастый платок. Поправляя выбившиеся волосы, она недовольно сказала:

— Аль до обеда не соберетесь выгонять коров?

— Вот с дядей Васей плохо, — указал на согнувшегося пастуха Андрейка. — Фершала бы позвать!

Хозяйка будто и не расслышала его слов. Отходя от двери, она прибавила:

— Срам, солнце уже взошло, а коровы еще дома!

«Что делать?» — подумал Андрейка. Выгнать стадо одному — ему не привыкать, так как Ивка за последнее время часто прибаливал. Но он боялся сегодня оставить пастуха одного.

— Сту...пай, — с трудом, сквозь кашель прохрипел Ивка и выставил заскорузлый палец: мол, один, без меня.

Плеснув из ковша в лицо холодной воды, Андрейка вытерся подолом рубахи и начал собираться: натянул прохудившийся зипун, на голову нахлобучил оставшийся от покойного отца старый картуз, повесил за спину лыковый кошель с едой, взял длинный пеньковый кнут, берестяной рожок и, еще раз взглянув на пастуха, шаркая большими лаптями по земле, вышел во двор.

Сентябрь выдался на редкость сухим и прохладным. Студеная, желтовато-оранже-

вая заря стояла над ветлами, соломенными крышами села. Из некоторых труб уже подымался дым: мордовки затопили печи. Андрейка съежился, подобрал худенькую шею в засаленный ворот зипуна и стал выгонять хозяйских коров.

Неожиданно за его спиной раздался выстрел. Андрейка вздрогнул. Он еще не успел прийти в себя, как во двор, у стожка сена, упал сизый голубь и стал бить крыльями. Забыв про испуг, Андрейка подбежал к нему, схватил в ладони и осторожно начал дуть в открытый ротик. Голубь терял последние силы, его красивая головка валилась набок, а нежные веки затягивали помутневшие глаза.

У крыльца с двухствольным ружьем в руках стоял хозяйский сын Илюха Бурка и самодовольно щурил красные, заплывшие глаза. Он был в новеньких хромовых сапогах, без пояса, его салнные, нечесанные волосы сваялись, толстое бабье лицо опухло: наверно, только что вернулся с ночной гулянки.

— Ловко я голубя? — засмеялся Илюха. — Влёт бил. Неси сюда.

— Зачем вы, дядя Илья, поранили его? — с горечью спросил Андрейка.

— Тебя, дурака, забыл спросить! Тоже заступник нашелся! Давай, говорю, сюда голубя. Кто тебе позволял его брать? Не твой — не трожь.

— Жалко его, дядя Илья. Больно ведь ему.

— Нет, ты скажи, зачем подобрал чужую добычу? — вдруг рассердясь, пьяно повторил Илюха. — Мать уж смеялась: «Фе-ершала для Ивки захотел!» Тоже как... порядочные! Рвань вшивая!

Концами ружейных стволов он вдруг снял с Андрейкиной головы фуражку и подбросил ее вверх. Когда фуражка медленно стала опускаться, Илья выстрелил в нее. Андрейка увидел, как отцовская фуражка сначала взлетела высоко в небо, а потом, будто раскрялившись, плавно опустилась на землю.

— Видал, как надо стрелять, коровье охвостье?!

Перехватив ружье под мышку, Илюха смахнул со лба свисшие черные длинные волосы, громко расхохотался и пошел в дом, будто ничего не случилось.

Кулаки Андрейки сжались, а по щекам текли слезы. Он хотел крикнуть что-то Илюхе, да, вспомнив, что лавочник Бурка по дешевке, всего за пастьбу шести коров, разрешил ему с Ивкой жить в своей конюшонке, сдержался, промолчал.

Он открыл хозяйской скотине ворота, гу-

ко шелкнул кнутом. Ивка с Андрейкой пасли более полутора сотен коров.

— Большое стадо — большой заработок, — нанимая подпаса, говорил Ивка Андрейкиной матери. — Как потопашь, так и полопашь.

Теперь кашель часто валил на постель «вечного пастуха», бездомного Ивку, и вся тяжесть ответственности за стадо ложилась на плечи четырнадцатилетнего подпаса.

Однако Андрейка не унывал.

Он даже гордился тем, что хозяйки коров признали его «за главного». По утрам, когда в честь какой-либо радости в избах пеклись блины, варились яички и мордовки, по установившемуся обычаю, выносили гостинчик пастухам, он вручался Андрейке. Подпасок стал первым советчиком для хозяек. Одна спрашивала, почему ее корова всю ночь не ложилась. Другую беспокоило то, что ее Буренка мало дала молока. А он, сбив на затылок отцовскую фуражку, неторопливо, как Ивка, давал советы. Он хорошо играл на

У крыльца с двухствольным ружьем в руках стоял хозяйский сын Илюха...

рожке, любил свистеть и редко бил не размявшихся после ночи коров.

Сегодня хозяйки не узнавали Андрейку. Выгоня стадо, он был угрюм, молчалив, прятал под большой козырек заплаканные глаза. Не раздавались на улице веселые звуки его рожка, вяло тянулось по дорожной пыли свисавший с плеча длинный просмоленный кнут. Он сам не знал, что больнее щемило его сердце: раненый голубь или простреленная фуражка.

Село осталось позади, коровы разбрелись по опустевшим лугам; в ближней ольховой роще стояла тишина. Лишь иногда молча проносились стаи сытых грачей и скворцов: они готовились к перелету на юг. Андрейка сел на бугорок, пригорюнился.

Отец его погиб в японскую войну под Мукденом. Вот уже шестой год, как он живет с матерью, младшим братом и сестренкой. В те времена в России каждая семья как могла, так и обрабатывала свои земельные полоски. В Андрейкиной семье не было ни лошади, ни сохи, и загоны их либо прорастали полынью, либо за даровую цену шли в аренду к богатым соседям. Дома все Андрейку считали «хозяином, кормильцем», он гордился этим, но как помочь матери выбиться из нужды? И вот уже третий год стал наниматься в подпаски к Ивке. Старый пастух утешал его, как мог.

— Меня, братишка, учили так, — говорил он Андрейке, — коль мошны не хватает купить лошадь, так займей пастуший кнут, он тоже прокормит.

Сегодня ему некому было открыть свою душу, поведать горе и обиду: старый Ивка болел. Может быть, поэтому Андрейке и хотелось так пойти в свою ветхую избенку — самую крайнюю в селе. Он часто тосковал о родных закопченных стенах, о широкой покосившейся лавке, на которой спал зимой, когда кончал пастушье дело. Ему очень хотелось повидаться с белокурой шепелявой сестренкой, сероглазым шустрым братишкой Ваняткой, который ждет не дожидается, когда он, Андрейка, придет домой и сделает ему маленькие дрожки. Была и другая причина, почему его тянуло домой. Вчера его навестила мать, она сообщила, что у них радость: отелилась Зюлька, которую еще сосунком, два года назад, подарил им отцов брат, дядя Миколь.

— Одним бы глазком хоть взглянуть! — вслух подумал Андрейка.

Он оставил коров и вышел на большак, который находился от лугов в полуверсте: может, хоть кого-нибудь встретит из сосе-

дей, расспросит. Полез на телеграфный столб, надеясь увидеть крышу своей избушки, двор. Вдруг там стоит Зюлька... и даже с теленочком! Но ни соседей, ни своего дома не увидел и уныло вернулся к стаду.

И вдруг совсем низко над его головой загакали «друзья» — дикие гуси. Он снял изрешеченную дробью фуражку и приветливо замахал им вслед.

Ох, эти гуси! Сколько интереса внесли они за последнее время в Андрейкину жизнь!

Дикие, а какие разумные! Впервые он заметил их неделю тому назад. Сначала над лугами несколько дней подряд летали два гуся. Сядут, пошарят-пошарят носами в траве, полетят на другое место, будто ищут какой-то особый корм. Наконец облюбовали местечко на пригорке около самой реки. И теперь, ежедневно утром и к вечеру, в одно и то же время сюда прилетала вся их дружная стая. Андрейка пригляделся к гусям. От домашних они отличались лишь тем, что были все одной масти — серые. Да еще шейки короче, и совсем темные, даже черноватые клювы и лапки. Притом эти гуси были поменьше деревенских, зато намного шустрее и очень дружны.

Подпаску страсть как хотелось поближе посмотреть на серых дичков, послушать и понять, о чем они гогочут на своем странном языке. Не раз пытался он на животе подползти к стае, да не тут-то было. Гусиная догадка оказывалась сильнее Андрейкиной хитрости. Всякий раз его еще издали замечал зоркий вожак, звонко и тревожно кричал и, словно поднимаясь на цыпочки, шумно взмахивал крыльями. Гусыни, гусята сразу оглашали воздух беспокойным гагаканьем, срывались с места. Вожак, как заботливый отец, последним улетал с луга.

«Им хорошо, — невесело подумал Андрейка про семью дичков, что, по обыкновению опустившись на бугорок у реки, дружно начали щипать траву, — они все вместе!» Он сел на старую муравьиную кочку и протяжно заиграл на своем берестяном рожке. Этот рожок сделал ему Ивка, когда еще был здоров. Пастушьи мотивы далеко разлились по широкому простору зеленой низменности, отдаваясь звучным эхом в близкой ольховой роще.

И вдруг Андрейка заметил, что гуси перестали есть, удивленно подняли головы и молча, медленно стали поворачивать их во все стороны, словно желая узнать, откуда доносятся звуки рожка.

— Что, раскосые, понравилась моя музыка? — вслух спросил Андрейка гусей и вытер

Андрейка сел на старую муравьиную кочку и протяжно заиграл на своем рожке.

скользкие губы.— Ну, ладно, слушайте, слушайте!

Он заиграл еще протяжнее, певучей. Встал и незаметно короткими шажками стал приближаться к стае. Гусиный вожак только чутко прислушивался, однако не подавал сигнал тревоги, не взмахивал крыльями. Затем тоже, не торопясь, медленно, вразвалку тронулся навстречу приближавшемуся Андрейке. Остальные дички, стоя на месте, беззаботно глядели на подпаса и слушали игру.

Боясь спугнуть стаю, Андрейка не подошел вплотную. Он решил приручить гусей постепенно и так же играл им на рожке после обеда. Это продолжалось несколько дней. Все больше и больше покорялся ему гордый вожак. Все ближе и ближе стал подпускать мальчика к своей стае.

И тут Андрейка заметил, что один из маленьких гусят хромым. Каждый раз, когда стая садилась на пригорок, часть гусей окружала этого хроменького, рвала ему какие-то травинки и подбрасывала под самый клюв. Причем травинки брали не кряду, а поводят-поводят своими черными клювами и сорвут. И сами что-то нежно и мирно приговаривают на своем гусином языке:

— Ке-ке-ке, ке-ке-ке.

Андрейке жалко стало хромого гусенка. В субботу, пригнав домой коров пораньше, он обо всем рассказал старому Ивке.

— Пшеница бы дать гусенку, он, глядишь, скорее поправился бы,—заклучил Андрейка.

— Станет он клевать твое пшено! — лежал на грубо сколоченном топчане и глядя в потолок, хрипло, сквозь частые вздохи, заговорил Ивка.— Вот, к примеру, возьми меня. Хлеба полковриги, а душа не принимает. Нынче жена кузнеца сала свиного принесла. Пробовал я жевать, а душа и для сала закрыта. Будь медок да горячий чай, я бы фунт огрел сразу — и опять сила пришла бы. Так и твой больной гусенок. Раз уж стая на одну поляночку садится, значит, нашли для его души какую-нибудь сдобную траву. Хошь они дикие, а житейский толк знают и разбираются, что к чему.

— А может, твоя душа желает меду с горячим чаем, а гусенок требует пшена?

— Кто его знает, Андрейка, може, и так,—согласился пастух.— Только где возьмешь этого пшена-то?

— Я у хозяев выпрошу. Они ведь в лавке торгуют, не разорятся из-за пригоршни.

Ивка надсадно закашлял, ничего не смог ответить и отвернулся лицом к стенке.

Открыв дверь пятистенка, Андрейка снял картуз и остановился у порога. Толстая жена лавочника Бурки сидела у окна и деревянным гребнем с высокой ручкой расчесывала волосы. Краснo горела лампада перед иконами, отражаясь в серебряных окладах; в простенке смутно блестело зеркало, украшен-

ное суровым расшитым полотенцем с кружевами. Из теплой печи сытно пахло жирными шкварками.

— Чего тебе?

Андрейка несмело объяснил. Очевидно, необычность просьбы поставила Буркиху в тупик. Сквозь спадавшие со лба волосы она как-то бессмысленно посмотрела на подпаска, кряхтя поднялась с лавки.

— И придумает же невесть чего!

Охая, зевая, мелко крестя рот, лавочница вышла в чулан и вскоре принесла пригоршню чистого, ядреного пшена. Еще раз подозрительно спросила:

— А ты не обманываешь? Не кашу ль себе вздумал варить?

Из горницы показался Илюха. Одна щека у него была красная, и на ней выдавился след от наволочной завязки: видно, сладко спал.

— Не давай, не давай! — сказал он матери. — Чего приваживаешь к дому этого голодранца? Все ноет, ходит: то голубя жалеет, то еще тварь разную. Гони в шею!

— Для птицы божьей уж так и быть, — хмуро проговорила Буркиха подпаску. — На, держи.

От радости Андрейка растерялся и не знал, куда сыпать пшено. Хотел было подставить фуражку, да вспомнил, что ее донце пробито в нескольких местах. Он собрал ковшиком подол своей холщовой рубашки.

— Спасибо, тетенька! Вы не сомневайтесь, вот крест святой, я не для каши, а хроменькому гусенку!

Едва Буркиха высыпала мальчику пшено, как Илюха ловко снизу ударил носком сапога в подол Андрейкиной рубахи. Пшено брызнуло подпаску в лицо, а потом, стуча меленькой дробью, рассыпалось по всему крашеному полу.

— Крепче держи! — расхохотался Илюха, повернувшись, ушел в горницу и снова лег на диванчик.

Лавочница сперва посмотрела вслед сыну, потом сердито выговорила Андрейке:

— Что же ты, ворона? Дали, так нечего было рот разевать! Только сорить ходите, прости господи!

Оторопев, смотрел Андрейка, как по полу раскатывались крупинки пшена, и не верил глазам. Ведь это же хроменькому гусенку! Спускаясь с широкого дубового крыльца, он с трудом удержал слезы обиды.

Солнце только что село за ольховую рощу, и в его лучах еще горели оранжевые облака. Ложиться спать Андрейке не хотелось: рано. А не сходить ли домой к своим? В самом де-

ле! Посмотрит долгожданного Зюлькиного теленка, да, кстати, и попросит у матери пшена.

Почти бегом припустился он по темнеющей улице села. У лавки красного товара собралась молодежь, визгливо играла гармоника, слышался топот пляски. Но мальчик не остановился посмотреть, свернул в проулок к окраине. Вот и приземистая, с детства знакомая избушка на юру, без двора, убогие плетеные сенцы, обмазанные обвалившимся кое-где коровяком.

Внутри было темно и тихо, смутно светились два маленьких оконца. Лампенку еще не зажигали: берегли керосин. Посреди пола чернела вязанка хвороста. Андрейка чуть не споткнулся о нее и лишь тогда понял: это и есть теленок. Из-под стола вылезла сестренка, обхватила его за коленки и залилась счастливым смехом.

— Блатушка плишел! — зашепелявила она. — Блатушка!

Ради гостя мать засветила лампенку. Из полутьмы выступила вся голая изба: холодная печь, короткая лавка у стены, деревянная кровать с плетеной соломенной подстилкой, широкая доска, прилаженная под низким, закопченным потолком. Эта доска служила в доме и полкой, и шкапчиком, и всем, чем угодно. На нее клали хлебы, шапки, к ней привязывали люльку для малых детей.

— Лысенкий, — сказал Андрейка, присев перед теленком и глядя его курчавую морду с беленькой прозвездью на лбу.

— Голодный, небось, сыночек? — ласково сказала мать. — Чем же тебя угостить? Обед-то я нынче не стряпала: у попадьи полы мыла. Испей, родненький, молочка, испей, сейчас я тебе хлебца отрежу.

Сидя за столом и большими глотками втягивая из глиняной кружки молоко, Андрейка рассказал домашним о диких гусях и как он рожком приручил их к себе. Глаза у младшего брата, Ванятки, блестели, он слушал с завистью, а сестренка заснула, калачиком свернувшись на лавке.

— Подкормить бы, глядишь, привыкли б, — рассуждал Андрейка. — А хроменький, может, поправится.

— Они ведь дикие, — сказала Андрейке мать. — Съедят твоё пшено и улетят.

Андрейка и сам знал, что гуси непременно улетят на зиму в теплые края. И в прошлую и в позапрошлую осень, ходя за стадом, он видел, как, выстроившись высоко в небе рогаткой, плавно махая крыльями, гуси вереницами тянулись на юг, за синее море. Но что

он мог с собой поделаться? Он полюбил эту гусиную стаю, привык к ней.

— Ну и пусть улетят,— пробормотал он.— А может, и не улетят? Хроменький-то, наверно, останется. Будет у нас жить.

— Я его выхожу,— с готовностью сказал Ванятка,— у нас ведь гусей нету. Пускай вместе с теленком растут.

Мать улыбнулась доброй улыбкой, показала головой и насыпала Андрейке в мешочек пару пригоршней пшена.

— Ты не враз давай его, сынок. Часть утром, часть к вечеру. Да не разбрасывай широко, сыпь в кучу, а то они в траве не найдут твое пшено.

В конюшонку Андрейка вернулся затемно: из-за соломенных изб подымался ранний, оранжевый месяц. Только-только лег он на свою соломенную постель, как вошел Илюха: наверно, ждал.

— Обиделся, что ли? — спросил он, и по его голосу Андрейка понял, что хозяйский сын улыбается.— Я ведь нынче пошутил насчет пшена. Хочешь, завтра целую торбу насыплю?

Он присел перед Андрейкой на корточки и, в темноте нашарив его руку, сунул две конфетки. Почти касаясь его щеки, дыша водочным перегаром, Илюха проговорил:

— Я ведь тебя жалею. Ешь конфетки, завтра еще яблоков куплю.

От удивления Андрейка не нашелся, что ответить. Чего это Илюха вдруг пришел к ним в конюшонку? Вечером из избы гнал, а сейчас такой ласковый?! Какое-то нехорошее предчувствие сжало его сердце. Мальчик тихо отвернулся и убрал свою руку. Но Илюха снова настойчиво сунул ему конфетки.

— Бери, коли я тебе сказал.

Отказаться Андрейка побоялся и взял конфеты. Илюха, покачиваясь, вышел. Старый Ивка спал на своем топчане, и в груди у него что-то хрипело, точно рвалось. Долго подпасок ворочался на соломенной подстилке, а утром, когда открыл глаза, нашел на постели две вконец измятые конфетки с вылезшей начинкой.

День выдался погожий. Солнце выкатилось по-летнему румяное, лучистое, сизая от росы трава засияла разноцветными огоньками. Стадо паслось на лугу. Андрейка гулко щелкал кнутом, будто стрелял, не давая коровам разбредаться. Позади в голубоватом тумане словно плавали ветлы, избы села, жарко блестел золотой крест деревянной церквушки. Подпасок проверил мешочек с пшеном в кармане зипуна, присел на муравьиную кучку — и тут случилось то, чего

он смутно опасался: из-за гумен показался Илюха, над правым плечом у него блестели стволы ружья.

— А ну, покажи, где твои прирученные гуси.

Андрейка весь сжался.

— Они та-ам,— дрожащим голосом проговорил он и показал куда-то в сторону.— Они не тут садятся, а та-ам, у Нижней болоты.

— Врешь! По глазам вижу, врешь! — насмешливо сказал Илюха.— Меня трудно провести. Сам вчера проговорился, что тут садятся.

— Ей-богу, не вру, дядя Илья,— торопливо перекрестился Андрейка.— Я сказал, что та-ам... У Нижней болоты.

По широкому, бабьему лицу Илюхи, по его узким, заплывшим глазкам было видно, что он на какое-то мгновение заколебался. Затем молодой Бурка проговорил неторопливо, с подчеркнутым спокойствием:

— А я буду ждать тут, около тебя. Понял? Около тебя.— И, положив на кочку ружье, завалился на мягкую росистую траву.

От затылка по спине Андрейки побежали мурашки. Илюха заметил его испуг.

— Надуть меня хотел? Дурак, они ведь дикие, чего ты их жалеешь? Все равно улетят. Ох-ха-ха-ха!.. — словно заржал он и скорчился от смеха.— Не вешай нос, нынче пощиплем твоих гусей! Ох-ха-ха-ха!

Андрейка стоял и не знал, что ответить.

— И ты крылышко пососешь,— все еще смеясь, проговорил Илюха.— Так и быть, еще лапку прибавлю. Слышишь? Крылышко и лапку дам.

Он сунул руки в карманы и, беззаботно лежа на спине, стал насвистывать какую-то песню.

Как ненавидел его Андрейка в эти минуты! Он весь дрожал и до боли в ладони сжимал рукоятку пастушьего кнута. Ах, будь он посильнее!

И вдруг его осенило. Андрейка поспешно стал щелкать кнутом перед мордами коров: он решил перегнать стадо на тырло, подальше от лугов. Да поздно он хватился! В ясном сентябрьском небе появилась стая. Ближе, ближе, и вот сбоку от подпасака совсем низко пролетели гуси. Они дали полкрута над коровами и смело сели на свой пригорок.

С собачьей быстротой вскочил Илюха с травы, прижал к груди ружье и заспешил к гусям. Вожак тотчас удивленно и настороженно поднял голову, негромко гагакнул. Илюха остановился, очевидно, вспомнив, что гуси привыкли к звуку рожка. Он повернулся к подпаску, резко махнул ему рукой.

— Иди, давай дуди!

Бледный, растерянный стоял подпасок. То он смотрел на хозяйского сына, то на гусей. Вожак больше не проявлял беспокойства, и стая, не обращая внимания на людей, начала щипать траву.

— Иди скорей! — нетерпеливо, в охотничьем азарте шептал Илюха. — Дуди! А то дам разд, лапти торчком встанут!

И, подбежав к Андрейке, он спрятался за его спину и подтолкнул в сторону гусей. Подпасок неловко двинулся к стае.

— Играй, играй!

Андрейка задудел. От волнения губы плохо слушались его, рожок дребезжал, пел вразнобой.

Гусиный вождь вновь настороженно поднял голову с бирюзовым глазом и двинулся навстречу Андрейке.

— Играй, играй! — шипел Илюха подпаску, а сам, согнувшись чуть не вдвое, двигался за ним.

Расстояние между людьми и стаей все сокращалось и сокращалось. Андрейка вздрогнул, заметив, как вдруг с правой стороны от его зипуна, поблескивая на солнце, выдвиг

гикнул своим гусиным басом и замахал крыльями.

Гуси, как один, оторвались от земли. Воздух засвистел от резкого взмаха крыльев, и на солнце блеснул белый пуховый подбой.

Илюха упал грудью на траву и второпях выстрелил дуплетом из обоих стволов. Ни одна дробинка не достигла цели. Вожак занял свое место впереди и, не поднимаясь высоко над лугом, часто махая крыльями, увел стаю. Улетел и хроменький гусенок.

Хозяйский сын вскочил, ругаясь, выхватил из кармана два новых патрона, да куда там: живая черная вереница была недосыгаема для выстрела. Андрейка не отрывал загоревшегося взгляда от гусей. Яростно раздув ноздри, Илюха подскочил к нему и занес ногу для удара. Подпасок успел увернуться, и носок сапога пришелся по рожку. Рожок упал в траву, Илюха стукнул его каблуком, береста хряснула и развилась стружкой.

— У-у, волчонок! — погрозил Илюха.

Он вскинул за плечо ружье и вразвалку направился в село.

Андрейка остался на лугу.

Гуси так и не вернулись обратно. Никогда

— Иди скорей! — нетерпеливо шептал Илюха.

нулись два ружейных ствола. Ружейные дула, будто приносясь, как живые ноздри, уперлись в настороженного вожака. Мальчика словно обожгло: ведь вождь — отец всей стаи, если его убьют, эта стая гусей осиротевает без него. Неожиданно для себя Андрейка задудел в рожок резко, грубо, угрожающе. Вожак быстро повернулся, громко, тревожно

уже больше они не садились на покинутый пригорок у реки. Напрасно ждал их Андрейка. Да и чем бы он их встретил? Не было у подпаска больше рожка, и теперь его певучие звуки уже не оглашали скучный, опустевший осенний луг и ольховую рошу.

Авторизованный перевод с мокша-мордовского
Виктора Авдеева.

ТАЕЖНАЯ ФЕРМА

А. ТАРАДАНКИН

Фото Е. Кнорре
и О. Семенова-Тян-Шанского

Поселок Якша стоит на берегу студеной Печоры. На сотни километров раскинулись вокруг дикие, непроходимые леса и болота. Суровая, дикая тут природа.

Рядом с Якшей находятся уголья Печоро-Ильчского заповедника. Охота здесь запрещена, и зверя водится много. На лесных ручьях строит свои плотины бобр, летают с дерева на дерево беспокойные белки. Есть и выдры, и куницы, и соболя, и дикие северные олени. Много в заповеднике лосей.

Очень удивляются приезжие, повстречав в лесу, неподалеку от поселка, лосиное стадо. Увидев человека, лоси не пугаются, не бросаются в лесную чащу, а спокойно идут дорогой, знакомой дорогой, ведущей на ферму.

Лосиная ферма! Это звучит непривычно. О таких хозяйствах раньше никто и не слышал. Однако это самая настоящая ферма. Свободолюбивые лесные животные живут здесь и работают на человека так же, как лошади или олени.

Уже много лет работает в заповеднике

ученый и охотовед Евгений Павлович Кнорре. Он задумал одомашнить лосей. Попытки приручить лося, заставить его служить человеку делались в России и скандинавских странах не раз. Известны, например, случаи, когда на лосях пахали, а в Смоленской губернии в 1861 году на них возили снопы с полей. Но лесные великаны быстро умирали в неволе. Поэтому до сих пор считалось, что приручить лосей невозможно.

В 1946 году Евгений Павлович Кнорре занялся приручением лосей. Три года ушло на то, чтобы узнать все их повадки, а в 1949 году началось строительство таежной фермы.

Первое время ученый изучал случайно пойманных животных, но взрослые лоси совсем не привыкали к человеку. Кнорре уже знал, что приручить можно только маленьких, новорожденных лосят, не старше пяти дней от рождения. Заповедник обратился за помощью к охотникам, и вскоре на ферму стали приходить сообщения о пойманных новорожденных лосятах. Иногда лосят приходилось везти сотни километров на самолетах, пароходах, лодках и лошадях. К 1951 году на лосеферме уже было двадцать четыре лосенка.

Лоси доставляли снаряжение и продукты для экспедиции, работающей в бездорожной и заболоченной тайге.

Маленьких лосят поили коровьим и козьим молоком, а когда малыши подрастали, их выпускали на лесные пастбища. Осенью и зимой их подкармливали.

Постепенно лоси привыкали к людям, становились доверчивыми и удивительно преданными. Как собака, бежит лось за хозяином и никогда не теряет его и не отстанет, какой бы долгий путь ни пришлось совершать. Лось подчиняется приказаниям только того человека, который его воспитал, оберегает его и сердится, если тот долго разговаривает с другими людьми. Нередко подходит к разговаривающим и боком отталкивает собеседника.

Евгений Павлович рассказал мне о таком случае. Воспитанная им лосиха Малютка была выпущена с фермы на свободу. Целый месяц она прожила в тайге, только изред-

ка приходя на ферму. Однажды прибежала Малютка, а Кнорре нет на ферме. Лосиха отправилась в поселок к хорошо знакомому ей дому, где раньше жил ее хозяин, но его и здесь не оказалось. Лосиха продолжала поиски. Обнюхав все постройки, она наконец отыскала дом, куда переселился Кнорре, и улеглась у крыльца.

Соседям Кнорре пришлось туго. Малютка никого не подпускала к дверям и не выпускала на улицу. Пришлось идти разыскивать Евгения Павловича.

Нашли его на другом берегу Печоры. Евгений Павлович стал громко звать Малютку. Услышав его голос, лосиха переплыла реку и успокоилась, найдя хозяина.

— Для того, чтобы подружиться с лосями, нужны чуткость, ласка и смелость, — рассказывает Е. П. Кнорре. — Людям нервным и горячим за это дело лучше не браться. Обидишь лосенка, он тебе век не простит грубости. Зверь любит, чтобы его гладили, чесали за ушами. Заметил я еще одну тонкость. Летом лосей одолевают слепни и оводы. Смахнешь с лося надоедливых мух, и он так благодарен тебе, чуть что, за помощью к тебе спешит. Слепни, кстати, помогли нам приучить лосят жить в хлевушке. Надоест им от мух отбиваться, сами в сарайчик бегут. Так и привыкли.

...Шли годы. Лосихи принесли первое потомство, и в неволе лосиное стадо постепенно стало увеличиваться.

Замечательное это стадо! Сена лосям почти не надо; свежие ветки, древесная кора — лучшее лакомство для них. В тайге и того

Лосиха Малютка со своими новорожденными лосятами.

и другого больше чем достаточно. А попробуй прокорми в тайге, где нет хороших лугов — все болота да бурелом, — стадо коров или табун лошадей!

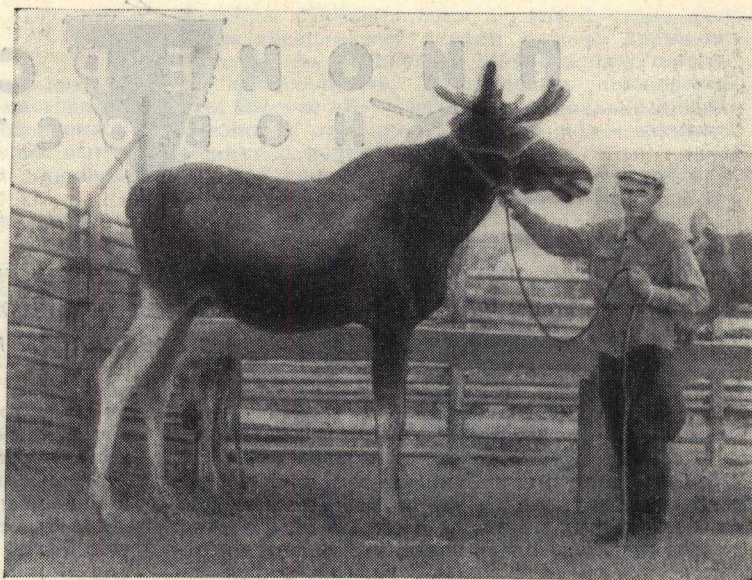
Но как заставить лосей заменить и корову и лошадь?

Ручных лосих попробовали доить. Это оказалось небезопасным делом. Тогда стали готовить лосих к дойке чуть ли не с первых дней их жизни: им массировали вымя во время кормления. И лосихи настолько привыкли к этому, что во время первой дойки вели себя совершенно спокойно, почти так же, как коровы. Новый условный рефлекс заслонил у лосих инстинкт материнства. Однажды произошел такой забавный случай. В заповеднике снимался художественный фильм «Повесть о лесном великане». Оператор хотел снять лосиху Майку, кормящую лосенка. Но Майка вела себя очень странно: она не подпускала к себе лосенка. Когда лосенок потянулся к соску, она ударила его ногой.

Пришлось позвать доярку, к которой привыкла лосиха. Майка подбежала к женщине и стала лизать ее руки и лицо, издавая при этом характерный тихий стон, которым лосихи обычно подзывают лосят.

Лосиха Майна спокойно позволяет себя доить.

Воспитатель со своим питомцем. Лоси — удивительно привязчивые и ласковые животные. Они привязываются к воспитателю на всю жизнь.

А какое молоко у лосих? Вкусное и густое, как сливки. Лосиное молоко калорийнее и полезнее коровьего. И белка в нем почти в пять раз больше. А в масле много витаминов «А», «С» и «Д». Одно плохо: лосихи дают мало молока, всего-навсего двести литров в год.

Евгений Павлович Кнорре заставил лосей ходить в упряжках и под седлом, возить выюки и груженные сани. Оказалось, что для тяжелых таежных дорог лучшего средства передвижения и не придумаешь. Сильный и выносливый лось легко везет сани с грузом в 1860 килограммов.

Только в одном лось уступает лошади: он тихход, не умеет быстро бегать. Но в этом и нет необходимости при езде в тайге, без дорог, через бурелом и топкие болота.

Теперь доказано, что одомашнивание лосей возможно.

Старинная охотничья пословица утверждает: «На медведя идешь — постель стели, на сохатого идешь — гроб теши». Лось страшен силой своей; ударом копыта матерый сохатый может переломить жердь толщиной в 15—20 сантиметров.

И вот этого лесного великана сумел победить человек, заставил его подружиться с людьми. Он сделал грозного лесного зверя своим послушным слугой.

П И О Н Е Р С К И Е Н О В О С Т И

Сегодня разговор пойдет о пионерском патруле, о штабе ЮП и других делах ленинградских школьников. О чем расскажете в следующем номере вы?

СОВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ

Не бывало ли в вашей школе так: выберут ребят в совет дружины, а что они там делают весь год, как работают, никому в отряде не известно. А совет дружины плохо знает, что делается в отрядах.

Вот почему в нескольких ленинградских школах в этом году решили вместо совета дружины организовать совет председателей. В него входят обязательно все председатели советов отрядов и лучшие звеньевые. На совете каждый председатель сообщает о работе своего отряда. И все знают, у кого есть что-то новое, интересное, у кого какие трудности.

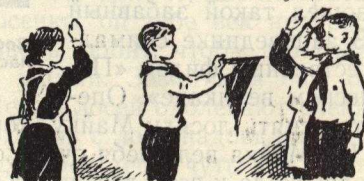
Работа сразу пошла лучше, появилась оперативность. И понятно, почему. Члены совета председателей примут какое-то решение, на другой день эти же ребята приходят в свой отряд, рассказывают о том, что они решили, и вместе с отрядом берутся за дела. А в отрядах вместо совета отряда организованы советы звеньевых.

Раньше совет дружины выбирали на целый год. Ребята сперва брались горячо, а потом уставали, работа им надоедала. Сейчас в 317-й школе решили проводить выборы пионерского актива

не раз в год, а в конце каждой четверти. Проработал четверть — отчитайся. Если был хорошим вожаком, тебя могут снова выбрать.

В 157-й школе выборы будут два раза в год: в январе и в мае.

Где будет лучше, пока неизвестно: первый год еще такие порядки в дружинах.

ВЫМПЕЛ «ЗА СМЕКАЛКУ»

Это было летом под Ленинградом в пионерском лагере завода «Вулкан». Совет дружины объявил конкурс на лучшую лагерную песню. Отряд-победитель получил вымпел.

Но этот вымпел был переходящий. Любой отряд, который проявит изобретательность, смекал-

Эти ребята первыми получили вымпел «За дружбу в учебе».

ку, придумает что-то интересное для всех, мог забрать его.

И вот началась борьба.

Одни делали песочницу для малышей, другие оборудовали пляж для всего лагеря: мастерили грибки, лежаки, кабиночки для переодевания... Отряду, который три раза подряд получил выпел, полагался приз — после вечерней линейки чай со сладким пирогом.

В лагере были разные выпелы: «За смекалку», «За отличную дисциплину», «За полезные дела», «За успехи в спорте». Отряд, который три раза подряд получил выпел за дисциплину, катался на лодках, сколько захотел. Отряду, который получил три выпела за полезные дела и в эти же дни хотя бы один за дисциплину, полагалась высшая награда — отряд фотографировался у развешенного знамени дружины.

Вожатая лагеря Людмила Глебовна рассказала про все это пионерам своей 317-й школы. Ребятам очень понравилась такая затея. Решили и в школе учредить выпелы и призы и еще несколько новых выпелов придумали: «Лучшим тимуровцам», «За дружбу в учебе» и другие.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПЛАН

Наверное, в очень многих школах план работы дружины составляется так: собирается совет дружины и все придумывает. Потом этот план вывешивают в пионерской комнате, а иногда и нигде не вывешивают. Получается, что большинство пионеров даже не знает, что в плане записано.

В этом году в 157-й школе решили составлять план по-другому. Второго сентября был объявлен конкурс на лучшее предложение к плану работы дружины. Установили приз.

Через неделю поступило больше семидесяти различных предложений.

Шестой «Г», правда, в последний день, но принес сорок два предложения! И одно интереснее другого. Провести игру «Что ты умеешь», оборудовать в школе комнату отдыха, где все будет сделано своими руками: столы, табуретки, абажур, полочки для книг и для игр и сами игры, будут вышиты шторы и скатерти...

Другие отряды предлагали провести конкурс на лучшую отрядную песню, создать школьный ансамбль песни и пляски. В общем, план получился прекрасный. И главное, вся дружина «болела», волновалась, переживала и голосовала за каждый пункт плана.

В 321-й школе в этом году план тоже составляют по-новому. Здесь каждому пионеру вручили анкету: «Что ты предлагаешь интересного провести в отряде? Какой сбор предлагаешь провести? Какую пионерскую песню сделать отрядной? Какие полезные дела для школы, класса, района советуешь сделать...» Так составлялись отрядные планы.

А потом объявили конкурс, какой отряд даст больше предложений в план работы дружины.

Шестой «А» предложил устроить слет школьных филателистов, организовать пионерский театр. Шестой «В» — собрать материалы о людях, окончивших эту школу. Пятый «А» — устроить выставку самоделок.

Решили провести конкурс на лучшую эмблему дружины, на лучший пионерский уголок в классе.

Разве один совет дружины может придумать столько интересного?!

ПАТРУЛЬ ИДЕТ ПО ШКОЛЕ

Ребята с голубыми повязками на рукавах идут по школе, пионеры приветствуют их салютом. Это идет пионерский патруль. Он заходит в клас-

6-й «А» охотно открывает двери пионерскому патрулю: этому отряду есть чем похвалиться.

сы, проверяет, как выполняется план работы в отрядах и звеньях, узнает все новости, смотрит, все ли пионеры в галстуках, приходит на пионерские сборы, субботники...

Патруль — это только одна группа дежурного звена. Вторая группа — дежурные по пионерской комнате, третья — связные. Дежурят по очереди все звенья 5, 6, 7-х классов.

Каждое утро вся школа читает свежий листок «Молнии», которую выпускает дежурное звено. Не подумайте, что это большая стенная газета с красивыми заголовками, рисунками, рамочками. Это небольшой лист бумаги, на нем просто написанный заголовок и красная, разящая стрела молнии. На листе две — три, а то и одна коротенькая заметка, иногда карикатура. Но посмотрите, какие это острые и важные заметки.

«Управхоз домохозяйства № 6 по Смольному проспекту прослышал о том, что пионеры 6-го «Г» решили помочь в работе красному уголку. Это известие его очень обрадовало. Но, увы! Ребят до сих пор все нет».

«Кинотеатр «Родина» приглашает пионеров 157-й дружины выступить перед сеансом с концертом художественной самодеятельности. Номерам самодеятельности собираются с трудом. В чем дело? Ребята, неужели вы разучились петь, танцевать и читать стихи?!»

«В первом звене 6-го «А» все пионеры успевают. В звене только две тройки, а еще недавно из семи человек четверо было с двойками. Ребята помогают друг другу и борются за вымпел «За дружбу в учебе». Берите пример с самых дружных!»

ОТРЯД ИМЕНИ...

Пионерский отряд имени Александра Матросова, отряд имени Олега Кошевого, отряд имени Чапаева, отряд имени... Высокие имена... Высокая честь для отряда носить такое имя! И каждый может спросить ребят: чем вы заслужили право так называться?

Ребята из 157-й школы правильно считают, что славное имя героя отряд должен заслужить хорошей учебной, полезными делами.

Вот, например, пионеры 6-го «Б» мечтают, чтобы их отряд носил имя Молодой гвардии. И они добьются: ребята здесь трудолюбивые, упорные, и, главное, они всегда умеют найти себе посильное и нужное дело. Узнали, что на мебельной фабрике надо очистить и озеленить двор, — пошли всем отрядом, поработали. Договорились с прядильно-ниточным комбинатом имени Кирова, что будут приходить делать коробки для мулине. Решили, что все пионеры в отряде должны хорошо изучать жизнь молодогвардейцев. Отрядный драмкружок взялся за постановку отрывков из пьесы «Молодая гвардия», и, чтобы все в постановке было правильно, ребята даже ездили в Театр имени Ленинского комсомола за консультацией.

Четвертый «В» борется за право получить имя Нины Куковеровой — ленинградской пионерки-партизанки, героини погибшей во время Великой Отечественной войны. Ребята подтянулись в учебе, наладили работу в звеньях. И полезное дело нашлось для всего отряда. Пришел кто-то из ребят в класс и говорит: «В садике перед

Бурный листопад был осенью. Дворники не успевали разметать листья. Пионеры 4-го «В» вышли на помощь.

Смольным столько листьев нападало на дорожки, на газоны, не успевают дворники разметать их. Давайте поможем!»

Скоро в 157-й школе на совете председателей будут присвоены имена героев лучшим отрядам.

ПИОНЕР - ИНСТРУКТОР

Семиклассники — главная сила в дружине, самые старшие, самые опытные, самые умелые пионеры в школе.

Все, чему научились семиклассники в пионерском отряде, они должны передать младшим товарищам.

Есть такое звание — пионер-инструктор. Оно присваивается только семиклассникам, которые смогли самостоятельно организовать кружок (пусть небольшой, человек пять) и научить младших пионеров какому-то полезному делу.

В 321-й и 157-й школах такие кружки уже работают. Юра Нетяга и еще несколько ребят из 7-го «В» ведут кружок киномехаников. Киномеханик — нужная специальность в любом классе. Не приглашать же каждый раз, когда надо показать на уроке учебный фильм, чужих «специалистов»!

Света Фетисова и Таня Алексеева организовали спортивный кружок в 4-м классе, Толя Щепилин — кружок барабанщиков, группа девочек — кулинарный кружок при школьной столовой.

ШТАБ ЮП

Пионерская дружина — большая сила, но бывают такие дела, которые и дружине не по плечу.

Ну вот, например, собрать столько металлического лома, чтобы из него можно было построить тракторную колонну. Ведь, пожалуй, одна дружина не справится. Тут надо действовать объединенными силами.

Так и решили ребята в Куйбышевском районе Ленинграда. Вот уже третий год у них работает районный штаб юных пионеров.

В штабе по два представителя от каждой школы района: председатели и члены совета дружины, лучшие отрядные вожатые, председатели совета отряда и звеньевые.

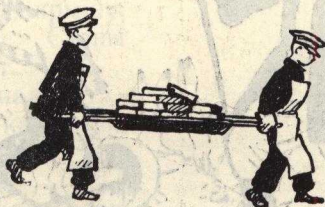
Штаб ЮП руководит работой пионерской организации района. Он всегда в курсе всех школьных событий. Штаб немедленно передает всем дружинам, что интересного задумали, сделали, увидели, узнали ребята в каждой школе района, моментально поднимает тревогу, если где-то работа не ладится.

Решил штаб, что надо послать подарки пионерам на целину. Пионерские организации там еще молодые, работа у них только налаживается, опыта не хватает, и многих нужных вещей пока еще нет.

И вот одна школа несет рулон хорошей белой бумаги, набор красок и карандашей — все для выпуска стенной газеты; другая школа — пионерский горн и барабан; третья — набор столярных и слесарных инструментов. И важно здесь то, что все деньги, до последнего рубля, на которые куплены эти подарки, заработали сами ребята: собирали металлолом, бумагу, пузырьки, работали на стройке.

Летом десять членов штаба отправились в гости к своим друзьям, пионерам, на целину. Контейнер с подарками отправили багажом и еще с собой много везли, чтобы не с пустыми руками приехать!

Побывали ребята там в пионерских лагерях, поработали отрядными вожатыми, передали свой опыт, рассказали обо всем интересном, новом, что есть в пионерской работе целого района. А в Ленинград привезли рассказы о людях героического труда, о смелости, о мужестве и упорстве покорителей целины, привезли рисунки, фотографии.

ДВЕ КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗОЧКИ

А. ГАРФ

Рисунки А. Брея.

В каждом языке есть своя прелесть, своя музыка, свои неповторимые особенности. Рассказывая по-русски записанные мною на Кавказе карачаевские сказки, мне хотелось передать веселый юмор и музыкальность, свойственные этому маленькому народу, входящему в нашу большую, многонациональную семью.

ВОТ ОНА КАКАЯ НАША САТИКИЧЬ!

адоело нашей Сатикичь дома сидеть, устала, бедняга, на тахте лежать.

— Поеду искать себе счастья. Нашепала щепок, смастерила бричку. Вместо быков запрягла больших жуков. И — чхик! — поехала искать свое счастье.

Ой, парень идет, лошадей пасет...

— Красавица, куда едешь?

— Ищу свое счастье.

— Милая, как тебя зовут?

— Сары Етекли — Желтая юбка, Сатикичь — Лисья шубка, Шатикичь — Хамекетотой — Шампе! Вот кто я такая!

— Ох, будь моей женой!

— А что ты к свадебному пиру приготовишь?

— Жирного коня зарежу, всех гостей накормлю.

— А кто коня сварит?

— Ты!

— Вот еще, как же! Стану я ручки мять, шубку мять... Чхик! — Хлестнула быков — черных жуков, поехала дальше.

Ой, парень идет, овец пасет...

— Голубушка, куда едешь?

— За счастьем.

— Умница, как тебя зовут?

— Сары Етекли — Желтая юбка, Сатикичь — Лисья шубка, Шатикичь — Хамекетотой — Шампе! Вот кто я такая!

— Ой, стань моей женой!

— А ты к свадьбе что приготовишь?

— Барана зарежу.
— А кто его сварит?
— Ты!
— Я?! Шубку грязнить, ручки коптить?
Чхик, чхик, чхик! — Поехала дальше.
Ой, пастух идет, зайцев пасет...
— Княгиня, куда едешь?

— Догоняю счастье.
— Шахиня, как тебя зовут?
— Сары Етекли — Желтая юбка, Сатикич — Лисья шубка, Шатикич — Хамакетотой — Шампе! Вот кто я такая!

— Небесная пери, выходи-ка ты за меня, буду я тебе хорошим мужем.

— А ты к свадьбе готов? Чем гостей будем потчевать?

— Ладно, уж так и быть, давай зарежу вон того хромого зайца.

— А кто его сварит?

— Рабы и рабыни: мухи и стрекозы, тараканы, блохи, серенькие мошки.

— Ой, выйду, выйду за тебя!

Хлестнула быков — черных жуков, бричка покатила, приехала в лужу. Один жук упал, другой утонул. Бричка сломалась. Сатикич в той луже искупалась. Намокла юбка, измялась шубка. Руки загрязнила, нос разбила.

Уфф, противно смотреть!

Смеются рабы, смеются рабыни — мухи и стрекозы, тараканы, блохи, серенькие мошки:

— Вот она, княгиня, вот она, шахиня, небесная пери!

Сары — Етекли,

Сати — глупая,

Шати — дурочка,

Хамакетотой — Шампе!

ВЕТЕР ВИНОВАТ

дин мудреный старичок строил дом на горе.

— Не стоять ему здесь: ты стены вывел кривые.

— Ничего, как-нибудь устоит.

Навалил камней на крышу, чтоб дом был выше. Стены скрипят, стены трещат.

— Ну и пускай! Лишь бы не капало.

Завалил камнями щели. Стены качаются, стены шатаются.

— Это не беда! Лишь бы не дуло.

Перевернулся дом вверх дном, упал с горы и рассыпался. Рассердился старичок, побежал в суд:

— Прошу привлечь ветер к ответу: он опрокинул кверху дном очень прочный дом!

Мы на этом сегодня кончили, а вы, слушатели, будьте живы-здоровы и до тех пор живите, пока луна не ляжет бдном вам на

сковородку, а звезды с неба не рассыплются бусами внучкам на ожерелья.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Немигающий глаз

*Дорогая редакция!
Почему, когда рыбы спят, глаза у них открыты?*

*Таня Севостьянова, Мила Хилинская,
г. Фастов, Киевской обл.*

Глаза у рыб устроены не так, как у животных, живущих на суше. Почти у всех водных животных, и у рыб в том числе, глаза без век. Им веки не нужны: ведь в воде нет пыли, от которой предохраняют плаз веки, а все удары смягчаются водой. По-

этому рыбам вполне достаточно роговой оболочки. Она, как прозрачное, но прочное стеклышко, прикрывает их глаза. Поэтому-то рыбы и спят с открытыми глазами.

Г. Грин

Для чего у кошки усы?

Мы слышали, что если у кошки выдернуть один ус, то она потеряет обоняние. Правда ли это?

*Надя Кудашева, Люба Лыжина,
село Пушкарево, Свердловская обл.*

Кошка, дорогие девочки, обоняет не усами, а носом, как мы с вами.

Усы служат ей для осязания. Кошка ощущает ими твердый предмет или мягкий, шероховатый или гладкий, влажный или сухой. Она чувствует усами движение воздуха. Выдернуть у кошки усы — это все

равно что обрезать нам пальцы, с помощью которых мы осязаем.

Волоски для осязания раскиданы у кошки по всему телу, особенно их много на спине. Вот почему кошки любят, когда их гладят.

К. Костин

Самые точные часы

Как работают самые точные часы в Москве и по каким часам их проверяют?

*Сергея Смирнов,
поселок Сельцо, Брянская обл.*

Твой вопрос, дорогой Сережа, о самых точных часах в Москве очень интересен. Но чтобы ответить на него, надо разобраться, что же такое часы, какие они бывают и отчего зависит их точность.

Часами, как известно, называют прибор для измерения времени. В обычной жизни это механизм, перемещающий две стрелки. В нем есть какая-нибудь деталь, которая совершает периодические движения, — либо маятник, либо так называемый анкер. Часы, приспособленные для измерения более коротких интервалов, в несколько секунд или минут, называют секундомером. Все эти часы нам хорошо знакомы и имеют достаточную для нас точность — до долей секунды.

Но есть и другие часы. Ты, наверное, слышал о радиолокаторе, который измеряет расстояние до ле-

тящего самолета. Принцип действия радиолокатора основан на том, что радиоволны распространяются в воздухе с постоянной скоростью, которая очень велика: 300 тысяч километров в секунду. Расстояние определяют так: посылают радиоволну и измеряют время, в течение которого радиоволна долетела до самолета и вернулась обратно. Радиоволны распространяются с большой скоростью. В течение одной тысячной секунды радиоволна долетит до самолета, находящегося на расстоянии в 300 километров. Значит, необходимы часы, которые умеют измерять тысячные доли секунды. А с какой точностью? Если мы хотим измерить расстояние до самолета с точностью до одного километра, то и наши часы должны измерять время с точностью в одну миллионную долю секунды.

Такие часы существуют. Электронно-лучевая трубка такая же, как в телевизоре, служит для этих часов циферблатом. А световой зайчик на экране заменяет стрелку. Он может пересечь циферблат за одну миллионную долю секунды. Если говорить об измерении маленьких отрезков времени, то именно такие часы в радиолокаторе являются самыми точными и в Москве и в любом другом месте.

От чего зависит точность обычных, например, маятниковых часов? На точность их хода влияют и температура воздуха, и сотрясения, и влажность, и многие другие факторы. Поэтому часы, которые подают сигналы «точного времени», спрятаны в непроницаемый футляр, и футляр этот находится в подвале, глубоко под землей. Хранятся эти часы в Государственном астрономическом институте имени Штернберга. Чтобы повысить точность хода этих

часов, придумывают самые разнообразные механизмы, или, как их называют, стабилизирующие устройства. Многие стабилизирующие устройства состоят из кварцевой пластинки, обладающей замечательными свойствами. Когда к ней подводят электрические колебания высокой частоты, она начинает колебаться с той же частотой. При этом промежутки времени между колебаниями очень точны. Пластина кварца «тикает» через разные интервалы с очень высокой точностью. Вот по таким часам проверяют все часы.

А как проверяют эти точные кварцевые часы? При помощи астрономических наблюдений, которые ведутся непрерывно в течение многих лет во всех странах мира.

Ю. Калинин,
научный работник НИЗМИР

Говорят ли птицы?

Дорогая редакция!

Я хочу знать, почему попугай может говорить по-человечески, а другие птицы не могут.

Слава Суманов,
г. Новосибирск.

Надо тебе сказать, Слава, что ты ошибаешься, если считаешь, что «говорить» по-человечески может только попугай. Обыкновенных наших скворцов можно при желании научить «говорить» не хуже, чем попугаев.

Ты, конечно, знаешь, что у каждого вида птиц есть своя особая песенка. А вот у скворцов и попугаев своих песен нет. Зато их голосовой аппарат устроен так, что они легко могут подражать различным звукам. Если скворца или попугая держать в одной комнате с канарейкой, то они в конце концов выучат ее

песенку. Если при скворце или попугае часто повторять какое-нибудь слово или фразу, то они заучат ее так же, как и песню канарейки.

Но не надо думать, что попугай понимает то, что он говорит. Нет, он просто подражает звукам, которые часто слышит, и даже не подозревает, что звуки эти имеют какой-то смысл.

Поэтому-то человека, который повторяет чужие слова, не думая, не вникая в их смысл, называют попугаем.

Г. Грин

Сколько весит Земля?

Я очень хочу узнать, как ученые определили, что Земля весит 5.974.000.000.000.000.000 тонн.

Витя Кубарский,
г. Алма-Ата.

Ты спрашиваешь, Витя, как ученые определили, что Земля весит 5 974 000 000 000 000 000 тонн. Они определяли это не один раз различными способами.

Первые занялись определением веса Земли астрономы. Они вычислили вес Земли на основании того, как она движется вокруг Солнца и как вокруг Земли движется Луна. Ведь это движение зависит от того, с какой силой Солнце притягивает Землю и с какой силой Земля притягивает Луну. А сила притяжения зависит от массы тел, которые притягивают друг друга. В результате наблюдений и вычислений астрономов был впервые получен ответ.

Потом этими вычислениями занялись физики. Они решали задачу двумя способами.

Первый способ. Наблюдали, с какой скоростью качается маятник вблизи экватора и в Арктике. Ока-

залось, что на экваторе он качается медленнее; чем ближе к полюсам, тем быстрее. Это объясняется тем, что Земля сплюснута у полюсов, и там до центра Земли примерно на 20 километров ближе. Сила тяжести на земной поверхности больше в тех местах, которые ближе к центру Земли.

На основании наблюдений за маятником физики, сделав ряд сложных вычислений, получили ответ, подтверждающий ответ астрономов.

Позднее физики решили эту задачу еще одним способом: они наблюдали, как металлический шар определенного веса притягивается Землей. Из этого получился третий ответ, самый точный, но сходный с первыми двумя.

И. Бовыкина

я на вершине у Карлсона
который живет на крыше

Не смейтесь над ошибками: в семь лет вы писали не лучше. Ну да, тому, кто писал эту записку, всего семь лет, и вообще это самый обыкновенный Малыш. И мама с папой у Малыша обыкновенные, и старшая сестра обыкновенная, и брат, которому больше нравится стоять в футбольных воротах, чем у школьной доски, тоже, как видите, самый обыкновенный мальчик. И хотя живут они все далеко от нас — в Швеции, в Стокгольме, — но дом, где они живут, самый обыкновенный.

Во всем доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живет на крыше. Там, на крыше, у него есть маленький домик. Взрослые домика не замечают. Но мало ли чего не замечают взрослые!

Карлсон — заметьте, Карлсон, а не Балсон! — маленький толстый человечек, который умеет летать. За спиной у него моторчик с пропеллером. Стоит ему нажать кнопку на животе, пропеллер начинает крутиться, и Карлсон летит, важно покачиваясь на лету.

Так, жужжа, как огромный шмель, он и влетел в окно к Малышу. Случилось это в один далеко не прекрасный день, когда все шло шиворот-навыворот. Мама рассердилась на Малыша за то, что он опять порвал штаны, а папа попрекнул, что он зря слоняется по улицам после школы. Папа ведь не знал, что Малыш встретил на улице прекрасного щенка.

Дело в том, что больше всего на свете Малышу хочется иметь своего щенка. Но, как назло, все щенки, которых он встречает, чужие. К тому же мама и слышать не желает о собаке.

— Похоже, что всю жизнь проживешь вот так, без собаки, — с горечью сказал себе Малыш.

И вот, как только ему пришли в голову такие

безнадежные мысли, в окно, весело жужжа, влетел Карлсон. И жизнь заиграла, как радуга.

Как хорошо было играть с Карлсоном! Он увлекался каждой новой игрушкой ничуть не меньше Малыша. И вместе с тем он шел на такие авантюры, на которые Малыш без Карлсона, право же, не рискнул бы пойти, понимая, что это может кончиться бедой.

И беда случалась, но Карлсон не терял хладнокровия.

— Спокойствие, только спокойствие! — успокаивал он Малыша.

Что говорить, у Карлсона были недостатки. Он любил-таки прихвастнуть. Так, например, он уверял Малыша, что все стены его домика, того, что на крыше, увешаны картинами и на них он, Карлсон, изобразил великолепных петухов... Когда же Малыш залетел вместе с Карлсоном в его домик, там оказался один-единственный лист картона, в уголке которого был нарисован крохотный, как козявка, петушок.

— Картина называется «Очень одинокий петух», — пояснил Карлсон.

Однако Малыш все же был разочарован.

Но чего не простишь другу! Особенно, если друг вовлекает тебя в необыкновенные приключения — одно интересней другого!.. Да, маме с папой приходится подчас поволноваться. К тому же они не очень-то верят в существование Карлсона, считая его очередной выдумкой их сынишки-фантазера...

Когда они все же встречаются с Карлсоном и он, веселый, румяный, машет пухлой ручкой всем родным Малыша, они пускаются на хитрость...

— Обещайте мне, — говорит папа. — Обещайте мне никогда не рассказывать о том, что мы сейчас видели... Потому что нам никто не поверит... А если кто и поверит, то своими расспросами не даст нам покоя до конца наших дней.

...Вот почему, должно быть, мы с вами, ребята, до сих пор не слыхали о Карлсоне. Но вы можете узнать все как есть о нем, о его друге Малыше и о других друзьях этого друга, если прочитаете книжку шведской писательницы Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

Это очень веселая книжка, правдивая и фантастическая, и мы советуем вам почитать ее вслух

младшим братишкам и сестренкам. Юмор этой книги понятен и маленьким, и тем, кто побольше, и самым большим.

Вы найдете там рассказы о замечательных происшествиях, о которых мы здесь даже и не упоминали. И в конце вы прочитаете главу о самом несчастном и самом счастливом дне Малыша, когда он твердо решил не думать больше о собаке, и совсем не думал о собаке, и тогда... Но... «Спокойствие, только спокойствие!», как говаривал Карлсон, не нужно торопиться!.. Если вы хотите узнать, что случилось тогда, прочитайте книгу!

Ю. Новикова

ВОРОТА В МИР

Было такое место в старой, царской России. Даже не местом называли его, а уничижительно — местечком. Вдоль грязной, немощеной улицы такого местечка уныло лепились низенькие домики-халупы, испуганно глядящие на мир подслеповатыми оконцами.

В одном из подобных украинских местечек и родился герой повести Бориса Олевского — мальчик Ося. Домишко, где шло его детство, стоял на самой окраине. На крыше росла всякая всячина — мох, крапива, репей, — а в полутемной комнате в канун субботы зажигали молитвенные свечи... Осиньи родители, как все нищие евреи, постоянно чего-то боялись. Боялись они сердитого библейского бога, боялись начальства, боялись своих же, местечковых богатеев...

В местечке люди рано разучивались смеяться. Вместо беззаботного смеха у многих оставалась только печальная улыбка, горький юмор, тот самый, который так тонко передал в своих произведениях великий знаток этого быта Шолом-Алейхем.

Оттенок такой улыбчивой грусти есть и в повести «Ося и его друзья», и это придает книге Олевского особое обаяние... Но общая окраска повести совсем иная. Оно и понятно: Ося и его друзья, к счастью для них, родились позднее, чем герои печальных рассказов Шолом-Алейхема. Ося был маленьким мальчиком, когда совершились огромные события, изменившие в корне судьбы людей. Произошла революция.

Революция победила не сразу, и Осино детство трудно назвать веселым. Мальчику пришлось пережить многое: он видел, как дымилась, догорая, дома и плакали матери над мертвыми детьми, на его глазах умер любимый брат, он узнавал о гибели других хороших людей... И все же даже самые печальные страницы повести будят у нас какое-то гордое чувство, чувство подъема, решимости. Такое чувство бывает во время большой грозы, вроде той, которая описана на одной из страниц этой книги... Могучие грозы очищают воздух.

Как бы горько ни приходилось Осе, мы понимаем: он выходит на широкую дорогу. Жизнь, порою жестоко, учит его настоящей любви и настоящей ненависти.

В повести есть такой короткий разговор, за которым чувствуется добрая и умная улыбка автора.

«— Кто такие рабы? — спрашивает у брата маленький Ося, за-

думавшись над словами «Интернационала».

— Какие рабы?

— Те, о которых поют, что они встали!..»

Тут следом за автором улыбается и читатель. Он понимает, как наивен этот вопрос в устах мальчика, который со всех сторон окружен вот этими самыми «рабами». Разве не были «рабами» его родители и близкие, бесправные, запуганные, униженные, неспособные даже на настоящий гнев? Ося и его друзья никогда не будут такими рабами. Свежий ветер ворвался в затхлое местечко. Нет больше местечка! Нет больше рабов!.. О новых людях, трудно, но упрямо пробивающихся к большой, яркой жизни, правдиво и увлекательно рассказывается в повести.

Поезд уносит мальчика Осю, перед ним ворота, распахнутые в широкий мир... Автор мечтал рассказать нам о юности Оси. Мечтал, но не успел: он был в расцвете творческих сил, когда его сразила фашистская пуля.

Очень жаль, что нам не удастся прочитать этой ненаписанной повести. И все же, читая книгу об Осинем детстве, мы, пожалуй, можем представить себе, каким стал бы Ося потом. Должно быть, это был бы мужественный, веселый, жадный к жизни и любящий людей человек. Такой, каким описан в предисловии сам автор книги, — талантливый писатель и храбрый солдат Борис Олевский.

Ю. Савицкая

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Бывает так: повстречаешь хорошего паренка, он немного угловатый по характеру, ершистый и задиристый, но прямой, честный. Потом потеряешь его из виду, но нет-нет и вспомнишь с беспокойством: что стало с ним в жизни? Уж очень горяч да неуступчив! У таких легкой судьбы не бывает.

Что случилось с Гришей Шумовым, с которым ты, читатель, встретился в книге А. Кононова «Верное сердце»? Из первой части этой книги ты узнал, как Гриша еще совсем мальчонкой помогал «лесным братьям» — латышским повстанцам 1905 года. Ответы пожаров и восстаний озаряли детство Гриши.

Что же случилось позже с ним и его ровесниками?

Об этом рассказывает последняя книга А. Кононова «Зори над городом». В ней встречаем Григория Шумова уже студентом.

Синий околыш фуражки, форменная тужурка с ясными пуговицами... Да полно, Гришка ли это — босоногий друг «лесных братьев»?

Как сумел сын садовника попасть в высшее учебное заведение в 1914 году? Да еще озорник, исключенный из училища за какую-то шалость! Помещичьим сынкам школьные проделки с рук сходили, а Григория Шумова за мелочь исключили. Уж очень не нравился он инспекторам, подозрительный паренек: дружит с латышами, живет на квартире у известного бунтовщика Редаля. Выгнать мальчишку из училища, пусть идет обратно к сохе!

Сильная воля, трудолюбие, упорство помогли Грише одолеть программу — сдать экстерном экзамены за среднюю школу. А жил одинокий подросток в ту пору на

свои гроши, уроками подрабатывал. Но разве одному Грише трудно жилось в те далекие годы, когда путь к науке для «кухаркиных детей» был усыпан бесчисленными терниями? Не его одного не могли поддержать родители, прокормить в годы учения.

Вспомни детство Антона Павловича Чехова. Разорившаяся семья Чеховых уехала из Таганрога, Антона оставили заканчивать учение. И пришлось подростку три долгих года жить на копеечный заработок, в холод и сякоть бегать по урокам, репетируя богатых неучей. Бедность, по собственному признанию писателя, «мучила, как зубная боль». И Чехов сумел закончить гимназию, на свои гроши добрался он до Москвы и поступил в университет.

Только самым талантливым и самым упорным юношам из бедных семей удавалось сдать экзамены в высшее учебное заведение. И вот таким оказался Григорий Шумов — герой книги «Верное сердце». Он был принят в университет. А в Петербургский университет пролетарию очень трудно было попасть!

Чиновники учебного округа и царская охранка зорко следили, чтобы не проникло в стены университета вольное слово, революционная мысль. Чтобы, упаси боже, не распространилось среди студентов «вольномудство».

А оно распространялось тайно, но неуклонно. Ведь на окраинах Петербурга, в корпусах гигантов-заводов, нарастало, подымалось революционное кипение. Шла мировая война, гибли на фронтах рабочие и крестьяне в серых шинелях. С заводов и фабрик проникало в студенческие аудитории ленинское слово.

В Петербурге встретил Гриша Шумов и многих старых знакомых: сына лесника Яна Редаля, сына подрядчика Евлампия Лещова, дочь путиловского слесаря Нину Таланову и многих других. Все выросли, все изменились, а все же в главном остались прежними.

Сказочно разбогател на войне, на поставках кожи в армию, отец Евлампия Лещова и смог избавить сынка от ужасов фронта. Раненный на фронте, стрелок Ян Редадь узнал в окопах солдатскую правду, вступил в подпольную большевистскую организацию. И, конечно, всем сердцем на стороне борющихся рабочих была дочь путиловского рабочего Нина Таланова. Сложно переплелись нити судеб и других Гришиных сверстников, настойчиво искавших свое место в жизни в те бурные дни.

Ну, а сам Гриша Шумов?

Человек «верного сердца», он пошел по пути, указанному еще в детстве «лесными братьями», по пути трудового народа, из которого сам вышел.

Студент Григорий Шумов в дни первых боев и стычек революционного студенчества с жандармами шел в одном ряду с рабочей молодежью.

О кануне Великого Октября, о студенческой молодежи тех лет написана эта книга. И, читая о мытарствах Григория Шумова, ощущаешь величие социалистического переворота, который впервые в истории человечества открыл миллионам широкий, свободный путь к знанию.

Р. Канделаки

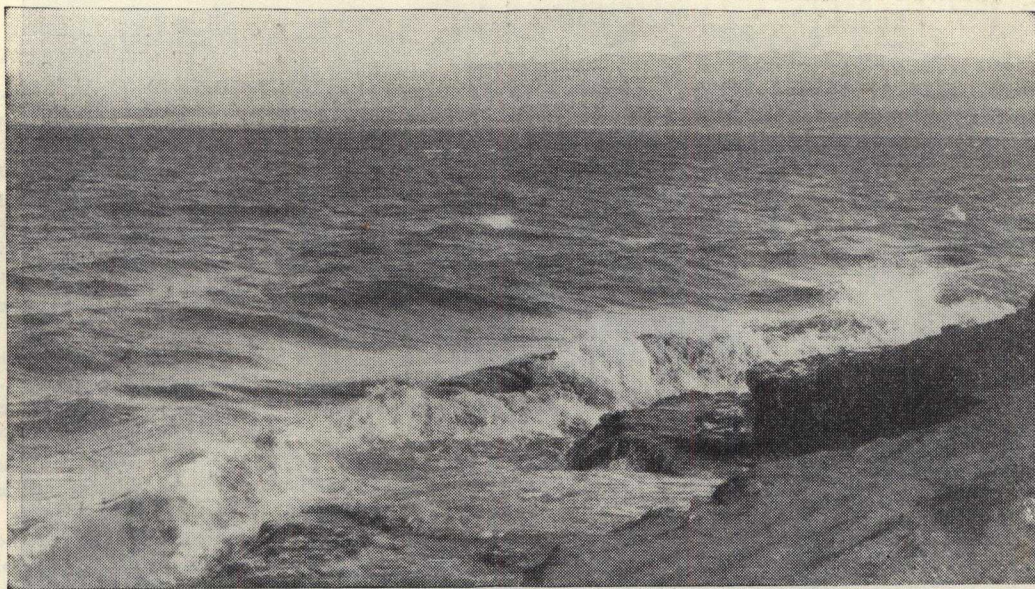

Фото А. Полякова.

МОРЕ В ПУСТЫНЕ

Это море вы не найдете на картах, хотя оно существует. Но существует совсем недавно, и его еще не успели нанести на карты. Недавно мне довелось побывать на этом новом, Таджикском море. Я купался там, катался на глассере по его волнам.

Как же образовалось Таджикское море? Его создали советские люди для выработки электроэнергии и для орошения хлопковых полей, садов и виноградников.

У могучей среднеазиатской реки Сыр-Дарья своенравный характер: то она спокойна и тиха, то вдруг вспенится, забурлит и начнет куролесить. В прежние времена уходили люди от Сыр-Дарьи. Дехкане сложили много песен о том, как трудно бороться с бурными водами этой реки.

Пустынны были и берега реки. Народ издавна называл здешние места Кайрак-Кум (наждачный песок).

Но вот в 1951 году в пустыню пришли люди. Они разбили палатки на потрескавшейся от зноя земле. А скоро здесь вырос четко спланированный поселок, который вы видите на фотографии. Сейчас в нем сотни жилых домов, прямые асфальтированные улицы. Есть здесь превосходный Дом культуры, кинотеатры, стадион, школа. В этом городке живут гидростроители. Это они построили Кайрак-Кумскую электростанцию в том месте, где Сыр-Дарья делает большую петлю.

Сначала реку потеснили, осушив место для большого котлована. Затем, когда в котловане выросла гигантская железобетонная плотина, строители перекрыли русло Сыр-Дарьи камнем и бетонными пирамидами и пропустили ее воды через плотину.

Уже больше года две турбины ГЭС дают электрический ток трем республикам: Таджикистану, Узбекистану и Киргизии. Весной этого года пущен еще один агрегат, а к концу года строители обязались привести в движение остальные турбины.

Мощность ГЭС достигнет 150 тысяч киловатт.

Турбины, генераторы и пульта управления Кайрак-Кумской электростанции размещены в теле водосливной плотины. Вы можете спуститься на лифте вниз, в просторное светлое помещение. Сюда не доносится шум стройки. Дежурный техник наблюдает за приборами. Нажав на ключ, он открывает доступ воды к рабочему колесу, лопасти колеса разворачиваются, и турбина начинает вращаться, приводя в движение генератор.

Но Сыр-Дарья дает не только электроэнергию. Здесь создано величайшее в Средней Азии водохранилище, которое раскинулось на 50 тысяч гектаров. Таджикское море — это чудесная водная копилка. Здесь во время сыр-дарьинских паводков будет задерживаться вода, в маловодные периоды эта вода бу-

Новый город вырос на берегу Таджикского моря.

дет сбрасываться в низовья реки. Сыр-Дарья не будет больше мелеть летом.

Но и это не главное. Постройка гидроузла на Сыр-Дарье позволит осуществить давнишнюю народную мечту об орошении неоглядных просторов Голодной степи.

Кайрак-Кумскую электростанцию в народе называют «Дружба народов». И не только потому, что она обслуживает три республики.

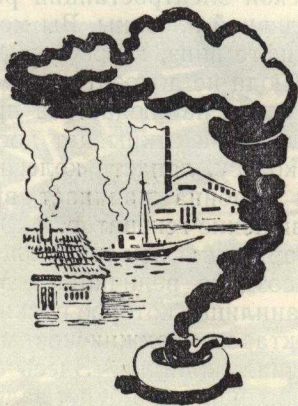
В сооружении ее участвуют люди тридцати восьми национальностей. Здесь, в Кайрак-Куме, приобрели различные строительные профессии более тысячи местных жителей.

...Сыр-Дарья по-таджикски означает «таинственная река». Советские люди разгадали тайны могучей реки, заставили ее верно служить человеку.

А. Осипов

Короткие сказки

Тщеславная трубка

Жила-была на свете трубка. Обыкновенная трубка, которую курят. Никто, кроме хозяина, не обращал на нее внимания. И от этого трубка места себе не находила. Вот в один прекрасный день принялась она дымить. Пыхтела, пыхтела — столько дыму напустила, что ее уже и не видно. Один дым сплошными облаками стелется.

— Интересно бы знать, что делают на этом заводе, — сказала себе фабричная труба, увидев дымовой столб.

«Интересно, какие блюда жарятся и варятся в этой кухне?» — подумал конек крыши дома, в котором была столовая.

— Интересно, куда идет этот пароход? — спросил буксир, стоявший у пристани.

А когда мы объяснили, что трубка пускала дым просто для того, чтобы обратить на себя внимание, они долго не хотели верить. Еще бы, ведь они-то не сидели сложа руки! И всем своим знакомым они приписывали достоинства, которыми обладали сами.

Ну разве это так уж плохо?

ТЕЛЕВИЗОР НА ЛОКОМОТИВЕ

С каждым днем богатеет наша Родина. И все, что производят тысячи заводов и фабрик, колхозов и совхозов, шахт и рудников, надо развезти, доставить во все концы страны. Вот почему по нашим железным дорогам непрерывно идут грузовые поезда, движутся они с огромной скоростью, с промежутками между поездами всего в несколько минут.

В погожий день машинист далеко видит путь впереди, он вовремя может затормозить, чтобы не наскочить на почему-либо остановившийся впереди поезд. В ясную ночь машинист предупредит об опасности далеко видимые красные огни световых фар.

А вот что делать машинисту в густом осеннем тумане или в зимнюю непогоду, когда и в двадцати шагах уже ничего не разглядишь? Ведь на таком расстоянии не остановишь поезд, растянувшийся на километр, весом в четыре тысячи тонн, который мчится со скоростью семидесяти километров в час!

Да при такой скорости вообще можно и не заметить запретных огней, проскочить мимо.

И все же машинист не снижает скорость движения даже в самую скверную погоду. У него есть надежный автоматический помощник — автостоп. Даже если машинист не заметит красного сигнала, этот прибор сам остановит поезд.

В кабине локомотива установлен маленький световый фар. В случае опасности он ярко вспыхнет, и зазвучит тревожный сигнал. А за ним, нередко опережая движения рук машиниста, автомат включит экстренное торможение, и поезд автоматически остановится.

Теперь у машинистов появился еще один помощник — телевизор.

Но чем может помочь телевизор машинисту в туман или метель? Ведь дикторы телевизионных центров иной раз предупреждают телезрителей: «В связи с сильным снегопадом видимость будет слабая, с частыми затемнениями».

Если телевизионный центр с его мощными установками не может обеспечить ясного видения при плохой погоде, так по силам ли это маленькой установке на локомотиве? Обычному телевизору не по силам. На локомотиве устанавливают «телеглаз» — приемную трубку, которая обладает особенной, совершенно чудесной зоркостью. Она принимает не обычные световые лучи, которые задерживаются туманом, а невидимые, инфракрасные лучи, которые легко проникают сквозь туман. Они-то и дают на экране четкие изображения.

...Вот мы на локомотиве, на котором находится телеустановка. Поезд мчится сквозь густой туман осенней ночи. В широкие окна кабины ничего нельзя разглядеть впереди: лучи сильного прожектора и фар тонут в молочной мгле.

Машинист включает телевизионную установку. Ярко вспыхивает голубоватый экран. На нем отчетливо видны рельсовый путь, переезды, телеграфные столбы и уютные домики железнодорожников.

Раньше полагали, что кошки видят в полной темноте. Но это неверно. И кошки, и совы, и летучие мыши не видят в полной темноте. Они видят только когда есть свет, хотя бы и очень слабый. А инфракрасный телевизор, который начали применять на наших железных дорогах, не нуждается и в малейшем проблеске света.

Такие сверхзоркие приборы помогут и диспетчеру: он ночью издали сможет наблюдать, как составляются и маневрируют поезда.

Ю. Моралевич

Джанни Родари

Почему ревет осел

В давние-давние времена, говорится в одной сказке, осел умел петь лучше оперного тенора. Как-то раз велел лев, царь зверей, собраться всем на лесной поляне, и, когда все явились, он спросил:

— Кто из нас самый красивый?

— Й-я-я-я-я! — сразу же крикнул осел.

— Будь по-твоему, отныне мы станем считать тебя самым красивым. А кто из нас самый сильный?

— Й-я-я-я-я! — закричал осел, прежде чем кто-нибудь другой успел раскрыть рот.

— Отлично, — промолвил лев. — А кто из нас самый глупый?

— Й-я-я-я-я! — поспешно заревел осел, боясь, как бы его не опередили.

Звери чуть не лопнули от смеха. А бедняга-осел от стыда потерял голос. С тех пор он не может петь и только печально ревет:

— Й-я-я-я-я!

Перевел с итальянского Ю. Ильин.

Весело на Коньках

М. ЧЕРЕВКОВ

Если ты впервые встал на коньки, тебе трудновато справиться со своими непослушными ногами: они стремительно скользят то вперед, то назад, и ты падаешь на спину или на четвереньки.

Тебе хочется поскорее научиться кататься на коньках? Как и во всяком деле, лучше всего помогут тебе товарищи (рис. 1).

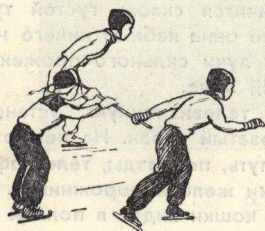

Рис. 1.

Когда едешь на «буксире», держи ноги твердо, чтобы они не подворачивались. Попробуй отталкиваться то правым, то левым коньком. Толчок надо делать внутренним ребром лезвия конька.

Как только почувствуешь себя более или менее уверенно, попробуй кататься один. Ты, конечно, будешь падать, но уж без этого никак нельзя.

Итак, смелее! Отпусти палку, поставь коньки носками наружу: так устойчивость больше. Чуть согни ноги, наклонись вперед и сделай несколько скользящих шагов.

Через несколько дней тебе уже легко будет кататься. Но, научившись делать коротенькие шаги, не воображай, что ты стал уже отличным конькобежцем, отрабатывай повороты, учись тормозить.

И еще одно: я наблюдал, как многие ребята шалят на катке: толкают других, ставят «подножки». Это никуда не годные развлечения, опасные шутки. Есть много интересных упражнений и игр на коньках, которые гораздо интереснее шалостей. Эти упражнения помогут подготовиться и к скоростному бегу, и к хоккею, и к фигурно-

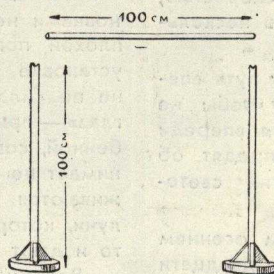

Рис. 2.

му катанию. О некоторых из этих упражнений я расскажу. Только предварительно сделай вместе с товарищами в школьной мастерской несколько разборных барьерчиков (рис. 2).

Рис. 3.

НЕ ПЕРЕСЕКАЯ ЛИНИИ

Со старта бегут двое ребят. Добежав до линии, проведенной синькой на льду вдоль дорожки, они перестают отталкиваться и скользят вперед так, чтобы синяя линия все время оставалась между коньками (рис. 3). Кто быстрее доедет до конца линии?

Рис. 4.

ПОД ВОРОТЦАМИ

Попробуйте с разбегу проехать в низкой посадке под тремя — четырьмя воротцами (рис. 4). Если установить воротца в два ряда, можно провести эстафету. Первые игроки каждой команды проскальзывают под воротцами, бегом

возвращаются к своим командам и передают палочки следующим игрокам. Чья команда раньше закончит передачу эстафеты?

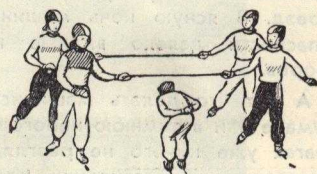

Рис. 5.

ЖИВОЙ КОРИДОР

Вот так выглядит живой коридорчик (рис. 5). Его можно сделать и длиннее. Ребята, которые образуют коридорчик, медленно скользят, а другие ребята, построившись в затылок по одному, едут к ним навстречу и проскальзывают сквозь коридорчик.

ВВЕРХ — ВНИЗ

А кто сумеет вот таким образом проскочить в воротца (рис. 6)? Победит тот, кто не собьет воротец и будет полностью выпрямлять ноги после приседания.

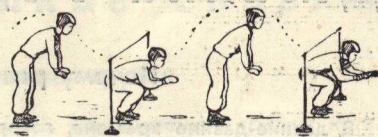

Рис. 6.

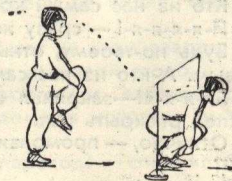

Рис. 7.

Еще труднее скользить к воротцам на одной ноге, подняв другую ногу (рис. 7).

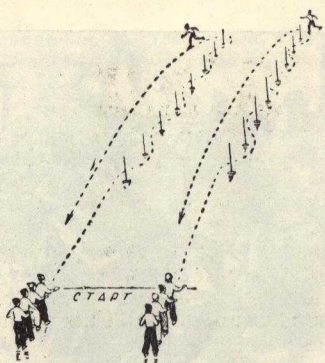

Рис. 8.

«ЗМЕЙКОЙ»

Можно устроить эстафету «змейкой» (рис. 8). Чтобы быстро обогнуть все восемь стоек, надо отлично делать повороты. На рис. 9 показано, как делать поворот влево.

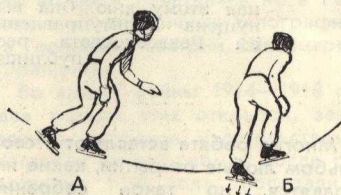

Рис. 9.

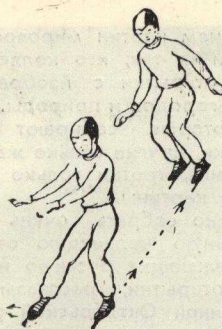

Рис. 10.

СПИНОЙ ВПЕРЕД

Кто не умеет скользить на коньках спиной вперед, тот не сможет играть в хоккей или заниматься фигурным катанием. Обязательно научитесь так кататься. Поставьте коньки параллельно и, пружинисто полуприсев, поверните колени влево. Тогда левый конек станет на наружное ребро, а правый на внутреннее, причем пятки коньков отклонятся вправо. Слегка разгибая ноги в коленях, вы нажимаете ребрами коньков на лед и начинаете скользить назад (рис. 10).

Затем снова полуприседа и поворачивая колени вправо, вы

переводите коньки на противоположные ребра, а пятки коньков отклоняются влево. Так зигзагами и скользите назад.

Позже вам будет нетрудно научиться скользить назад, поочередно отталкиваясь коньками.

КАК РАБОТАЮТ ТОРМОЗА

Все, кто катается на коньках, особенно хоккеисты, должны уметь резко тормозить. На рисунке 11 показано торможение «плугом». Надо резко повернуть на девяносто градусов, сильно упираясь коньками в лед.

Это хороший способ торможения, хотя и трудноватый. Проведите эстафету с переноской матерчатых жгутов. Против каждой команды на расстоянии двадцати — тридцати метров от линии старта начертите синькой кружок и положите в него жгут. Добежав до кружка, надо резко остановиться, поднять жгут и побыстрее вернуться обратно.

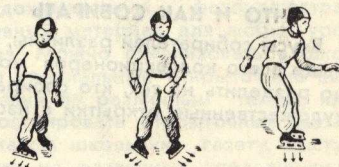

Рис. 11.

НА НАШЕМ ДВОРЕ

Музыка Виктора Кручинина.
Слова Николая Малышева.

Сложили гору школьники
Зимую во дворе,
И помогали дворники
Веселой детворе.
С горы дорожкой ледяной,
Дорожкой ледяной,
Катались в санках мы зимой,
Катались мы зимой.
Растаял снег на улице,
Давно ему пора.
Одна гора сутулится
Средь нашего двора.
Не хочет солнцу уступать,
Не хочет уступать.
В футбол мешает нам играть,
Мешает нам играть.
И вот сегодня вечером
Ребята собрались
И за работу весело
И дружно принялись.
Ломали гору школьники
Весною во дворе,
И помогали дворники
Веселой детворе.

ЭРМИТАЖ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

(О коллекционировании открыток)

Трудно даже сказать, сколько людей коллекционирует художественные открытки. Мне кажется, что этот вид собирательства самый интересный и полезный. Наверное, потому, что я сам увлечен им.

Наиболее распространено собирание изображений картин русских и иностранных художников — как старых мастеров, так и современных.

ЧТО И КАК СОБИРАТЬ

Вкусы собирателей различны, но чаще всего коллекционеров можно разделить на тех, кто собирает художественные открытки с изоб-

ражением картин мировой живописи, и на тех, кто коллекционирует открытки с изображением видов городов и природы.

Некоторые собирают только пейзажи, другие только жанровую живопись, третьи только исторические картины.

Можно собрать очень содержательную коллекцию открыток, отображающих русскую историю. Есть открытки, рассказывающие о Великой Октябрьской революции и гражданской войне, об истории нашей страны и народов, живущих на территории СССР.

Те, кто увлечен этнографией, могут собрать богатейшую коллекцию с изображением одежды, обычаев и праздников разных народов. Веселую коллекцию составят карикатуры и шаржи.

И, разумеется, те, кто любит живопись, могут составить очень богатые коллекции по отдельным музеям и картинным галереям. Вы сможете иметь в своем книжном шкафу или в ящике письменного стола Третьяковскую галерею, Русский музей, Эрмитаж, Лувр, Лондонский национальный музей, Дрезденскую галерею и т. п.

1 Мая 1920 года трудящиеся всей страны вышли на субботник.

Вот открытка, посвященная этому дню. Она выпущена Политуправлением Реввоенсовета республики.

Многие ребята вставляют в свой альбом любые открытки, какие им нравятся, но такое собрание приобретает характер коллекции лишь тогда, когда открытки систематизируются по эпохам, странам, художникам.

Кроме того, можно и очень интересно собирать открытки по темам. Таких тем может быть много. Вот некоторые из них: 1) **Исторический портрет** — изображения государственных, политических деятелей, ученых, писателей, художников, композиторов, артистов и т. д. Есть коллекционеры, которые собирают, например, все, что связано с именем Пушкина: его портреты, места, где он бывал, жил, портреты его друзей и знакомых, иллюстрации к его сочинениям и т. д. 2) **Сказка. Фольклор**. Иллюстрации к легендам, сказаниям, былинам, частушкам, песням, загадкам, пословицам. 3) **Виды городов в изображении художников и фотооткрытки**. Отдельно интересно собирать виды Москвы, Ленинграда, Киева и столиц союзных республик. Очень большую коллекцию могут составить виды Кавказа, Крыма, Сибири, виды Волги и других рек. 4) **Архитектурные памятники** — старинные здания, новые дома, целые архитектурные ансамбли. 5) **Цветы. Натюрморты**. 6) **Птицы. Звери**. 7) **Спорт**. Открытки, выпущенные к олимпиадам, спартакиадам. 8) **Скульптура**. Про-

Оборотная сторона открытки, выпущенной в 1921 году Комитетом помощи голодающим.

«Траурное» извещение. Эта открытка выпущена в 1917 году, сразу после свержения царя.

изведения, выставленные в музеях, а также памятники на площадях.

РЕДКИЕ ОТКРЫТКИ

Как для филателиста есть марки, которые легко приобрести, и есть редкие марки, которые трудно достать, так и для филокартиста есть открытки распространенные и есть редкие открытки.

Что же такое редкая открытка?

Прежде всего это такая открытка, которая выпущена небольшим тиражом (тысяча, пять тысяч экземпляров); такие открытки давно разошлись и сразительно редко попадают в продажу или в обмен. К редким открыткам относятся и те, тираж которых подвергся воздействию какого-нибудь стихийного бедствия (например, пожар в типографии или на складе).

К редким открыткам русских сюжетов относятся и такие, тиражи которых печатались не в России, а в зарубежных типографиях (в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции).

Во время войны 1914—1918 годов тиражи этих открыток, заказанных русскими издательствами, застряли за рубежом и после революции 1917 года попадали к нам лишь отдельными экземплярами.

Самые редкие открытки, «уникумы», — это те, которые были выпущены издательствами как пробные и не были напечатаны массовым тиражом, или это оригиналы, сделанные для издательства рукою художника (в акварели или масле). Оригиналы эти, как правило, хранились в издательских конторах.

Несколько таких редчайших открыток имеется и в моей коллекции, насчитывающей около двадцати пяти тысяч штук.

В моей коллекции есть отдельный альбом оригинальных открыток. В нем собраны открытки, отпечатанные на жести, материи, коже, вышитые шелком, сделанные из кусочков разноцветного дерева, из кусочков разных материй. Открытки с металлическими предметами, открытки-забавы.

Самая большая коллекция открыток в СССР имеется у Н. С. Тагрина в Ленинграде. Она насчитывает свыше четырехсот тысяч штук. Основную часть ее составляют виды городов всего мира.

Сам владлец этой замечательной коллекции Николай Спиридонович Тагрин много лет руково-

Это тоже редкая открытка. Польский художник Таде Стык нарисовал трех величайших певцов — Энрико Карузо, Тито Руфо и Федора Шаляпина.

дит филокартистской секцией при Ленинградском Дворце пионеров.

Собирание открыток, как и всякое коллекционирование, — хорошее, полезное увлечение. В нем есть и свой азарт и свои победы. Ведь как интересно пополнить в свою коллекцию открытки из старинного альбома, пролежавшего где-нибудь на дне сундука! Или достать маленькую копию картины любимого художника!

КАК ХРАНИТЬ ОТКРЫТКИ

Как правило, хранятся открытки в альбомах. Страницы альбомов наши издательства делают так, что в прорезы можно вставлять и старую открытку малого формата (14×9 см) и открытку большого формата (15×10,5 см). Чтобы вынуть открытку из альбома, не разрывая прорезов, сперва берут ее за правый край и вынимают из правых прорезов, а потом, выдвигая вправо, вынимают из левых прорезов. Некоторые коллекционеры хранят свои открытки в длинных ящиках, коробках или конвертах.

Мы считаем, что наиболее удобно и красиво держать их в альбомах. Получается, так сказать, ваш домашний музей, который с большим удовольствием и пользой для себя перелистывают, смотря ваши друзья.

Чтобы открытку не вынимали из альбома с тем, чтобы посмотреть ее название и фамилию художника, многие коллекционеры под открыткой наклеивают полосу бумаги, на которой напишут ее данные.

Пионерская организация любой школы может из своих филокартистов — любителей открыток — создать специальную группу, которая будет подбирать интересный художественный, фотоиллюстративный материал для любых уроков. Можно организовать в школе специальные открыточные выставки по различным темам, иллюстрировать открыточным материалом школьную газету, выступать на различных праздничных выставках школы.

КАК РАСТЕТ КОЛЛЕКЦИЯ

Наши советские издательства выпускали и выпускают большое количество открыток, и при этом такими большими тиражами, каких не знали старые издательства. Это дает возможность собирать новые открытки во всех городах Советского Союза.

Однако коллекционеру всегда интересно иметь не только новые выпуски, но и старые открытки русских дореволюционных издателей и издательств зарубежных. Вот тут-то расширению коллекции помогает обмен. Каждый коллекционер должен иметь обменный фонд из дубликатов.

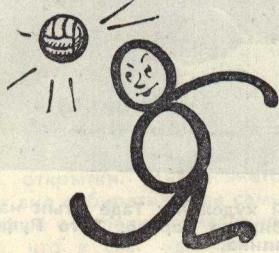
Я знаю многих художников, искусствоведов, любовь которых к изобразительному искусству зародилась именно в детские годы, пришла вместе с собиранием художественных открыток.

Коллекционирование художественных открыток, безусловно, расширяет культурный горизонт, приучает любить, ценить и понимать искусство.

И. Чичеров

В часы ДОСУГА

ФУТБОЛИСТ ЦИФРИКИН

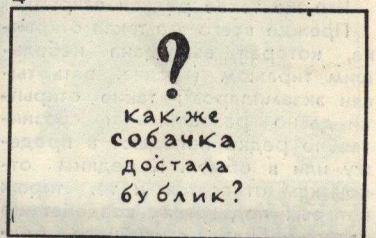
Внимательно рассмотрев этого веселого футболиста, скажите, из каких шести цифр состоит его фигурка.

ЧЕМ ЗАИНТЕРЕСОВАЛАСЬ ЛОШАДКА

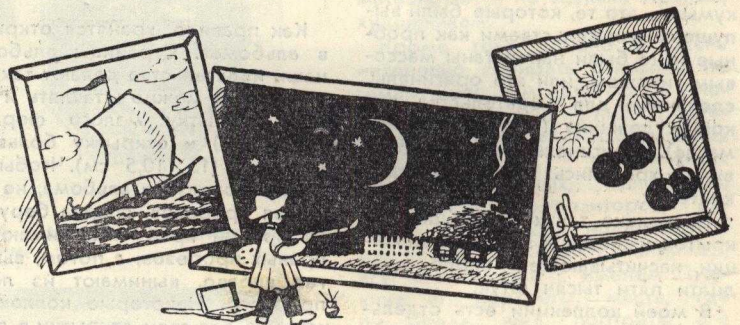

Лошадка с интересом смотрит на написанные здесь непонятные буквы: таких ведь нигде не увидишь.

Посмотрите и вы внимательно на эту странную надпись и подумайте, как с помощью маленького зеркала можно ее прочесть и узнать, чем заинтересовалась лошадка.

РАССЕЯННЫЙ ХУДОЖНИК

Что ни картина, то ошибка: скажите, что напутал художник.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 11

Из одного слова — три других
Уран. Руан. Нура. Урна.

Поищите на карте

Таз — река в Тюменской области. Лопатка — мыс на Камчатке.

Отнимая по одной букве

Париж. Пари. Пар. Па.

Сложите пословицу

Нового друга желай, а старого не забывай.

Деятель искусства

Левитан — выдающийся живописец, родился в 1861, умер в 1900 году. Его произведения: «Березо-

вая роща», «Вечер на Волге», «После дождя», «Золотая осень», «Владимирка», «Над вечным покоем», «У омута».

Ребус

Доброе братство дороже богатства.

Содержание журнала «Пионер» за 1957 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Заместитель чабана.— Рассказ А. Хрипановского.— № 1.
Ночной человек.— Рассказ Джона Моррисона. Перевела с английского И. Архангельская.— № 1.
Носики.— Рассказ Виталия Третьякова.— № 1.
Домик у края пустыни.— Рассказ В. Орджоникидзе.— № 1.
Приключения лисички.— А. Тараданкин.— № 1.
Следы остаются.— Приключенческая повесть Павла Вежинова. Перевод с болгарского В. Диденко.— №№ 2, 3, 4, 5.
Письмо с катера.— Рассказ А. Мошковского.— № 3.
Маленькая индианка.— Рассказ Ю. Клименченко.— № 3.
Скворцы.— Б. Тихомолов, Герой Советского Союза.— № 3.
Начало.— Повесть М. Прилежаевой.— №№ 4, 5.
Гость из Яз-Явана.— Рассказ Эдуарда Бабаева.— № 4.
Шли лихие эскадроны. Чижик.— Рассказы Р. Погодина.— № 4.
На берегах Ангары.— Рассказы А. Мошковского.— № 5.
Красный галстук Феди Кострюка (Главы из повести «Жил-был мальчик»).— Н. Ивантер.— № 6.
На озере.— Рассказ Ю. Нагибина.— № 6.
Соболь. Хитрый бурундук. Ворон.— Рассказы Г. Снегирева.— № 6.
Воскресный день.— Рассказ Маргарет Трист. Перевел с английского Ю. Хазанов.— № 6.
Первая ступень.— Рассказ М. Бременера.— № 7.
Колька-премьер.— Повесть Натальи Дуровой.— № 7.
Сомбреро.— Комедия С. Михалкова.— № 8.
Кинохроника.— Рассказ Юрия Сотника.— № 8.
Мой друг слон.— Повесть Войцеха Жукровского. Перевел с польского Я. Немчинский.— №№ 8, 9.
Холодная закладка.— Рассказ Е. Пермяка.— № 8.
Звездный человек.— Научно-фантастический роман А. Полещука.— №№ 9, 10, 11, 12.
Изгнание.— Рассказ А. Мошковского.— № 9.
Рассказы о Петре и его времени.— С. Алексеев.— № 9.
Дяденька.— Рассказ В. Житкова.— № 9.
Рассказы о скромных подвигах.— М. Коршунов.— № 10.
Сверчки.— Рассказ Жень Да-линя. Перевод Ю. Осипова.— № 10.
Бичи.— Рассказ И. Рахтанова.— № 10.
Тюльпаны.— Рассказ Арапа Курбанова. Перевод с туркменского Ю. Трифонова.— № 11.
Золотой поезд.— Повесть Ю. Дмитриева.— № 11.
Оленкина вина.— Рассказ А. Девяткина.— № 12.
Дикие гуси.— Рассказ С. Ларионова.— № 12.

СТИХИ

Две загадки.— Я. Аким.— № 1.
Ударил мороз. Снегопад.— В. Берестов.— № 2.
Солнечная песенка.— В. Товарков.— № 5.
Маленькая Майка.— Я. Аким.— № 5.
Песенка хлеба. Песенка садовника.— Я. Аким.— № 6.
Из баллады о Робине Гуде и ма-

леньком Джоне.— Перевод Марины Цветаевой.— № 6.
Старый напрал.— Пьер Жан Беранже.— № 7.
В поход.— Юрий Гордиенко.— № 8.
В лесу.— И. Василевский.— № 8.
Нерпа и медведь. Охота на моржей.— Виктор Кеулькют. Перевел с чукотского Н. Старшинов.— № 9.
Италия. Раскладушка. Чайник.— Н. Кордо.— № 10.
Осень в лесу.— А. Гонтарь. Перевод с еврейского В. Берестова.— № 10.
Нам снились тревожные трубы.— Валентин Сидоров.— № 11.
Утро. Первый арбуз.— Ф. Искандер.— № 11.
Обучение коня.— Цэрен Бадмаев. Перевод с бурят-монгольского Н. Глазкова.— № 12.
Сказка о том, как правда все-таки победила.— Джанни Родари. Перевел с итальянского Вл. Файнберг.— № 12.
В поморье. Сеть.— Ю. Коринец.— № 12.

СКАЗКИ

Почему петух поет на заре?— Р. Кушников.— № 1.
Перя-богатырь (Коми-пермяцкая сказка).— Перевели Н. Белинович и Ф. Плесовский.— № 2.
Сказка о принцессе Сулейманской.— К. Чапек. Перевод с чешского Б. Заходера.— № 3.
Нерассказанный сон (Русская сказка).— № 4.
Разбитая чаша (Узбекская сказка).— Пересказали А. Александрова и М. Туберовский.— № 5.
Черепаша и мудрость мира (Сказка народов Нигерии).— Перевод К. Федоровой; **Пунни и акулы** (Гавайская сказка).— Перевод Л. Юрева; **Самое большое богатство** (Турецкая сказка).— Перевод Ю. Плотнокова; **Крестьянин и тигр** (Вьетнамская сказка).— Записал А. Пыжиков; **Поп и осел** (Испанская сказка).— Перевели С. Гилянов и В. Низский; **Три мудреца** (Китайская сказка).— Перевел В. Соседов.— № 7.
Почему змеи ползают на брюхе. Старуха и медведь (Мордовские сказки).— Литературно обработала Н. Надеждина.— № 8.
Как бедняк бая обманул. Два брата. Бай и змея (Хакассские сказки).— Перевел В. Балтер.— № 10.
Две карачевские сказки.— А. Гарф.— № 12.
Тщеславная трубка. Почему ревет осел.— Джанни Родари.— № 12.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

Встречи с китайскими пионерами.— Р. Измайлова.— № 1.
Новичок приходит в полк.— В. Аграновский.— № 2.
Борьба продолжается.— Гарри Айзман.— № 2.
За океаном.— И. Иванов.— № 5.
В Париже.— И. Иванов.— № 6.
Неколебимо, как Россия (к 250-летию Ленинграда).— Очерк Л. Успенского.— № 6.
Что такое фестиваль.— А. Аджубей.— № 7.
Веселое путешествие.— Ю. Новиков.— № 7.
Рассказывают делегаты фестиваля.— № 8.
Это твоя Родина!— № 11.

Рассказы японских школьников.— № 12.
Море в пустыне.— А. Осипов.— № 12.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Навстречу шторму.— В. Успенский.— № 1.
Человек за бортом.— Рассказ П. Михайлова.— № 2.
Большое лето.— Очерк Ирины Стрелковой.— № 2.
Сквозь таежные дебри.— Очерк Ю. Новиковой.— № 3.
Рассказы о юных героях.— № 11.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ

Конец двуглавого орла.— Е. Манучарова.— № 3.
Ленин приехал.— С. Караханян, Е. Рубцова.— № 4.
Как Шура был в гостях у Ленина.— А. Корнеева.— № 4.
День дружбы и борьбы: История Первомай.— Г. И. Петровский; **Старое, но грозное оружие.**— Гарри Айзман.— № 5.
Есть такая партия!— № 6.
Партия уходит в подполье.— № 8.
Заговор генерала Корнилова.— № 9.
Он хотел вас видеть такими (О Ф. Э. Дзержинском).— С. Дзержинская.— № 9.
Из писем Ф. Э. Дзержинского.— № 9.
Большевики готовят восстание.— № 10.
В шестнадцать мальчишеских лет.— Очерк Ю. Новиковой.— № 10.
Как это было.— Очерк Н. Ерушева, участника штурма Зимнего.— № 11.
В ночь на 28-е.— Ю. Котляр, Г. Семенов.— № 11.
Вождь революции (Из воспоминаний о В. И. Ленине).— № 11.

ИЗ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

На вершине Небесных гор.— Я. Артин.— № 1.
На Байкал!— В. Константинов.
У подножия Баргузинского хребта.— С. Кирпичев.— № 2.
Каких только зверей не бывает!— Рольф Бломберг. Перевел со шведского Л. Жданов.— № 3.
80 дней в Индонезии.— В. Островский.— № 8.
В поисках анаконды.— Рольф Бломберг. Перевел со шведского Л. Жданов.— №№ 10, 11, 12.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Вязьминские археологи.— Очерк Юрия Сотника.— № 1.
Письма из Одессы.— № 1.
Наша почта. (Письма, стихи, заметки ребят).— №№ 2, 3, 8.
Знамя Барселоны.— Очерк Ю. Новиковой.— № 2.
«Кляксы» (Юмористические рисунки ребят).— №№ 2, 3, 4.
«Бульте любезны».— №№ 2, 3.
Клуб «Пионера».— №№ 3, 4, 5, 6, 10.
Задумано — сделано.— №№ 4, 8.
Поиски и находки.— Очерк Ю. Новиковой.— № 4.
Следопыты, лучники и другие...— № 4.
Тридцать пять (к 35-летию пионерской организации).— № 5.
Лето в Клинцах.— Очерк Ю. Новиковой.— № 5.
Лесные доктора.— Очерк С. Журбиной.— № 6.
Советы вожатого.— Ю. Сухачев.— № 6.

«Наш отдых» (Из журнала пионерлагеря).— № 6.
Тысяча ответов на три вопроса.— № 7.
Решая вопрос о будущем.— Очерк К. Кочеткова.— № 7.
Новые строки в книгу истории.— №№ 8, 9, 10.
Здесь не скучают.— Фотоочерк Ю. Сотника.— № 10.
Про нашу жизнь (Стихи, рисунки и заметки ребят).— № 11.
Небо стало ближе.— Очерк К. Кочеткова.— № 12.
Пионерские новости.— № 12.

СПОРТ

Ненавистный урок.— Очерк А. Хмелика.— № 1.
На снежных дорогах.— Очерк А. Дорохова.— № 2.
Рядом со школой (Фотоочерк).— № 3.
Регби. Бадмингтон. Гонки по треку. Современное пятиборье.— В. Кречетова.— № 4.
Как надо и как не надо.— Андрей Старостин.— № 5.
Разговор с яхромскими школьниками.— М. Черевков.— № 6.
Хорошо быть спортсменом.— В. Кречетова.— № 7.
Прыжок в ночь.— Очерк А. Мошковского.— № 8.
Продолжаем разговор с яхромскими школьниками.— В. Колпаков.— № 8.
Новая игра.— Очерк Ю. Батюшкова.— № 9.
Моим друзьям.— Э. Затопек.— № 10.
О трех победителях.— Очерк В. Васильева.— № 11.
Весело на коньках.— М. Черевков.— № 12.

НАУКА И ТЕХНИКА

В поисках неизвестного.— Рассказы П. Мариковского.— № 1.
Пленница северного озера.— Рассказ Г. Голубева.— № 2.
Бел-горюч камень.— Очерк Ю. Моралевича.— № 3.
Алмазы в тайге.— А. Дорохов.— № 4.
Вода идет в пустыню.— В. Степаненко.— № 5.
Ключи жизни.— Очерк Е. Рубцовой.— № 5.
Год, в котором 18 месяцев.— Очерк И. Бавыкиной.— № 6.
Самолеты против бабочек.— П. Жохов.— № 6.
О крылатых сторожах, об истребителях зловерных гусениц, о незаметных тружениках леса, которым нужно помочь.— Очерк П. Смолина.— № 6.
Дорога к подземным богатствам.— Очерк А. Некрасова.— № 7.
Первый в мире атомомобиль.— Ю. Моралевич.— № 8.
Муравьиный народ.— Рассказы П. Мариковского.— № 9.
Куда пропал крановщик?— Ю. Моралевич.— № 10.
Путь в мировое пространство.— Очерк Н. Ефремова.— № 10.
Загадочная находка.— Очерк И. Соновского.— № 10.
На воде, на суше, в воздухе, под землей.— В. Ненякин.— № 11.

Они угрожают нашим лесам и садам.— П. Смолин.— № 12.
Таежная ферма.— А. Тараданкин.— № 12.
Телевизор на локомотиве.— Ю. Моралевич.— № 12.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

(Ответы на вопросы читателей)

Тайна бумеранга.— Инженер А. Петров; Деревья во льду.— Г. Федосеев; Из чего состоит кровь.— Г. Грин.— № 1.
Как стать внимательным.— М. Крутик; Кошка-мурлыка.— Е. Владимиров; Что произошло с термометром.— К. Кочетков; На Луне.— Е. Рубцова.— № 2.
Тайна печальной нимфы.— И. Бавыкина; От А до Я.— Н. Друин; Восьминогие строители.— К. Кочетков.— № 3.
Отчего играет солнце.— Е. Рубцова; Про молоко.— К. Кочетков; Слова живут.— Б. Володин; Первый ледокол.— И. Бавыкина.— № 4.
Круг, Солнце и зерна пшеницы.— Е. Рубцова; Семицветный свет.— И. Бавыкина.— № 8.
Тайна замерзания воды.— Ю. Авалиани; Вредная привычка.— Г. Грин; Ловушка света.— К. Кочетков; Физика в горячем утюге.— Ю. Авалиани; Самое жаркое место на земле.— Ю. Калинин.— № 9.
О тех, кто слушает брюшком и поет крылышками.— Г. Грин; Самый большой магнит.— Ю. Авалиани.— № 11.
Тайна змеиного яда.— К. Кочетков; Для чего у кошки усы?— К. Кочетков; Самые точные часы.— Ю. Калинин; Говорят ли птицы?— Г. Грин; Сколько весит Земля.— И. Бавыкина.— № 12.

ИСКУССТВО

Укийо-е.— Е. Рубцова.— № 1.
Михаил Иванович Глинка (Из воспоминаний).— № 2.
Сокровища наших музеев.— № 3.
Сила таланта (О В. Тропинине).— С. Заречная.— № 5.
Необыкновенные гости (о кукольном театре разных стран).— Очерк Е. Л. Сперанского.— № 7.
Цирк на фестивале.— В. Колесников.— № 7.
Рисунки на кости.— Макс Зингер.— № 9.

ЮМОР

Новости зимнего спорта.— № 1.
Приключения «ПУ-1».— №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9.
Веселые картины (из польского журнала «Пломы»).— № 2.
Шутки, небылицы, веселые стихи.— № 7.
Если б все часы на свете...— Стихотворение Р. Заславского.— № 9.
Иностранный юмор.— № 9.
Ворованная косточка. Избавился.—

Сказки братьев Бондаренко.— № 10.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ И КНИГАХ

Писатель Италии Джанни Родари детям стихи и любовь свою дарит...— Вл. Глодер.— № 2.
Завидная жизнь. О К. И. Чуковском.— Очерк А. Бруштейн.— № 3.
Биография одного стихотворения. (О «Гренаде» М. Светлова).— Очерк Б. Сарнова.— № 4.
Бессмертие Робина Гуда.— Сергей Львов.— № 6.
Непокоренный (О Мусе Джалиле).— Очерк Ю. Новиковой.— № 6.
Великий песенник Франции (О Беранже).— И. Халтурин.— № 7.
В тереме Ягишны (Об А. Н. Толстом).— В. Берестов.— № 8.
Борис Житков.— Очерк Л. Чуковской.— № 9.
Должность писателя (О Б. Ивантере).— Ю. Новикова.— № 10.
О новом по-новому (О С. Я. Маршак).— В. Сарнов.— № 11.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Детство Саши Яновской (О книге А. Бруштейн «Дорога уходит вдаль»).— Ю. Новикова; Товарищ ЮТ (О журнале «Юный техник»).— А. Некрасов; Пионеризат; Два бессмертных друга (О книге Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле»).— № 1.
Рассказы об обыкновенных ребятах (О книге А. Мошковского «Полет не отменяется»).— В. Орджоникидзе.— № 4.
До свидания в Москве! (О книге Е. Воробьева «Сто сорок пять»).— Ю. Савицкая.— № 5.
Книга о воинском подвиге (О книге Руд. Бершадского «Путь к подвигу»).— М. Бремер.— № 6.
Рассказы о героических годах (О книге М. Коршунова «Рассказы старого шахтера»).— А. Мошковский; Поиски и открытия (О книге И. Андроникова «Рассказы литературоведа»).— П. Куприяновский; Об английских детских журналах.— Глин Девис.— № 10.
Познакомьтесь с Тимой (О книге В. Коженикова «Заре навстречу»).— В. Галанов; Повесть о восставшем корабле (О книге А. Лебеденко «Восстание на Святой Анне»).— А. Дорохов.— № 11.
О книге Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».— Ю. Савицкая; Ворота в мир (О книге Б. Олевского «Ося и его друзья»).— Ю. Новикова; Старый знакомый (О книге А. Кононова «Заря над городом»).— Р. Канделаки.— № 12.

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА

№№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д-330-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Технический редактор А. Ефимова.

А 10428.

Подписано к печати 27/XI 1957 г.

Тираж 350 000 экз.

Изд. № 1466.

Зак. № 2842.

Форм. бум. 84×108¹/₂. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Поступили в продажу
КОМПЛЕКТЫ ЦВЕТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ОТКРЫТОК

по темам Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, строительства коммунизма, Великой Отечественной войны, литературным, сказочным и другим.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ и ФЛАГ СССР. Государственные гербы и флаги союзных республик». Изогиз. 1957 г. Цена 3 р. 20 к.

«РОССИЯ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ». Открытки художника Н. Долгорукова. Изогиз. 1957 г. Цена 2 р. 40 к.

«АРМЯНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«БЕЛОРУССКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«ГРУЗИНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«КАЗАХСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 р. 40 к.

«КИРГИЗСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«ЛАТВИЙСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 1 р. 60 к.

«ЛИТОВСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 1 р. 60 к.

«МОЛДАВСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«РСФСР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 4 р. 80 к.

«ТАДЖИКСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«ТУРКМЕНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«УЗБЕКСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«УКРАИНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

«ЭСТОНСКАЯ ССР». Комплект видовых открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 р. 40 к.

«Рисунки В. Куприянова к сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок». 10 ярких, красочных открыток. Изогиз. 1957 г. Цена 2 руб.

В магазинах книоторга и потребительской кооперации всегда имеется большой выбор цветных художественных открыток.

В магазины постоянно поступают новые открытки — цветные и тоновые. Пополняйте свои альбомы открыток.

Всесоюзное объединение книжной торговли
Министерства культуры СССР.

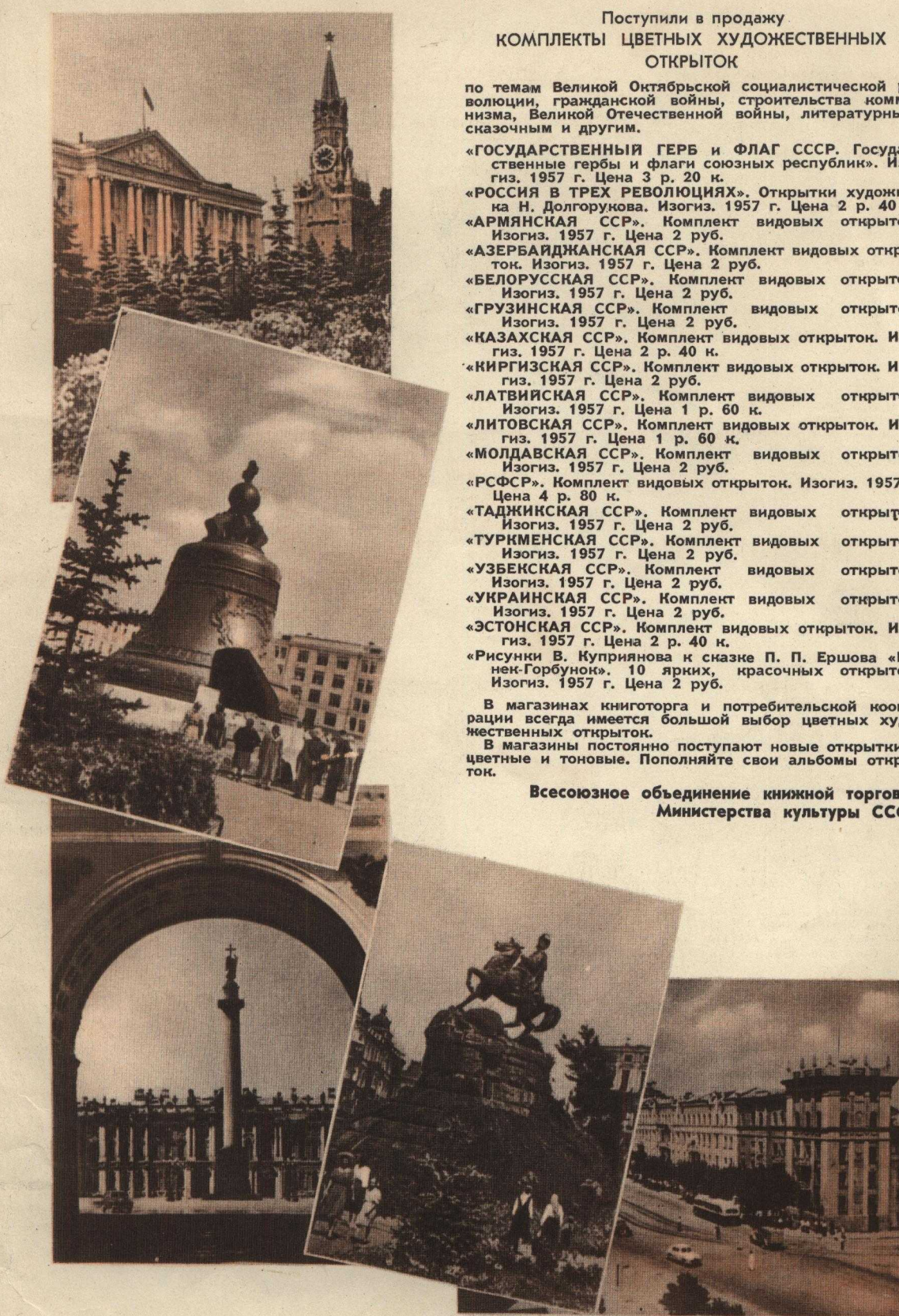

Рисунок Е. Ведерникова.